

A521

Кб

Б 1121463

АЛТАЙ

3. 1981

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

1121463

А521
КФ

АЛТАИ

1981

3

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Издается с 1947 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Анатолий КИРИЛИН. Новый дом, старые вещи. Рассказ	3
Ольга КУЗЬМЕНКО. Один лишь вечер. Счастливый камень. Рас- сказы	18
Яков КРИВОНОСОВ. Человек на машине. Повесть	27

ПОЭЗИЯ

Николай ЛАКТИОНОВ. Уснули до рассвета соловьи... Стихи	12
Ольга КАЗАКОВЦЕВА. Утро. Стихи	13
Наталья НИКОЛЕНКО. Предчувствие. Стихи	15
Станислав ЯНЕНКО. Какие ветры пролетали... Стихи	16
Михаил МОКШИН. Я прошлого страницы тихо трогаю... Стихи	25
Евгений КУЗНЕЦОВ. Не для славы, а для любви... Стихи	54
Геннадий ЖИРОВ. Край Бобровский. Стихи	55

ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

Геннадий ОСИПОВ. И останутся как в сказке... Документальная повесть	56
Геннадий ВОЛОДИН. Рассказы о грибах	69

(см. на обороте)

БАРНАУЛ. АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1981

КРИТИКА

Георгий КОНДАКОВ. Путеводная звезда	77
Георгий КАРПОВ. Сила воплощения. Заметки о творчестве В. Башупова	83
Дмитрий ИВАНОВ. Память сердца	92

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Владимир СВИНЦОВ. Обыкновенная история обыкновенной кошки. Рассказ	94
--	----

Редактор И. П. КУДИНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. БАШУНОВ, И. И. БЕРЕЗЮК, П. А. БОРОДКИН,
Е. Г. ГУЩИН (зам. редактора), В. В. ДУБРОВСКАЯ, Л. И. КВИН,
В. Н. ПОПОВ, Н. М. ЧЕРКАСОВ, О. Н. ШЕВЧУК

Б 112/463

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1981 № 3

Художественный редактор В. Еранкин. Технический редактор М. Сафонова.
Корректор Н. Тырышкина
Рукописи не возвращаются

ЛТ 08259. Сдано в набор 18. 06. 1981 г. Подписано к печати 16. 07. 1981 г. Формат 70x108/16. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 11,425. Тираж 7000 экз. Заказ № 990. Цена 50 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76. Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, Г. Титова, 3.

Адрес редакции: 656099, Барнаул, Новая, 11а. Телефон 2—14—53.

©«Алтай», № 3, 1981.

Электронная библиотека АЛТАЙ.РУ, elib.altlib.ru

Ур.

Анатолий Кирилин родился в Барнауле в 1947 году. Журналист. С 1965 года работал на радио, последние несколько лет — на телевидении. Несколько его рассказов опубликованы в коллективном сборнике «Прикосновение».

Анатолий КИРИЛИН

НОВЫЙ ДОМ, СТАРЫЕ ВЕЩИ

РАССКАЗ

Павел — крановщик. Только кран у него не такой, как все, а плавающий. И вместо ковша — пасть, которая, вобрав в себя песок, закрывается, — грейфер. Конструкция проста и надежна.

— Тоже мне, работа, — презрительно сказала однажды соседка Евгения при очередной ссоре с его женой. — Перекладывать с одного места на другое, из пустого в порожнее.

Переключаться на соседкиного мужа — это в тактике Евгении было козырем. Знала наверняка: тут-то противник и надломится. Живая, находчивая, готовая ответить на любой выпад противницы, Нина сразу терялась, когда та задевала Павла. Она не знала, как защитить его, такого большого и сильного, ступшевывалась и бежала к нему — не то помогать, не то просить помощи.

— Н-ну, скажи ты ей, ради бога, — еле сдерживая дрожание губ, настаивала Нина. Она знала, что кран у Павла необыкновенный, работает на реке, где все красиво и интересно. Женькины хахали ни разу не приносили с работы ничего такого, бутылки одни, а ей муж приносит даже ягоды — ежевику.

Их комнату от места сражения — кухни — отделяла тонкая перегородка, и Павел всегда все слышал. Однако участия не принимал. Даже в тех случаях, когда жена взывала к его помощи, как нынче.

— Оставь, — досадливо махнул он рукой. — И что вы все делите, поделить не можете?

— А кто опять первый начал? — разгоряченная сварой, никак не успокаивалась Нина.

Начинала и вправду обычно не она, зато заводилась с полоборота, поэтому соседке ничего не стоило организовать новый скандал, что и случалось почти при каждой их встрече на кухне.

Павел не принимал всерьез эти ссоры. И совсем бы не обращал на них внимания, если б не видел, насколько задевают они жену.

На первый взгляд, Павел был прямой противоположностью маленькой подвижной Нины. Рослый, плечистый, большеголовый, — даже при его росте голова казалась несоразмерной, — ходил он всегда в одном и том же темпе, как заведенный. Даже если будет опаздывать в кино или на поезд, не побежит. Однако установленная раз и навсегда размеренная его ходьба не была такой медлительной, как могло показаться со стороны. Во всяком случае, Нина едва за ним поспевала. Делая за его шаг три своих, она напоминала собачонку, семенящую за

хозяйнином. Сам же Павел был похож на большого добродушного сенбернара из соседнего дома. Сходство это Нина заметила, увидев однажды их рядом. Сенбернар, по-видимому, гулял и набрел на сидящего возле дома Павла. Пса вдруг заинтересовала могучая и рыжая, как у него, голова. Он уселся напротив и стал разглядывать человека. Павел, чуть склонив от удивления голову, тоже уставился на собаку. За этим занятием и застала их Нина. Хотела понаблюдать в сторонке, что дальше будет, но не смогла удержаться, расхохоталась:

— Здорово, брательники!

С тех пор они подружились. Дружба эта была бескорыстной, никаких кусков Павел сенбернару не таскал, знал: для хорошей собаки это вроде как оскорбление. К тому же не хотел огорчать хозяина, который ничего не имел против их взаимной симпатии. Они частенько встречались во дворе, обменивались понимающими взглядами.

— Успокойся, — Павел ласково потрепал жену по плечу.

— У-у, стервозина! — всхлипывала та, по-детски грозя кулаком в сторону кухни. — Чтоб ты лопнула от зависти!

Павел знал наверное, что соседка завидует им. Как, впрочем, и любая бы одинокая на ее месте. Оттого было жалко Евгению, и он никогда не решался выговаривать ей за склочный нрав. Жалел и жену, но был уверен: с ним она находит и успокоение и ласку. Однако с Ниной об этом никогда не говорил, боялся — заревнует.

Соседка красивая, бесспорно, только красота ее какая-то вчерашняя. Не то, чтобы выцвела, а вот бывает: и хорошая вещь, а не нужна стала. Евгения с ним не кокетничала и вообще мало обращала внимания. Иной раз, правда, пройдет и ухмыльнется, будто спросит:

— Ну что, всем доволен?

Но Павел знал, это не от злости — от досады.

В соседях у них Евгения оказалась после развода. Первые дни отсиживалась в своей комнатухе, даже на кухне редко появлялась — переживала. Нина начала тормозить ее потихоньку — то на чай позовет, то будто невзначай билет на нее в кино купит. И вскоре Евгения начала отходить. Соседки подружились, стали вместе возиться с тряпками, бегать по магазинам.

Евгения рослая, светлая — была намного сдержаннее, как бы холоднее маленькой темноволосой подруги-непоседы. Однако они могли часами быть вместе, не надоедая друг другу. Кто бы мог подумать тогда, что они станут чуть ли не заклятыми врагами?

А произошло следующее. Однажды к Евгении пришли гости, кто — Нина не видела. Да так и не узнала: не пригласила их соседка. Весь вечер Нина поглядывала в сторону комнаты Евгении, нервничала, но утром ничего не сказала, сдержалась. Через несколько дней снова гости, и снова приглашения не последовало.

— Между прочим, лучше уж второй раз с мужем ошибиться, чем вот так, — жестко начала разговор Нина.

— Гран мерси, имела счастье!

— Кстати, рядом семейные люди живут, можно и постесняться.

Евгения фыркнула.

— Может, с тебя пример взять и завести себе такого же...

Какого — Нина не дослушала, взвилась и наговорила соседке кучу гадостей. Так и пошло с тех пор: встретились — сцепились.

На этот раз Нина не могла успокоиться особенно долго.

— Отсиживаешься? А она, между прочим, на твой счет прохаживается. Или уши заложило?

— Да ладно тебе.

— Понимаю, отношения не хочешь портить, может, рассчитываешь на что?

— Нина! — он удивленно поднял брови и, ничего больше не сказав, вышел во двор.

Возвратился — жена спит, свернувшись калачиком на диване, как была, во всей одежде. «Навоевалась», — подумал без злости. Хотел потихоньку подsunуть подушку — не получилось, разбудил. Жена открыла глаза, улыбнулась было, но тут же вспомнила, насупилась. Мириться не захотела.

На работу Павел пришел без настроения. Начинать не спешил, посидел, подумал. Если разобраться, Евгения права. Действительно, он все время только и делает, что перекаладывает с места на место. И никуда его самоходная машина не ходит. Во всяком случае, уже три года — это точно. Стоит на якоре у самого берега, на одном и том же месте, а к левому борту, тоже всегда в одном месте, ставят баржу с песком. Павел перекаладывает его с баржи на берег. Из кучи на берегу маленький сухопутный экскаватор нагружает машины, а Павел снова и снова насыпает. В результате песка не прибывает и не убывает. Мастерства от Павла требуется ровно настолько, чтобы как можно чище подобрать песок с баржи. Для этого он тщательно выбирает место, куда опустить ковш-пасть. Все движения машины однообразны: влево — вправо, влево — вправо. Она даже научилась произносить эти слова. При повороте влево мягко повизгивает — лев-во, в другую сторону идет со скрежетом — пр-раво. Угол поворота — градусов сорок, не больше — это и есть обзор Павла за весь день. И так три года. Крутнуться вокруг себя хотя бы для разнообразия нельзя, сзади телефонная линия. В сектор обзора входит часть реки с мостом и зеленые пойменные луга до самого горизонта. И только внизу, прямо под ним, кусочек берега — обитаемая часть земли. По ней то и дело проходят люди, снуют машины, но все они не просто находятся под ним, а как бы существуют совсем в ином измерении.

Однажды маленький экскаватор сломался, и берег неожиданно опустел. Павел заметил это не сразу, а только когда нагруженный грейфер не завис привычно над кучей, а ткнулся в нее. Откуда-то появился диспетчер.

— Сегодня грузиться не будут, можешь домой пораньше.

Через полчаса он подъехал на самосвале:

— Не ушел еще? Прекрасно! Давай-ка накидаем эту коробочку.

Павлу все равно, в кучу или в машину. Нагрузил.

— Еще придут — загружай. — И укатил.

— Надо было сразу сматываться, — Павел, смотря в зеркало, покрутил у виска.

Машин пришло еще десять—двенадцать, и растянулись они до конца рабочего дня. Утром диспетчер протянул ему две трешницы:

— Привет от «дяди Левы»!

Опять весь день он грузил «леваков», и так продолжалось до конца недели. Павел ничего не имел против неожиданного заработка, хотя и не знал, как им распорядиться. Решил просто: в пятницу все до копейки выложил жене. Премияльные, дескать.

«Левые» исчезли так же внезапно, как появились. Наладили сухопутного братишку. Теперь Павел не чувствовал уже былого превосходства, хотя и продолжал смотреть на него сверху вниз. Но, по правде сказать, и зависимости особой не ощущал.

Подумав о зависти, он вспомнил свой дом. Живут они с женой дружно, а в остальном завидовать особенно нечему. Вокруг давно все застроено многоэтажными домами, а их барак никак не снесут. Он остался один из целого поселка, наспех построенного в войну для рабочих эвакуированного завода. Поселок так и называется для сих пор — Барачный. Несколько раз у них делали ремонты — и текущие, и капитальные, но что сделано на год, не прослужит век. В квартире всегда было сыро и мрачно. В общий коридор выходило еще несколько дверей, за которыми до недавнего времени жили одинокие, пожилые люди. Постепенно они разъехались, и комнаты пустовали.

Заявление на квартиру Павел подал, работая на заводе, примерно через год, как устроился. Очередь была большая, так что он знал: квартиру ждать долго. Когда снесли предпоследний барак и стало ясно, что скоро их очередь, он уволился.

Павлу всегда хотелось работать одному, а в цехе все по бригадам. Он стоял на промежуточной и был вынужден подчиняться общему темпу. Никак не получалось, и его все время ругали. А когда вошел в ритм, успокоились, но однажды дернули за рукав и зло сказали:

— Куда гонишь, хочешь, чтобы расценки срезали?

На новом месте он не стал писать заявление на квартиру: все равно дадут. Однако, со сносом не торопились.

После обеда Павел поработал еще часа полтора и закончил разгружать баржу. Новую не подгоняли. Домой идти не хотелось, на берегу тоже делать нечего, — ежевика кончилась. Решил пройтись по косе до той части берега, которая не видна из кабины. Наведывался он туда довольно часто: место тихое, никого не бывает. Наверно, потому и выбрали этот уголок для судового кладбища. Отслужившие свое баржи, пароходы, пароходики и совсем маленькие катера вытаснены из воды и разбросаны вдоль берега. Дожди смыли с них остатки краски, не осталось ни мачт, ни стекол, ни палубных надстроек — одни остовы, очертания едва напоминающие былую стать.

На этот раз он оказался здесь не один. Возле самой воды замер над удочками рыбак. Понаблюдав за ним немного, Павел убедился, что клева нет. Рыбак, видно, понял это давно и сидел так, будто пришел не рыбачить вовсе, а прикорнуть в тишине.

— Не густо, — вместо приветствия произнес Павел.

Рыбак неторопливо оглянулся и без удивления посмотрел на незнакомца. «Пенсионер», — решил Павел.

— Тут больше и не поймать, — старик кивнул на алюминиевый бидончик, в котором плескались две маленькие рыбешки. — Берег гладкий, дно пологое. Мелочь.

— Значит, посидеть просто?

Вопрос Павла остался без ответа, и он, спохватившись, подумал: его появление здесь может показаться довольно странным.

— Работаю здесь, — поспешил объяснить он, кивнув в сторону своей машины. — песок сгружаю.

Старик понимающе покачал головой и опять ничего не сказал. Павел, почувствовав неловкость, повернул было назад, но тотчас старик заговорил.

— И давно?

— Четыре года скоро...

— То-то лицо знакомо. Я вель по всему причалу технику знаю, почитай, каждую моторку...

Он повернулся к удочкам, неторопливо проверил одну, поменял червяка и, не заботясь о том, слушают его или нет, продолжал:

— Вся жизнь на берегу прошла — и дом тут и работа. Механик я. Твою лапотушку тоже ладить приходилось.

Павел удивился ласковому слову, непривычно как-то. Коряга, лапоть — больше бы, пожалуй, подошло.

— А знаешь, кто до тебя здесь работал?

Ответ, казалось, вполне удовлетворил старого механика.

Ответ, казалось, вполне удовлетворил старого механика.

— Зимой-то чем занимаешься?

— В мастерской слесарю.

— То-то... А Ивана на ремонте держали. Здесь же, в порту. Специалист был — куда там! Считай, и не уходил с берега. Приду домой звать — удивляется: неужели отработали? Одно слово — речник. Любая машина на плаву — для него судно. Как выкрасят по весне — только что не целовался с ними.

«Да, были люди в наше время», — усмехнулся про себя Павел.

— Представляешь, — снова оживился старик, — мы с ним этих красавцев до последнего шовчика перешупали.

Он внимательно оглядел беспорядочную шеренгу на берегу.

— «Витязь», «Хмурый»...

Поймав удивленный взгляд Павла, пояснил:

— На ходу нос как бы опускал маленько, хмурился, вроде. Вот и прозвали так, а по службе — ПТ-9.

— Надо же, сколько добра гниет! — сказал Павел, не проникнувшись настроением старика.

— Добра, говоришь? Оно так... А ты пробовал ломать на дрова дом, который сам строил?

— Другие бы сломали, — поморщился от сравнения Павел.

— Другие, конечно, могли бы, но каждый, поди, понимает: подождать надо, пока забудется, какие они были, живые.

— Чего ждать-то? Пока окончательно сгниет? Одно дело — судно, совсем другое — металллом. Зачем путать?

Старик промолчал и начал потихоньку собирать свои снасти. Еще раз заглянул в бидончик и, болтнув пару раз, выплеснул содержимое в реку. Спина его, немного помаячив впереди, скрылась за кустами.

— Кладбищенский сторож! — обозвал Павел горе-рыбака и пошел следом.

На улице было пусто, еще не возвращались с работы. Впрочем, здесь почти всегда стояла тишина. Совсем рядом центр, высотные дома, шумные улицы, а тут — частный сектор — покой, зелень. Как бы подчеркивая невозмутимость этой обстановки, посреди проезжей части на солнышке пригрелась белая с черными пятнами собака.

— Фью-фью-фью, — позвал Павел, — смотри, задавит.

Собака и ухом не повела. Он пошвыстел еще и на всякий случай сильно хлопнул в ладоши. Ноль внимания. Тогда он подошел ближе и увидел около собачьей морды потемневшую лужицу крови, а рядом жирно прочерченный тормозной след. Видно, собаку задавили совсем недавно.

Вид человека, долго разглядывающего что-то на дороге, привлек внимание хозяев ближнего дома. Из ворот выглянула пожилая женщина и, поняв, что произошло, закричала через улицу:

— Валентина Ивановна!

Из дома напротив вышла женщина примерно одного возраста с соседкой. Посмотрела на нее, перевела взгляд на Павла и охнула:

— Барсик!

— А я слышу тормоза завизжали, — начала было соседка, но Валентина Ивановна перебила:

— Ленка ведь проснется сейчас.

Она подхватила и убежала во двор.

— Давайте помогу, — Павел протянул руку к лопате, которую тотчас вынесла хозяйка собаки.

Она не прицелилась, заботясь больше всего, чтобы Ленка, внучка, должно быть, не увидела мертвого Барсика. Только тихо сказала:

— Дурачок ты мой беденький.

Земля подавалась легко, но ручка у лопаты была слишком короткой, и Павлу приходилось низко нагибаться.

— Ой, спасибо вам, добрый человек, сердце, видно, у вас золотое.

— Да что вы, — смутился Павел, — просто собак очень люблю.

Она то и дело с беспокойством поглядывала на окна.

— Хватит, наверно, молодой человек? Ох, зовут-то вас как?

— Павел. Поглубже надо, раскопают, чего доброго.

Хозяйка сама принесла собаку и аккуратно положила в ямку.

— А Леночке скажу, что убежала. И Виктору — придет скоро с работы. Надо же, любил как его!

У женщины сильно задрожали губы, но она быстро справилась с собой.

— Соседей не забыть предупредить... Вы живете где-то недалеко?

— Нет, работаю здесь.

— И семья, верно, здесь?

— Жена.

— Дай вам бог здоровья, хорошие вы люди.

Благодарила она искренно, вероятно, любила собаку не меньше своих домочадцев. А поделиться горем, выходит, не с кем...

Засыпав могилку, Павел обнаружил, что вырыл ее в ряду недавно посаженных молодых вязов. Один из них как раз пришелся на ямку и теперь здесь образовался промежуток. Нет бы, чуть выше.

Жена встретила сообщением:

— На завтра электрика вызвала, счетчик второй будем ставить.

— Зачем?

— Хватить платить за нее! Знаешь, во сколько она спать ложится?

То гости с музыкой, то музыка без гостей. Тебе что, дрыхнешь, как слон, и не слышишь.

Павел не знал, как спят слоны, но на сон не жаловался.

— Опять заводись на пустом.

— Пустое, да? Выходит, я ей обязана, раз плачу за нее? Дудки! Завтра же порядок наведу. Мы, видишь ли, должны платить вдвое больше, когда тратим вчетверо меньше! Вот отделимся — все наши розетки мылом натру и волосок прилеплю. Пусть попробует сунется!

— Ну, придумала! — покачал головой Павел. — Потерпеть, что ли, нельзя? Квартиру скоро получим — хозяйничай, как хочешь.

— Получишь, как же! Сгнем тут вместе с этой рухлядью.

Она со злостью пнула стену, но, видимо, неудачно и, закусив от боли губу, быстро заходила по комнате.

— Ужинать будем здесь, видеть не могу эту... И вообще, больше с ней ни слова, жизнь себе отравлять.

Нина внезапно, как и завелась, успокоилась, даже повеселела.

Обычно ели наспех, прямо за кухонным столом. В комнате накрывали только в торжественных случаях, поэтому ужин сразу же приобрел праздничный оттенок. Павел радовался перемене в настроении жены и, не переставая, нахваливал самые обычные блюда. Потом они сходили в кино, гуляли, потом, обнимая, он чувствовал, что руки его больше ее всей. Всегда в эти минуты Павел бережно касался ее и молчал: боялся своих слов, как своих рук. На этот раз губы произвольно нашептывали:

— Маленькая ты моя... Лапотушка!

Скандал, который по обещанию Нины был последним, повторился на завтра же. Что послужило причиной, Павел не знал, но, судя по отдельным выкрикам, все тот же расход электроэнергии. А может, плита, залитая сбежавшим кофе? Темная лужа на белой эмали бросилась в глаза, едва он шагнул на кухню. И еще Павел обратил внимание на лицо Евгении. Если бы не крики, разносившиеся по всему дому, можно было подумать, человек приятно беседует. Слегка ироничная улыбка, полная безмятежность во взгляде. Вечером он решил на разговор.

Соседка сидела, откинувшись на спинку дивана, покачивала ногой.

— Ну, что?

Павел решил, что она ждет его смущения, и начал без предисловий.

— Вы бы кончали базар-то. Женщина ты вроде неглупая, чего заводись?

— А ты садись, — Евгения вдруг засуетилась, освободила от шитья стул, подвинула к Павлу. — Чаю хочешь?

— Нет, пил уже.

Он поудобнее устроился на маловатом для него стуле, готовясь к обстоятельному разговору.

— Знаешь, что я тебе скажу, — Евгения вернулась на свое место, уселась поглубже и неожиданно тихо, но отчетливо произнесла:

— Пошел вон, медуза головастая!

Павел не сразу понял, что его просто-напросто выставили, да еще обругали. А понял — закипел, не удержался:

— Скажи спасибо, не мужик ты...

Из-за грохота двери не разобрал: то ли слышалось, то ли на самом деле соседка сказала вслед:

— И где глаза у Нинки?

Он проскочил мимо своих дверей, вылетел на улицу и в несколько шагов оказался в чужом дворе.

— Ну, змея! Так и сдохнешь в одиночестве, кто позарится?

Павел продолжал вслух ругаться с соседкой, не думая, что кто-нибудь может услышать. Забыл даже удивиться — такой злости у него ни на кого еще не было.

— Где же тут Нинке с собой совладать? Тьфу, пропади ты! — злился он уже на себя за то, что не может успокоиться.

В это время в двух шагах от него прошел знакомый сенбернар со своим хозяином. Он шагал как всегда спокойно, немного враскачку, с достоинством неся свою крупную голову. Словно верблюд в привычном переходе через пустыню. В сторону Павла пес даже глазом не повел. Скорее всего он привык встречать своего знакомого в одном и том же месте. Собака скрылась из виду, и Павлу вдруг стало пусто и одиноко. Даже со злостью было намного уютнее.

— Почему так? — размышлял он. — Стараешься, как лучше — получается наоборот.

Подумал о ребятах с завода, опять о соседке.

— Так мне, дураку, и надо. Поделом. И вообще — у каждого своя жизнь, плевать я теперь хотел на ваши заботы! — неизвестно кому пообещал Павел.

Сначала его забавляли и даже радовали вечные заботы хлопотуньи жены. Она целыми часами могла рассказывать о том, что творится на работе, кто заболел, кого отправили на пенсию, как сажали картошку или собирали ягоду. Павел удивлялся, что все это она умудряется пропускать через себя. Раскраснеется, глаза блестят — заново переживает. Со временем рассказы о больших и маленьких женских заботах перестали занимать Павла. И раньше сердцем он не отвыкал на эти рассказы, а теперь даже не старался вникнуть, о чем это она? Так бывает, когда поет под окном невидимая птица. Хорошо! А отчего — не задумываешься. Спросят — не ответишь.

В прошлом году у Нины умер кто-то из дальних родственников. Павел узнал об этом в самом конце дня, когда жена вернулась, набегавшись с оформлением документов, в поисках ткани и прочего.

— Мне-то надо быть или не обязательно? Нахоронился уж...

Он и на самом деле похоронил почти всех своих родственников. Этого же не видел даже ни разу, так что Нина решила:

— Конечно, не ходи. Мужиков там много, управимся.

А потом весь день его покалывала совесть. Глянет на свои ручищи и подумает: кому, как не ему, могилу-то копать? И жена там.

Нина пришла с заплаканными глазами.

— Ты чего? — удивился Павел. — Наверно, бабки подняли вой? Их послушаешь — не то что заплачешь, задавиться можно.

— Да нет, не плакал никто — особенно, да и я — потом уже... — она, не закончив фразу, махнула рукой, дескать, оставим, не стоит разговоров. Вот так, на полуслове, они частенько заканчивали едва разгорающуюся ссору, а то и просто не нужный обоим разговор. Павел очень ценил единодушие в таких случаях и считал, что оно идет от полного их взаимопонимания.

От этой мысли он опять перешел к соседке, к ее последней фразе.

Задумался. Нет, у них с женой все в порядке, пусть зря не болтает. Единственное — детей нет, так будут. Через год после свадьбы он начал было волноваться, настанвал, чтобы Нина сходила к врачу, проверилась. Но она успокоила: все в порядке, будут дети, подождем немного. После того прошло немало времени, а семья никак не росла. И тогда Павел решил про себя, что Нина тянет из-за квартиры. Действительно, как с маленьким в такой сырости, безо всяких условий? Он уверен, долгое их терпение будет вознаграждено, и тогда разом решатся все накопившиеся житейские проблемы. Появятся дети, придет желание облагораживать и украшать свои стены, исчезнет, наконец, соседка-ведьма. Павел признался себе, что последнее обстоятельство до сего дня не очень-то занимало его, но зато сейчас оно превратилось чуть ли не в главное, требующее немедленных мер.

— Все, — громко, словно приказывая себе, сказал Павел, — больше Нинку трогать ей не позволю.

На этом он поставил точку в сегодняшнем происшествии и больше не стал о нем думать. Недалеко, в пяти минутах ходьбы, жил давнишний приятель Павла, с которым в последнее время они почти перестали видеться. Захотелось вдруг навестить его.

Виктор сидел за швейной машинкой и, разговаривая с Павлом, продолжал работать. Шил он всегда одно и то же: спальники, палатки, чехлы на гондолы для плота. Эти чехлы изготавливались из такого толстого брезента, что наверняка ни одна машинка, кроме этой, не возьмет. Виктор — механик, и усовершенствовать швейную машинку для него раз плюнуть. То, что Павел застал его за шитьем, было так же естественно, как другого застать за книгой или телевизором. Вся жизнь Виктора делилась на две части: одна — поход во время отпуска, вторая — подготовка к нему. Обе эти части были одинаково насыщенными. Однажды, после несложного подсчета, он заявил приятелю:

— Настоящей жизни мне отпущено — сорок два месяца.

Квартира Виктора напоминала походный бивак — то ли во время разбивки, то ли наоборот, при свертывании. Кругом горы брезента, резина, туристское снаряжение. Мастерская — в диванном поддоне. Откинет одну половинку — там полный набор столярных и слесарных инструментов.

— Ты который чехол-тошьешь? — поинтересовался Павел, видя, как ловко Виктор расправляется с брезентом.

— Тридцатый примерно.

— Чего ради всех-то обрабатывать? Бригада у тебя — будь здоров, а выходит, одни нахлебники.

Виктор пожал плечами и с явной неохотой ответил:

— На воде поздно будет разбираться, кто что недоделал. Лучше уж я сам.

От группы, с которой Виктор начинал свой водный туризм, остался он один. Каждый год приходили новенькие, и состав был довольно пестрым. Сам Виктор давно уже прошел все реки и речки в крае, теперь маршруты группы уходили все дальше и дальше. Только на самолетные билеты для заброски к месту начала похода тратились почти все отпускные. Не каждый решится повторить такой подвиг.

У самого порога Павла задержал вопрос приятеля, который так и не встал из-за машинки:

— Как с жильем-то?

— Все по-старому, — махнул он рукой.

Удивленный взгляд, пауза — и опять стрекотание.

С утра он позвонил в диспетчерскую, отпросился с работы и пошел в районсполком. Там очень удивились, услышав, что в бараке осталось всего две семьи. Будто не знали. А может, кто из старичков уехал, не выписавшись? Павел не стал вдаваться в бумажные подробности, только напомнил о плохих условиях, из-за которых они не могут обзавес-

тись детьми. Женщина сочувственно кивала и пообещала на ближайшем заседании комиссии поднять вопрос об их квартире.

На следующий день, придя на работу, он написал сразу два заявления. Одно — на квартиру, другое — тоже в местный комитет — с просьбой ознакомиться с его жилищными условиями.

Нине он пока ничего не стал говорить, но она сразу почувствовала какую-то перемену в нем. А через нее почувствовал это весь дом. Скандалы на кухне прекратились, и даже стены барака будто притихли.

Павел при встрече с соседкой не здоровался и делал вид, что не замечает ее. Она была по-прежнему невозмутима.

Вскоре пришел представитель райисполкома. Он обмерил жилище, походил по кухне, заглянул в пустые комнаты, убедился, что уехавшие старички забрали с собой все имущество.

— Ну, что ж, — сказал он, прощаясь, — готовьтесь переезжать.

Против ожидания, известие это восторга не вызвало. Во всяком случае, было не похоже, что впереди праздник. Возможно, перегорели. Однако Павел сдерживался только до тех пор, пока Евгения не скрылась за дверью своей комнаты.

— Вот так, Нина Николаевна, готовьтесь!

— Нищему собраться...

— Надо мебель присматривать, не тащить же эту рухлядь с собой.

Павел начал перечислять предстоящие покупки, потом достал бумагу, чтобы не забыть чего. Нина внимательно смотрела на него, но участия в обсуждении покупок почти не принимала.

— Нам однокомнатную дадут?

— Конечно, больше не положено. Вот детей нарожаем — на расширение подадим.

— А ей? — неожиданно спросила Нина.

— Не зна-а-ю, — удивленно протянул Павел. — Может, малосемейку? А может, комнату с подселением, чтоб ругаться было с кем.

— Ладно, ужинать давай... Неизвестно, сколько все это еще протянется.

Но долго ждать не пришлось. Через две недели Павла пригласили в райисполком, после чего он несколько дней бегал со всякими справками. И вот, наконец, пришел последний день.

Уже смеркалось, когда Павел вышел во двор посидеть на скамеечке. Тишина. Будто затянулась скорбная минута молчания. Барак, казалось, понимал, что завтра его покинут навсегда. Некрашенные потрескавшиеся и почерневшие наличники, словно старческие веки, таили горестный взгляд. Прожил дом, в общем-то, не так много, но ведь строился он времяжкой и отпущенный ему век пережил раза в три. Оттого казался не просто старым — древним. Нина сидела мрачная...

«Наверно, ей тоже жалко расставаться со старым домом, — подумал Павел. — Все-таки и свадьбу здесь справляли и прожили уже сколько».

Утром подошла машина, и они быстро погрузили свои пожитки: Павел — что потяжелее, жена — разную мелочь. Евгения стояла у крыльца и молча наблюдала за сборами соседей. Вот, наконец, и все.

Он устроился в кузове на узле с бельем. Пошарил в карманах в поисках курева и вытащил никому теперь не нужный ключ от старой квартиры. Снял с него брелок, и размахнувшись, забросил далеко в кусты. Крикнул шоферу:

— Поехали!

Но едва водитель тронул ключ зажигания, дверца кабины распахнулась — и Нина стремглав бросилась к дому. Не успел Павел и глазом повести, как она висела на шее у соседки и кричала высоко-высоко:

— Женечка-а-а!

Та подхватила маленькую Нину и, прижав к себе, уткнулась ей в затылок. Обе ревели в голос. Павел недоумевал.

Николай Лактионов родился в 1947 году в с. Подstepное Ребрихинского района. Работал на стройке, трактористом, токарем, литературным сотрудником и ответственным секретарем районной газеты. В настоящее время живет в Барнауле, работает в многоотраслевой газете «Моторостроитель».

Николай ЛАКТИОНОВ

Уснули до рассвета соловьи...

Светает. Еще ни души.
Дорога. Заря. Подорожник.
Берись
и картину пиши,
да жаль,
что я сам не художник.

Березки. Прохлада. Жнивье.
И зябкое чудо рассвета.
Попробуй,
не вспомни ее,
святую поэзию
Фета!

Такая вокруг благодать,
что жить без стихов
невозможно.
Откроешь глаза —
и опять
дорога, заря, подорожник.

Мне 20 лет.
И девушка, робея,
щекою обжигает мне плечо.
Глаза и звезды. Небо и аллея
и ничего серьезного еще.

И ко всему на свете
безучастны,
уснули до рассвета соловьи.
Мы так близки от истинного
счастья,
так далеки до истинной любви,
которой мы потом переболеем.

А мне бы то вернуть
издалека,
где только мы,
где звезды и аллея,
где ничего серьезного
пока.

Гадала цыганка,
на картах гадала,
однажды гадалка
судьбу предсказала.

Ах, как рассыпалась
бездомная плутня,
при этом старалась
в глаза заглянуть мне.

И надо ж случиться:
атласные карты
сказали мне чистую
вещую правду.

А после и сам я,
пожив, поразмыслив,
гадал по глазам,
как по линиям жизни.

Буйная зелень цвела,
в росах купались
рассветы.
Вот ведь какие дела —
кончилось лето.

Лист еще крепко
пришит
нитками жизни до веток.
Ранняя осень стоит,
но ведь не лето...

Не зимнею ночью
ненастной,
не в свете апрельского дня,
ни силе,
ни славе,
ни власти
никак не завидовал я.

И только завидую, может,
спокойствие внешне
храня,
завидую тем,
кто моложе,
а, значит, счастливей меня.

Еще война не позабыта
среди забот и суеты,
и всех пропавших и убитых
еще так явственны черты.
Еще мой хлеб ржаной и
жесткий,
и ни достатка,
ни отца,
и домик наш
совсем неброский,
и мать в калошах
у крыльца.

А за окном осенний
ветер
бросает листья на скамью,
и я, мальчишка пятилетний,
такой беспомощный
стою!

Ольга Андреевна Казаковцева родилась в Барнауле. Окончила институт культуры. Работает в научно-методическом центре народного творчества. Стихи публиковались в газете «Молодежь Алтай».

Ольга КАЗАКОВЦЕВА

УТРО

Все меньше окон светится во мгле,
тепла все меньше.
А я была на маленькой земле
одной из женщин.
Будила утром маленький рассвет,
варила кофе
и знала точно, если друга нет,
то это плохо.
Но я ждала в тяжелой тишине,
в пустой квартире,
когда хоть кто-то вспомнит обо мне,
хоть кто-то в мире,
и трель звонка, как маленький обвал,
падет на плечи!..

Но даже ты надолго забывал
о нашей встрече.
Ты где-то жил в большом чужом тепле
и знал всех меньше,
что был любим на маленькой земле
одной из женщин.

Погоди чуть-чуть, не просыпайся, —
целый миг остался до зари!
Продолжайся, счастье, продолжайся,
спящего любимого дари!
Солнце, погоди лучами биться
в хрупкое стекло его души.

Как тебе сегодня, милый, спится!
Я не помешаю. Спи. Дыши.
Набирайся сил на день идущий,
отдыхай от разных бывших дел.
Мир, соединивший наши души,
видеть нас счастливыми хотел.

И снова вечер шторы опустил,
как будто бы за что-то день простил,
забыв его обиды, боли, встречи.
Спасибо, что ты все-таки пришел,
спасибо, что опять меня нашел,
мой славный, мой хороший добрый вечер.

И мне бы научиться так прощать,
как свечи все обиды задувать
и зажигать прощения, как свечи,
веселою и легкою рукой!
И мне бы научиться быть такой,
как ты, мой справедливый добрый вечер.

Утро кутает в ненастье
мой холодный серый дом.
Мне приснилось чье-то счастье,
чей-то голос за окном,
чья-то добрая улыбка,
чья-то светлая печаль.
Кто-то, видно, по ошибке
в мои двери постучал.

Тихо-тихо, рано-рано,
дождь проснулся и пошел.
Показалось это странным —
ведь такая ночь еще.
Он старался быть негромким,
будто маленькая мышь,
робко шел по самой кромке
подоконников и крыш,
пробирався осторожно,
не глядеть стараясь вниз,
без страховки и без лонжи,
словно опытный артист.
На любые шел уловки,
чтобы людям угодить,
так боялся быть неловким
и кого-то разбудить.

Зачем мне дождь,
когда жду снега.
Ты не придешь
в молчанье неба.
Ты не придешь
и в крике глаз,
ты не придешь
и через час,
и через день,
и через год,
мое молчанье не зовет!
И в этом суть,
и в этом соль,
и в этом жуть,
и в этом боль.

Опять мне плакать хочется
от запаха елового.
Ну, здравствуй, одиночество, —
предвестье года нового!
Опять с тобою празднуем,
хоть ты под маску спрятано,
тебя я знаю разное:
и светлое, и с пятнами,
и тихое, и шумное,
и черное, и белое,
и глупое, и умное....
Сама тебя я сделала.

Пустынна улица,
и только лай собак,
ложится медленно
тяжелый мокрый снег,
а у меня дела не эдак и не так,
и где-то бродит мой хороший человек

Душа закатана
в холодный снежный ком,
и снова скрипка
одиночество поет,
по старым струнам износившимся смычком
скрипач усталую мелодию ведет.

И этот ветер,
и тяжелый мокрый снег,
и на асфальте
два темнеющих следа,
и мой хороший одинокий человек
куда-то медленно уходит навсегда.

Наталья Григорьевна Николенко родилась в г. Барнауле. Студентка заочного отделения Алтайского государственного университета. Работает техником в Алтайском филиале ВНИИМС. Стихи печатались в альманахе «Алтай» и в газетах.

Наталья НИКОЛЕНКО

ПРЕДЧУВСТВИЕ

УТРОМ

Я птицей, я птицей
под горку лечу —
скорей прислониться
березке к плечу,
щекой прикоснуться
к прохладной коре
и птахой метнуться
навстречу заре.
Уткнуться в большие
ладони полян —
здесь мысли большие
врачует туман.
Потом постоять
над зеленой рекой
и сердцем обнять
этот светлый покой.

Прошли.
И соприкосновенье
глаз одиноких не сбылось.
И плачет каждое мгновение
о том, что судьбы наши врозь.

И кто-то посторонний рядом.
И оборвавшейся струной
Звенит невысказанность взгляда
и заглушает голос мой.

Не состоялось узнавание
походки, голоса, лица.
И только горькое сознание
вины и боли без конца.

И, обойденные друг другом,
назад пути не повернем.

А солнце будет круг за кругом
отсчитывать нам день за днем.

Не отведет печали город,
ничем тоски не заглушить.
И будет твой сердечный голод
в толпе бессмысленно кружить.

И лишь в какое-то мгновение
в лице чужом увидишь ты
обманутым, усталым зреньем
мои неброские черты.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Еще зеленая трава,
еще деревья не раздеты,
и не вступил сентябрь в права,
но чувствую — уже не лето.

Еще так ласковы лучи,
еще цветы не облетели,
еще ничтожны так потери,
но все об осени кричит.

Так на душе моей порой:
и для тревоги нет причины,
и жизнь идет светло и чинно,
но чем-то смят уже покой...

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Во мне тогда бесилась кровь.
Я, как безумная, металась —
моя проклятая любовь
о безответность разбивалась.

Моя чистойшая, моя
единственная и святая!

О, как обманывалась я,
когда казалось — забываю.

Когда жилось — все нипочем,
когда легки воспоминанья...
Вдруг ощущала за плечом
ее горячее дыханье.

И до сих пор в крови гудит
Такая боль и безнадежность!
Вот и сейчас она сидит
и не уходит, и глядит
в глаза,
забыв про осторожность.

Зима последними снегами
осыплет землю, а потом
ручьи проснутся под ногами.
И солнца будет полон дом.

И, как заведено веками,
пуская зайчиков из глаз,
неспешно будут вечерами
гулять девчонки мимо нас.

Проснется жизнь в корявых ветках.
И отогреются дома.

...Ищу весну во всех приметах,
шепчу: «Прощай, прощай, зима».

Станислав Стефанович Яненко родился в 1947 году в Барнауле. Закончил Иркутский государственный университет. Первый сборник стихов вышел в 1977 году в Алтайском книжном издательстве. Живет в Барнауле.

Станислав ЯНЕНКО

КАКИЕ ВЕТРЫ ПРОЛЕТАЛИ...

МЕСТОРОЖДЕНИЕ РУССКОЕ

*Ф. Курячему, оператору
по подземному ремонту скважин
НГДУ «Заполярье»*

Серьезные дела —
налево и направо,
ни чума, ни кола,
лишь березняк корявый.

Поселок в семь балков,
ничуть не капитальный.
Зато без дураков —
весь экспериментальный.

Завесь свое окно:
здесь сутки нереальные.
Уж, если ночь — так Ночь,
а если день — Полярный.

Работа непроста,
а отдых вдвое дорог,

когда мороз — в полста,
когда жара — под сорок.

Зато на высоту
подняв тугие выи,
вгрызаясь в мерзлоту,
грохочут буровые.

Серьезная земля.
Серьезная работа.
От пота до рубля,
все по большому счету.

Все ровна и неизменна,
горести свои тая,
всех жалела, как умела,
мама старая моя.

И беременную Светку,
ту, что мужней не была,
многодетную соседку,
и соседа бобыля.

Кем-то брошенную кошку, —
ну а этих-то к чему?
Дурака-соседа Трошку
или пьяницу Кузьму.

И, не жалуясь нимало
на заботы и дела,
как умела понимала,
помогала, как могла.

Я забыл про это дело.
Мне везло который год.

А за что меня жалела?
Не сказала наперед.

Эта девочка странно красива,
для нее этот праздничный бал.
Как по залу она пронесила
выпускной ослепительный бант!

Как, паркета совсем не касаясь,
в белом танце кружилась со мной.
Как она белозубо смеялась
над любовью моей неземной.

Я шептал ей слова из романов,
и кружилась моя голова.
До сих пор хорошо мне и странно,
как припомню я эти слова.

Эти милые, давние, двое,
я теперешний вам не судья,
но ведь были и мы же порою,
и красивой, и лучше себя.

Может быть, я и жил bestолково,
но тогда, безрассуден и смел,
я не врал тебе, честное слово,
я тогда еще врать не умел.

Всего и надо — в номинале,
однажды в осень, на дожде,
вдруг вспомнить, что не вспоминали
какое время о душе.
Какие ветры пролетели,
каким палило нас огнем,
мы все о теле, все о теле,
а о душе потом, потом.
Она ж стонала и болела,
и накалялась, как болид.
Теперь не то, другое дело,
и спохватились — не болит.

И, вслушавшись, не понимаем,
молчим почти что не дыша,
и долго, долго вспоминаем,
не веря, а была ль душа.

«ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

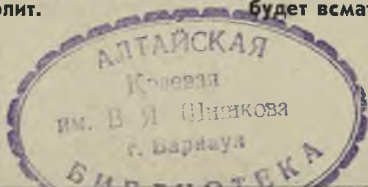
Памяти отца

Снова юность, уже издавека,
голубая почти как мираж,
так пронзительно и высоко
заведет этот памятный марш.
Сколько было вокзалов-причалов,
та военная медь без конца,
торжествуя, громово встречала,
проводила, печалая сердца.
Надрывали и душу и связи
на ветру, на грозе, на дожде...
Бесконечно «Прощание славянки»
будет памятно русской душе —
там, где нет даже памяти места.
На суровых дорогах земли
это слово военных оркестров
для любого конца сберегли.
А ударят урочные склянки,
ни слезы не уроним из глаз.
И высоким «Прощанием славянки»
повстречает прошедшее нас.

«...Уже никто меня не узнает».

С. Есенин

Снова улочка на окраине.
На исходе долгого дня,
по старинке, веселым граем
повстречает она меня.
И пускай не та, а другая,
но черемуха все цветет.
Чья-то девушка, дорогая,
не меня, а другого ждет.
Сколько кануло лет и судеб,
а черемуха все цвела.
Неподвластная пересудам,
эта девушка все ждала.
И помянется виновато
то, что, вроде, забыл давно.
И, блицуя, в лучах заката
тонко высветится окно.
Сердце дрогнет и встрепенется.
В улыбающем свете дня
долго женщина у колодца
будет всматриваться в меня.

Б 1121463

Ольга Кузьменко живет в Барнауле. Закончила Алтайский политехнический институт. Работает на студии телевидения. Член Барнаульской литературной студии. В альманахе публикуется впервые.

Ольга КУЗЬМЕНКО

ОДИН ЛИШЬ ВЕЧЕР

РАССКАЗЫ

— Повторяю... — она выдерживает паузу, чтобы замолчали все эти накрашенные рты. — Повторяю: ЦУМ через два квартала направо, там же ювелирный магазин, — и некоторое время все с той же напряженной улыбкой продолжает снисходительно следить за группкой мешковатых фигур на тротуаре перед безудержно-гулкой лавиной машин.

«Обрадовались тетки, разбежались, — презрительно думает она, подлаживая шаг под ритм деловито-пестрой снующей толпы. — А завтра автобус завалят кульками, свертками, ссору заведут. Надоело... Что за жизнь такая», — в который раз невольно хмурится она, лениво скользя глазами по бесконечному ряду осенне-тусклых витрин.

Надоело ей жить с родителями, ведь скоро тридцать. Надоело изо дня в день вдальблывать бестолковым акселератикам английские фразы, а выходной тратить на вывоз в областной центр еще более бестолковых теток. А как надоел родной захолустный городишко. Ни тебе ярких людей, ни интересной жизни, ничего. На днях ее вызывал директор. До сих пор противно вспоминать квадратно-красную физиономию, внушительно разжеванные фразы:

— Гм, Наталья Алексеевна. Гм... М-да. Вы молоды. Но, гм, вы — воспитатель. А вас видели — вчера мне звонил отец одной ученицы — в ресторане! Конечно, запретить мы не можем, но... вы понимаете, да?

А сам — она могла в этом поклясться! — шарил бесцветными глазами по ее затянутым в черный капрон ногам.

В этом городе, где теряются в рваном небе каменные громады, где асфальт не замызган лужами и сором, а перевозданно сер, хорошо. Здесь она на месте. Здесь кипящие людьми магазины и театры с колоннами, здесь все девчонки в джинсах, и никому до этого нет дела.

Здесь у нее есть приятель. Тощий нескладный математик. Как-то, разглядывая пыльный уют его комнатухи, она спросила:

— Почему ты все-таки живешь один? — И тишина, и его холодность затем были так тягостно-густы, что больше она никогда не позволила себе таких вопросов.

Сейчас она, как всегда, позвонит ему. Сколько же можно мерить километры этого бесконечно гудящего проспекта? К тому же с сумерками спустился ветер, он вздувает пыль и заставляет ускорить шаг.

Поеживаясь в легком, не по сезону плашике, она, наконец, нетерпеливо звякает монетой в тесный мрак телефонной будки.

«Да что он там?» Немолодой уже, крупный мужчина растерянно оборачивается — двушка зажата в кулаке, взгляд его яснее, словно постепенно осознавая реальность города с осенне-черными среди лег-

ких облачков неоновых фонарей стволами, ее, продрогшую у автомата, и выскакивает из кабины.

Все сипит и сипит диск под застывшим пальцем, и все нет сил поверить, что звонок лишь понапрасну тревожит пустоту, но краем глаза любопытно наблюдать, как ее предшественник, потоптавшись немного, вроде бы решительно пересек белые полосы перехода, слился с толпой, вновь вынырнул, и она уже знала: сейчас что-то случится!

— Извините, может быть, вам покажется странным, — дрогнул неожиданно молодой голос. — Мне так показалось, вы ведь не очень спешите? Только ради бога, ради бога, не поймите превратно, — заторопился он, в смущении все протирая квадратные островки очков. — Но ведь вы, правда, не очень спешите? Может быть, поможете мне? Дело в том, был я здесь как-то давным-давно, лет двадцать назад. А все так изменилось. Ни-че-го не узнаю.

Она снисходительно, с высоты своей молодости, искоса разглядывает его, шагающего рядом. Коричневая куртка, явно замшевая. И еще джинсы, надо же, фирменные! Интересно! И откуда он такой взялся?

— Так вот, улочка называлась Парковой. Надо ее найти, и думаю, в этом вы мне, приезжему человеку, поможете. А долгий путь, что нам, должно быть, предстоит, попытаемся скрасить беседой, не правда ли? Так вот, осень тогда стояла золотая, легкая, и заслали меня сюда на практику. Из столицы. Гордился я этим тогда ужасно. Как же — студент, строитель, будущий, конечно. Это сейчас уже можно признаться: грешен, многократно, можно сказать, грешен в возведении таких рациональных, можно сказать, коробов, что ли. А тогда...

Запрокинув голову, разбирая беспорядочно-сложный узор светящихся окон, она старается не прерывать ровный поток его речи. Она уже давно выучила, что лучший способ понравиться мужчине — это дать ему высказаться.

Прорываясь сквозь мерное шуршание машин, слабо доносится его голос. Ну конечно же! Он говорит о любви, некогда озарившей тихую улочку, о милой девушке с длинной косой. Он хотел позвонить. Позвонить проще. Но у нее уж давно, должно быть, другая фамилия.

— И вы на нее удивительно похожи...

— Очень приятно. Косы вот только нет...

— Нет, я серьезно, — мрачнеет он. — И вообще что-то словно толкнуло заговорить с вами. Показалось, будто вы удачу можете принести. Совершенно несуразный, конечно, поступок. И то, что разоткровенничался так глупо. В общем-то человек я довольно сдержанный и об этой истории вам первой почему-то рассказываю. Да и не могу, честно говоря, похвастать, будто вспоминал ее каждый день. Знаете, как в романах: «Он ложился и вставал с ее именем». Нет, просто жил работал много. Дочка уже взрослая почти. Наташей зовут.

«Надо же! Еще одно совпадение. Трогательно как! — иронизирует она про себя, изредка роняя необходимое: направо, а теперь, кажется, налево. — Хм. А может, он вообще уголовник, сейчас заведет в переулок, схватит сумку и бежать? Да нет, не похож».

— Или вечер сегодня совершенно особенный? Не пойму, что со мной творится. Взгляните, листок будто расцветает на вашем плаще.

Она небрежно стряхивает кленовый лист, прилипший к рукаву, и торопится выйти из мертвенно-красной полосы витринного света.

«Позвонить, что ли, — свербит исподтишка. — Ну нет, недоставало еще раз услышать: «Как жаль, что ты свободна один лишь вечер. Чертовски сегодня занят». Но в конце концов, где же эта Парковая улочка?! Неужели слопал-таки ее город за два десятка лет, и не будет возможности познакомиться пожилой толстухой в засаленном переднике, и нежная встреча так и не состоится!?»

Она и сама не смогла бы точно объяснить, откуда взялось это вдруг вспыхнувшее неодолимое чувство неприязни к совсем незнако-

мой женщине, ко всей нелепейшей этой дурацкой истории. Она ведь давно уже научилась воспринимать все происходящее словно со стороны, наблюдая, никогда не загораясь безрассудно гневом, радостью ли.

«Проще надо жить. Проще и веселее, — как любит повторять Ларочка, ее давняя приятельница. И в конце концов это уже смешным становится! Кто бы увидел — не поверил. Милосердие решила проявить, благородный поступок. Подумайте! — найти улицу Первой Любви! Звучит-то как. Нет уж, хватит».

— Извините, мне пора, — бросает она и добавляет подчеркнуто: — В гостиницу, — заранее предвкушая: «Ах! Почему так рано? И почему в гостиницу? Разве вы не здесь живете? Позвольте проводить вас».

Провожать ее, конечно, нечего. Гостиница рядом, нависла над ними размытой тенью с резкими искрами окон, но просто любопытно, как засуетится он сейчас, сразу небось оборвет свои разглагольствования о «незабвенной» любви. Прикосновение сухих губ обжигает руку.

— Прощайте. Простите. Должно быть, я и вправду показался вам странным. Но единственное, что хочется сказать, — он с трудом выбирает слова, — вы так похожи. И эта прогулка. Все, как тогда. Простите. — И через мгновение он растворяется в шумной темноте.

Громады домов обступают со всех сторон, теснят, давят. Судорожно задыхаясь, спешит она к спокойному свету гостиницы. Но и в комнате, под скользкими простынями вновь надоевшее, назойливое: «Вы так похожи. Удивительно. Она... милая... необыкновенная... красивая такая», и какое у него при этом было мечтательно-далекое лицо.

Тупо ноет голова, свинцовой усталостью налились ноги. Наконец — глухое скрежетание ключа, и в теплом аромате духов, беззаботности влетает Ларочка, сразу заполняя собой, словно веселым вихрем, неуют гостиничного номера.

— Ой, Натка! Не спишь? Что было... Прелесть, как здорово. Кабачок — блеск. А мальчики... Один — Эдиком зовут, из универа, все смешно так говорил: «Вы меня совершенно очаровали, ха-ха! Представляешь? Я ведь только на минутку. Отдышусь и побегу. Повеселились — блеск. Слушай, а ты куда подевалась? — приостанавливает она свое порханье. — Я с группой в кабачок рванула, а твои тетки тебя искали чай пить. Ой, умора. Представляешь, является одна такая — парик лиловый, в красной ручище мешок зажат, а на нем — огромными буквами — «love». Я не удержалась — фыркнула, потом вежливо-ко надпись перевела, а тетка! Тетка-то так засмушалась, принялась мешок в ручищах своих комкать, парик поправлять, а он еще больше на одно ухо сполз. Представляешь?! Ой, не могу, — Ларочка давится от смеха. — Слушай, а ты-то где была? Что такая бледная? Поссорилась-таки со своим кандидатом? И правильно, — продолжает она тараторить: — Давно пора. Сколько уж тянется ваш ро-ман? Год?! — Лариса в ужасе тарачит голубенькие глазки. — Нет, такая тягомотина не по мне. Жить надо проще. Проще...

— И веселей! Да?! — взрывается она. Одеяло резко отлетает на пол. — А вот твой Эдик вспомнит тебя ну не через двадцать лет, а, допустим, месяц спустя? — и, сжавшись в комочек на широком подоконнике, ждет.

— Ну, Натка! Ну ты даешь! Ну не ожидала! — испуганно пятится Лариса, но тут же весело трясет кудряшками:

— Он же не глуп. С какой стати ему меня двадцать лет вспоминать? Да я его завтра сама забуду. Ну мы же не ханжи... Сама забуду. Сама забуду, — повторяет Лариса, в такт выстукивая из пачки сигарету.

— И не кури здесь! Собралась и иди, — странно-звенящим голосом выкрикивает она и, вздрогнув от глухого щелчка двери, еще плотнее прижимается к холодному стеклу, словно вбирая потемневшими глазами равнодушный мрак осенней ветреной ночи.

СЧАСТЛИВЫЙ КАМЕНЬ

— Валя, Наташа, — с легкими улыбками протягивали девушки вялые ладони.

— Гренада, — пожатие маленькой горячей руки оказалось неожиданно торопливым, нервным.

— Ну-ну, значит, как живицу получают, любопытствуете? Подсочкой, значит, интересуетесь, — насмешливо пробасил он после церемонии знакомства. — Для отчета по практике нужно? Ну, если для отчета, — безразлично пожал он плечами, — делать нечего, пошли.

Вообще летом, в благодатную пору живой работы в их скромный стационар, где всех-то сотрудников пять человек, съезжалось много праздного, как считал он, совершенно чуждого науке народа. Какие-то очень и не очень ответственные товарищи из руководящего института, а попросту любители рыбной ловли и шумных пикников на природе; родственники и давние приятели, что так благородно пожертвовали сочинским загаром ради таежной глухомани; бледные от зубрежки студенты, немедленно требующие латинское название каждой выдернутой ими из земли травке.

Вот и сейчас, не успев он вернуться из экспедиции, привести записи хотя бы в относительный порядок — изволь время тратить, на экскурсию вести. Живицу кедровую им, видите ли, поглядеть охота. Лягушки-путешественницы.

Тропинка, петляя, перескакивала с камня на камень, жалась к обрывистому берегу кипящей на перекатах поровистой речушки.

Он шел размеренно, ходко. Путь до опытного участка много раз пройден, хорошо знаком, рюкзак почти пуст — топор да фонарик и спички на всякий случай, успеть туда и обратно надо было до темноты: хотелось еще немного поработать. Обидно, если весь день пропадает зря. И как всегда от ходьбы, от чувства бодрости и силы в каждой клеточке его ловкого тела, забылись и отлетели прочь все неприятности, исчезла досада на неожиданное знакомство, на непрошенных спутниц.

А те, видимо, поотстали, и сквозь шипение воды он еле улавливал их задыхающиеся голоса.

— И чего поперлись? — донесся до него резкий возглас. Кажется, румяной красавицы Наташи, — он-то на нас ноль внимания, бороду лопатой — и попер...

— Тебе же сказано, Сергей Николаевич — крупнейший специалист по кедру. У него и диссертация о методах подсочки...

А это еще кто пропичал? Гренада?

— И вообще — удивительнейший человек! Подумать только — лет десять в такой красотище прожить!

«Да нет, ошиблась маленько, — про себя усмехнулся он, — добрых два десятка будет. Из института — и сюда. Кедровые нянчить. А любопытное имя какое... Гренада...»

Когда-то в студенческие годы он придумал теорию насчет имен. Тогда он вообще слыл выдумщиком и нередко странностью своих суждений и ответов ставил в тупик и товарищей, и преподавателей, а со временем это притупилось, пропало. Одинокость ли жизни в стационаре, где обычно не с кем потренироваться в остроумии, или просто уже годы брали свое, но он перестал тяготеть к отвлеченной оригинальности, привык думать и делать простые конкретные вещи: отбирать и тащировать деревья, собирать живицу, заниматься немудреным хозяйством, а когда все же замкнутости их отшельнического жилья не выдержала и сбежала в город жена, и стряпать научился не только неплохо, но даже и вкусно. Ему нравилось. Так вот, по той давней, нечаянно вспомнившейся теории, имя каким-то непонятным образом, но тяготело над судьбой.

Внезапно оторвавшись от рваного берега, тропинка круто повернула к перевалу. Она упорно карабкалась вверх и иногда совсем запутывалась в буйно-зеленом переплетении кислицы и гигантских зонтов морковника, в шоколадных стволах раскидистых кедров. Можно было уже не смотреть так пристально под ноги, и он позволил себе немного отвлечься.

Не то чтобы ординарное обязательно вело к скучной обыденности существования, но вот человек с редким именем непременно должен был почувствовать над собой его крест. «И действительно, — удивленно подытожил он, — Викеша, Викентий Илларионович, и голос у него был тягучий, гнусавый, сейчас проректор университета. Аврорина пылкая красота привлекла внимание дипломата, вот и порхает она за ним из одной развивающейся страны в другую. Диодор? Умница, надежда курса. Диодор — учитель биологии!? — усмехнулся он, — где-то в глухой сельской школе. Вот тут теория и не сработала. Хотя почему? А характер? Характер-то каков! Гордец, неумный. Да ну, глупости, конечно, все. Гренада... Так что же она такое? Гренада...»

Совсем запыхавшись, она догнала и остановила его, когда он невольно ускорил шаг, пытаясь поскорее миновать иссеченную, развороченную бороздами землю.

— Что это? — дернув его за рукав, будто и он был виновником этой пустоты, гневно указывала на избитый мертвый пейзаж с позабытыми бревнами, с кое-где уцелевшими кривыми скелетами пихт.

— Не видишь, что ли, — хрипло отрезал он, — вырубки. Да еще не сплошные, когда все подчистую, а «гуманные», — с издевкой подчеркнул он, — гуманные, выборочные. Недоростки оставляют, а их все равно ветром... Ну ничего, — добавил он, — поборолись, отстояли кедровник. Маленько только успели поранить.

— Это вы победили, да? — восхищенно сияли исподлобья ее темные серьезные глаза. — Я читала ваши статьи.

— Не я один, — отчего-то смутился он. — Пошли давай. Некогда. Могутные, стройные кедровые стволы с татуировкой надразов на кряжистых стволах совершенно поразили девушек, а когда узнали, что некоторым кедром по полсотне лет, а они и до сих пор не заросли, изумленным ахам, казалось, не будет конца.

Только Гренада была молчаливой, задумчивой. Обхватив перепачканными в смоле руками какую-то корягу, она пристроилась на ней, склонив голову, будто изучая что-то на земле, и лишь изредка взглядывала на него, но так испытующе-тревожно, что моментами и он комкал почти заученный рассказ о способах подсочки кедра.

Поработать вечером, как это сложилось за долгие годы, не довелось. Девушки явились в гости. Обычно в таких случаях посетителей принимал и развлекал Владик, живший во второй половине домика. Веселый, незатейливый парень, он совсем недавно приехал в стационар и, видимо, еще здорово тосковал по городской сутолоке, толчее на улицах, шумной сумятице машин, т. е. по всему, что начинало раздражать Сергея Николаевича в первый же день пребывания в городе, и он всегда торопился побыстрее вернуться домой, к настоящей работе.

Но сегодня он был даже рад отсутствию Владика и приходу девушек в такой вечер, хотя вечер-то был самый обыкновенный, и он сознавал это: как всегда сгустилось непроницаемым куполом небо, как всегда слилась с темнотой стена кедров за забором стационара, но почему-то совсем не хотелось просиживать одному за набросками докторской, вычерчивая кривые зависимости смолопродуктивности кедра от его генеративного яруса.

Валентина сразу же заинтересовалась чучелами зверушек, что он расставил по углам кабинета.

— И это вы сами всех поубивали?! Ой, даже соболь есть. Вот это да! Вот это воротник! Прелесть, правда? — Затем она обратила вни-

манье на книги. Все дружно зашуршали страницами, румяная Наташа — и в самом деле настоящая русская красавица с четкими, резными чертами лица — оказалась к тому же знатоком английского и громко переводила подписи под яркими глянцевыми иллюстрациями.

Наконец, Валентина добралась и до коллекции камней, что занимала несколько полок над его солидным двухтумбовым столом.

— Ой, какой хорошенький. Блестященький. Что это? А этот весь в крапинку... А вот этот?

— Халцедон, гнейс... — едва успевал он следить за взлетами ее пухлой ручки. — А это яшма. Ценный поделочный материал, — указал он на зеленоватый бугорчатый камень. — Редкий цвет. Обычно яшмы красные, кирпичные...

Он гордился этим образцом. Обнаружил его совсем случайно в выходе скальных пород у перевала. Долго рылся в справочниках, прежде чем окончательно классифицировал — яшма зеленоволокнистая.

— Яшма... — задумчиво повторила, подходя поближе, Гренада. — Это же мой счастливый камень. Знак зодиака — рыба, а камень — яшма. Если носить, допустим, колечко с яшмой, будут исполняться желания. А если дотронуться? — и она взяла камень в ладонь, словно согревая легкими пальцами тусклую, шероховатую поверхность.

Потом все вместе пили чай, и он притащил из комнаты Владика гитару. Когда-то он очень недурственно играл на гитаре. Солировал даже в студенческом ансамбле. Оказалось, что девочки заканчивают тот же институт, что и он в свое время.

Вслушиваясь в рокотание звуков, Валентина примолкла, испуганно как-то уставившись на Гренаду круглыми, прозрачной голубизны глазами. Гренада же попробовала подпевать, но ее чистый, тонкий голосок был высоковат и плохо ладил с его глуховатым басом.

Наутро была назначена рыбалка. Он пообещал девушкам вкуснейшую уху и потому сразу после их ухода, уже в мокром, туманном мраке сплавал на озеро, поставил сети, весьма приблизительно ориентируясь на журчание впадающей в него той самой норовистой речушки. Вернулся озябший, в отсыревшей одежде. Уснул сразу, словно провалился куда, и так же внезапно, будто от какого толчка, будто кто произнес вслух затаенное имя Гренада, проснулся. Было совсем рано, только смутным намеком на рассвет серели окна.

По укоренившейся привычке вставать по режиму принялся отсчитывать единицу за единицей. Десятки тупо складывались в сотни, сотни — в тысячи, а сон не приходил, но только разрасталась с каждой секундой неумная радость — Гренада!..

И когда появилась она на берегу, словно соткавшись из белесой массы тумана, тоненькая, с рвущейся ему навстречу улыбкой, он попытался скрыть эту радость и пробасил намеренно хмуро:

— Опаздываете, сударыня. А Валентина с Натальей еще, видимо, почивать изволят.

И взревел мотор, будоража звонкий покой озера, врезалась лодка в бесплотную стену тумана, и потянулся за ней, пенистый, ровный след.

Искоса он поглядывал на отстраненно белевшее, запрокинутое ветром лицо Гренады. Глаза расширились, стали непроницаемо-темными. Вот она обернулась к нему, попыталась что-то сказать, но ветер выхлестнул, разметал слова, и она засмеялась, теснее прижимаясь к его плечу. Вообще в то утро она смеялась беззаботно и много. Поймали рыбку, он приподнял ее на руках, чтобы показать Гренаде, а до того недвижно-вялая рыба вдруг резким взмахом хвоста мазнула его по носу и, сверкнув крутизной дуги, стремительно вспорола воду.

— Ой, здорово, — хохотала Гренада. — Вы... ей, Сергей Николаевич, похвастаться... Какая, мол, огромная. А рыба... рыба, раз по носу и бултых... бултых, — задыхалась она от смеха. И холодная тишина жадно впитывала ее голос.

Да и он сам, вернувшись с этой рыбалки, казалось, все еще был полон ее смехом, движениями, голосом.

Тишину нарушало только монотонное поскребывание — разлеталась по веранде серебряная чешуя, а будто наяву слышались ее слова, зримо и отчетливо вырисовывался облик.

«Как она вчера бежала, догоняя Валю, со ступенек вот этой веранды, темноволосая дюймовочка меж высоченной, запущенной им возле дома травы. И вдруг обернулась, взглянула так ясно и тихо, что у него подпрыгнуло сердце — Гренада. Он рассказывал ей, как бело, одиноко и тихо здесь зимой: так тихо, что слышен шорох снежинок, а белизна такая, что выскочишь в морозный день на улицу, и от чистоты, яркого сияния тайги, земли, озера охватывает ликование такого невероятного праздника...

— Хорошо как... Я бы здесь жила, — шепотом, но твердо прервала его тогда Гренада.

«Да что это со мной? — очнулся он от шмякнувшего звука увернувшейся из-под ножа рыбины. — Влюблен я, что ли?» — попробовал сыронизировать он, но иронии не получилось.

Хмуρο высился, нависая корявыми лапами над верандой, кедр, как всегда четко прорисовывалось немного ввысь, у ворот стационара, блестящее озеро, над ним темными макетами — горы, а ему словно не стало места в этом отстоявшемся покое: растерялись, упустив тяжелую рыбу, руки; заметались мысли, смутные, неявные, а в центре — редкое имя Гренада.

«Что за чертовщина? Совсем сдурел, что ли? Да ну, не может быть, — присел он на перила. — Хотя, как говорится, седина в бороду... Фу, ерунда какая. Не может быть. Не может быть, — твердил он про себя. — Так, померещилось. Не может быть. А она? Да ну, пара ведь улыбок и все. А навывдумывал?! Неужели же и он... Не может быть, — все повторял он. — Не может...»

Но как-то совсем не верилось в собственные уверенья.

— Неужели? Так хорошо, покойно жил. И надо же!

Но и спокойная, наполненная работой, отлаженная годами жизнь вдруг показалась такой однообразной и пустой. А красота зимних дней обернулась таким звериным, тщательно маскируемым от себя самого одиночеством. Одиночеством, когда сочиненными суетными людьми начинают казаться все книжные страсти, и только вертишь днями ручку приемника, пытаясь за подмигивающим глазком вообразить в булькающих, постанывающих звуках далекий, нереальный мир.

— А что, если... Если она останется! — и будто внезапной вспышкой радости и света озарилось все...

Спустя несколько минут он уже подходил к дому, где всегда жили приезжие, на пороге споткнулся. Она спала. Рядом на подушке раскрытая на лесенке стихов тоненькая книжонка. Счастливая улыбка, ладошка под щекой.

— Ну, еще лучше, — облегченно выдохнул он. — Никаких прощаний, объяснений.

Пристраивая на табуретке возле ее кровати тусклый зеленый камень, заметил круглые, направленные на него глаза Валентины. Та что-то хотела воскликнуть, но сдержалась, оценивая насмешливым взглядом. Мотор заревел зло, одним рывком.

«И правильно, — вцепился он в руль. — Деньков пять на кордоне побуду, а там и она уедет. Все верно. Только так и надо. А то навывдумывал?! Аж голова закружилась. Какая, к черту, любовь?! Не может быть! — завихрилась, зашипела пена. Запрыгала, задергалась на частых гребнях волн лодка, мерно ударяясь в такт жестким подскокам. — Не может быть. Не может быть...»

Но он не уверен был, что через минуту или чуть позже не повернет лодку назад.

Михаил Михайлович Мокшин родился в 1934 году в селе Буланихе на Алтае. Окончил Бийский пединститут. Работал учителем, директором школы в родном селе. В настоящее время — секретарь Бийского райкома КПСС. Автор детской книжки «Я стала большая», печатался также в коллективных сборниках, в альманахе «Алтай».

Михаил МОКШИН

Я ПРОШЛОГО СТРАНИЦЫ ТИХО ТРОГАЮ...

СТРОИТЕЛЬ

И. А. Кучину

Выходит он из дома
спозаранку.
Идет селом,
чей облик с детства мил.
Он помнит, как последнюю землянку
бульдозер
в землю рыхлую
вдавил.
Как утюгом,
разгладив складки ровно,
ушел бульдозер,
весело урча...
С грузовиков
загрохотали бревна,
и застучали
груды кирпича.
И взялся он
за новую квартиру.
Пел инструмент
у мастера в руке.
Кирпичный дом
с другими по ранжиру
встал через месяц
окнами к реке.
Лучами в окнах
прыгало веселье,
и любовался
улицей народ...
Прошли года.
А мастер новоселье,
как прежде,
людям дарит
каждый год.
В своей спецовке,
в будничном наряде

идет на стройку,
радуясь всему.
Его дома стоят,
как на параде,
и салютуют
трубами ему.

Звонит стекло, стреляют двери,
по дому — нервные шаги...
Как трудно в первый миг поверить,
что вы теперь — навеки враги!

И все, что вами пережито,
осталось где-то в стороне.
Все перечеркнуто, забыто,
смешалось, как в нелепом сне.

И остро боль в душе теснится.
И дышит холодом апрель.
А счастье — быстрая жар-птица —
живет за тридевять земель.

Вас не волнуют больше вишни,
что расцвели нарядно вновь...
Нет, третий — никогда не лишний,
коль имя третьему — Любовь.

Я ПРОШЛОГО СТРАНИЦЫ ТИХО ТРОГАЮ...

1

Я прошлого страницы
тихо трогаю
и вижу вдруг
в распахнутом окне,

как мимо скачет
детство босоное
верхом
на тальниковом скакуне.
По лужам дождевым
несется конница,
звонит «ура»
наездников лихих,
от сабельных ударов
низко клонятся
и падают в канаву
лопухи.
А за канавой
луг цветет
ромашковый,
за ним —
прибой колхозной
тучной ржи,
и две березки
с пышными кудряшками
под звон дождя
танцуют у межи.
По-матерински
вдаль глядит
окошками
избенка наша
с крышей набекрень,
под чугунами,
кринками и плошками
кряхтит устало
высохший плетень.
А небосклон вечерний
нежно-розовый,
а над деревней
радуга горит.
Не умолкают
в рощице березовой
соловушки
до утренней зари.
И вместе с ними
ласково гармоника
кого-то ждет
и ищет при луне...

Но стихла
вдруг она
от крика конника,
что проскакал
на взмыленном коне...

2

Я прошлого страницы
тихо трогаю,
оно встает неясно,
как во сне...
Умчалось
наше детство
босоное,
как всадник
с черной вестью
о войне.

Село вечерним сумраком одето,
вокруг из окон плещет яркий свет,
и каждый дом мне кажется планетой,
а вместе все — созвездием планет.

И среди них моя, вращаясь, катит,
с орбиты шлет сигналами лучи...
Я так боюсь, что времени не хватит,
чтоб все планеты эти изучить.

ВРЕМЯ

Я снова день рожденья встретил.
Бегут года.
Но, как и раньше, ярко светит
моя звезда.
А время сталь и камень точит,
вперед спеша...
И только стариться не хочет
моя душа.

Яков Егорович Кривонов родился в 1934 году в поселке Красный Остров Шипуновского района. Окончил Алтайское культпросветучилище и Московский институт культуры. Работал в управлении культуры крайисполкома, культотделе крайсовпрофа. С 1968 года — на партийной работе.

Публиковал статьи и очерки по проблемам культуры в краевой печати, других изданиях. Член редколлегии журнала «Агитатор Алтай». Живет в Барнауле.

Яков КРИВОНОСОВ

ЧЕЛОВЕК НА МАШИНЕ

ПОВЕСТЬ

ВСТУПЛЕНИЕ

В древнегреческих трагедиях в самые напряженные моменты, когда назревала, казалось бы, неминуемая гибель героя, появлялся «бог из машины» и спасал его.

И сегодня случается: в жестоких жизненных перипетиях — озверевший пьяница опустошает патронташ, кому-то угрожает нож — люди спешат найти спасение теперь уже у человека на машине — милиционера. Но человек на машине — лишь человек, он не всемогущ, а это превращает его в участника, нередко и в главного героя трагического происшествия.

Человечество механизмуется. Все меньше любителей ходить пешком, все больше автолюбителей. У древних алтайцев был культ лошади. Даже людей они различали по масти их коней: Чалчик — на Каурой ездаящий. Родился новый культ — культ автомобиля. Но если прежде культ имел причину естественную — ведь лошадка и поила, и кормила, и одевала, и от врагов спасала, то сегодня «личная карета» чаще всего предмет удовольствия и досуга. Усевшийся за руль вылетает из города навстречу вольным ветрам, он сбрасывает с себя груз забот, а иногда и моральных обязанностей.

О человеке на машине — разговор.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Новоявленный следователь, лейтенант Роман Чуев, дослушав последние известия, выключил радио, задумчиво глядел в окно. Почему гибнут эти люди? Какой смысл в их смерти? Жертвы прогресса? Такое мирное небо, тишина... Вдруг — тррах! И нет человека. Неужели нельзя без таких страшных подношений прогрессу?

Вздыхнул и перевел глаза на свой старенький канцелярский стол в небольшой комнате отдела милиции. Перед ним лежали бумаги. Он старался вникнуть в содержание протокола ДТП (дорожно-транспортного происшествия), но мешало все: и напряженная тишина кабинета, и неразборчивый торопливый почерк составлявшего протокол, и иронично-покровительственные взгляды соседа с жестким морщинистым лицом.

Материалы происшествия ему несколько минут назад вручил начальник следственного отделения капитан Колтыгин.

— Так-так, лейтенант. Форма тебе к лицу. Правда, прямо скажу, выправка — никуда. Да и баки придется укоротить, не по форме. Китель нараспашку носить не рекомендую, особенно когда ведешь официальный разговор. Не обижайся, это не мелочи, ты теперь офицер и должен соответствовать.

При первой встрече Романа покорило «тыканье» и бесцеремонный приказной тон, но теперь вроде бы стал привыкать.

— Вот тебе первое дельце. Твой предшественник Скачков выезжал на ДТП, материалы оформил, а довести до конца не смог — уехал на курсы. День тебе сроку для изучения материалов и подготовки плана расследования. Завтра покажешь. Скажу сразу: не обижайся, но мне придется это дело жестко контролировать. Меня самого каждый день трясти будут, как грушу: три трупа, а среди них еще и милиционер.

В протоколе сообщалось: осмотр места аварии показал, что она произошла при попытке автоинспектора старшего сержанта С. Небарова остановить мчащийся со скоростью свыше семидесяти километров в час автомобиль, водитель которого до этого в пределах города нарушил правила уличного движения, сбил коляску с ребенком, что привело к смертельному исходу. Водитель пытался скрыться. На указания догнавшего его работника ГАИ Небарова остановиться — не реагировал. Инспектор вынужден был обогнать его и впереди поставить свою машину поперек дороги. Нарушитель, не сбавляя скорости, хотел проскочить по левой стороне, однако не справился с управлением, задел правым крылом автомобиль ГАИ. В итоге погиб Небаров, тяжело травмирована гражданка В. Шлыкова, которая скончалась в больнице.

Итак, с чего же начать? Чув мысленно перенесся в длинную университетскую аудиторию. Между рядами столов, заложив руки за спину, продвигается высокий грузный профессор Роземблит, встряхивает буйной шевелюрой и сыплет точными размеренными фразами, ничего при этом не замечая вокруг — были шутники, что играли в шахматы у него на глазах. «Следствие начинается с составления плана расследования, в который включается оценка наличных материалов, разработка картины (модели) преступления, выдвижение версий...» Теория... Но ведь она без практики мертва, как говорили классики.

В столовой, куда они с соседом по кабинету Борисом Ивановичем пошли на обед, Роман опять впал в размышления. Вот здесь ему, возможно, придется обедать много лет. Появится любимый стол — скорее всего вон тот у окна под пальмой, любимые и нелюбимые блюда. Вот эту молодую раздатчицу с мягким женственным лицом он будет называть по имени. Было в этом что-то торжественное и грустное, как прощание с юностью.

Борис Иванович смотрел на него с пониманием. Сказал:

— Между прочим, сегодня похороны жертв вашего происшествия.

— Вы считаете, надо поехать?

— Конечно.

Может потому, что Роман давно не бывал на кладбище, похороны казались ему необычными. В людской массе преобладал цвет милицеевской формы. Лейтенант шел к воинскому кладбищу среди опечаленных, тихо беседующих людей, ловил отдельные фразы.

— Смотри, покойница-то лежит жива-живехонька.

Протиснулся поближе.

Женщина на самом деле выглядела живой, даже веселой. Красивое, полное, без морщинок лицо как бы говорило: а мне все трын-трава, даже смерть.

Непроизвольно осматривая толпу и понимая, что это безнадежно, следовательно все-таки искал глазами ТОГО, КОТОРЫЙ... Надеялся, что ТОТ зачем-то пришел сюда, хотя бы ради женщины. И чем-то, неизвестно чем, себя выдаст.

— Глянь-ка, муж детей подтолкнул прощаться, а сам не ходит...

Старушечий шепот:

— Да он чо — сдурел?

— Дык, грят, с полюбовником их хоронют. Кому ж пондравится?

Толпа переместилась к милицейской могиле. Плотным кольцом ее окружали товарищи-милиционеры. Но вот синяя масса у могилы всколыхнулась и вытолкнула из себя несколько человек. Они взялись за полотенца. И тут раздался пронзительный женский плач. Хрупкая молодая женщина запрокинулась, зашла в крике, повалилась назад, на руки подхвативших ее. В неестественно расширившихся глазах, казалось, разлившихся по всему лицу, было столько отчаяния, мольбы, страха, что лейтенанту стало вдруг мучительно стыдно за свое спокойствие, с которым он приступил к такому делу. А ведь где-то здесь свежа еще и третья могила — убитого ребенка.

Тревожно зазвенела медь оркестра. Ему ответили клаксоны милицейских машин. Как по команде замерло движение на тракте, и гудки цепной реакцией побежали по шеренгам автомобилей в улицы и переулки.

Пробираясь к выходу, следователь услышал тихий говор милиционеров.

— Вот она, смерть: всех мирит — правого и виноватого, убийца и жертва теперь почти что рядышком полеживают.

— Ну, сначала надо доказать, виновата ли женщина.

— А по-моему, сидела она за рулем или нет — все равно стерва. Видела — сбили ребенка и не заставила остановиться.

Милиционеры долго шли молча. Потом один произнес:

— А Сереги нет...

Роман возвращался по тихой окраинной улице. Ласково грело августовское солнце. Купались в теплой пыли куры, еле слышно шелестели листья тополей. Было в самой природе нечто щемяще-грустное. Да, ведь сейчас граница лета и осени. Зелена еще листва, ни единого желтого. Но чувствовалось — вот-вот брызнет золотом и пойдет полыхать по лесам и полям могучий осенний пожар.

Лето уходит. Вот в чем дело.

Дома пахло сдобным. Пока он переодевался в прихожей, сын Олежка, двух лет от роду, путался в ногах и, задрав голову, смотрел на отца материнскими азиатскими глазами.

— Мама сказала, чтоб я не говорил. У нас есть секрет.

Из кухни выскочила Лена, подставила пахнущую щеку.

— По какому случаю такое невиданное рвение к кулинарии? — с несколько излишней долей сарказма проворчал Роман.

— Как же, сегодня твой первый рабочий день. Отметим по-семейному. С тортом.

За столом Лена спросила:

— Расскажи, что ты делал?

— Получил задание. Слышала, на днях женщина и милиционер разбились на тракте?

— А-а, слышала. Говорят, она его жена или любовница.

— Так вот мне и предстоит выяснить, кто они.

— Ромашечка, — протянула Лена. — Так это же страшно интересно. Ты мне будешь все рассказывать, как детектив читать. Ладно?

— Ладно...

— Что-то ты мне, Ромашечка, не нравишься. Ты сегодня какой-то нехороший. Рассказывай.

— Не хотел тебе настроение портить. Я ведь сейчас с кладбища. Хоронили их. А самое страшное — человек, который наехал на милиционера, немного раньше раздавил коляску с ребенком.

— Совсем? А мать где же была?

— Мать выкатила коляску на переход, а сама еще на тротуаре была. Видно, пьяный или лихач.

— Ой, какой ужас!

Лучше бы ему это ей не рассказывать. Лена схватила Олега и прижала к себе.

— А ты говоришь — детектив. Лучше тебе этого не знать.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

— Водитель автомобиля ВАЗ-2101 в условиях скользкой дороги превысил скорость, с управлением не справился и совершил наезд на стоявший автобус. Имеются жертвы.

Роман дослушал сводку и поднялся. Опять жертвы. Ну что же, надо идти к Колтыгину, показывать свой план.

Колтыгин с ходу уткнулся в принесенные бумаги.

— Что ж, модель так модель. Действуй по своему плану. Потом посмотрим. Только поспешай, не тяни резину.

Чувствую облегченно зашагал к двери.

— Кругом! — неожиданно услышал он за спиной. Неловко покачавшись, повернулся.

— А баки? Было указание укоротить? На первый раз замечание, — полушутя произнес капитан. — А дальше буду наказывать.

— Урежу, Михаил Викторович.

— Борис Иванович, как найти адрес этой межрайбазы, чей УАЗик?

— Проще простого.

Старик выдвинул верхний ящик стола, нашарил и извлек узкий блокнот-алфавит, похлопал им по столу.

— Вот это — важная штука в следовательском деле. Без нее успехов не жди. Кстати, мне недавно новый подарили, а он мне уже ни к чему, переписывать долго. Так что возьми его. — Из того же ящика появился новенький блокнот.

Борис Иванович погладил его ладонью и протянул Роману.

— Подарок же, Борис Иванович.

— Бери, бери. Все равно мне скоро отчаливать. А тебе сгодится. Может, вспомнишь потом. И сразу запиши первый телефончик 95-43-43. Кстати, номерок машины советую проверить еще раз в ГАИ...

— А кому там позвонить?

— Еще номерок запиши: 99-53-46. Савельев Павел Михайлович. Между прочим, учились мы с ним в милицейской школе, аж в сорок девятом годочке. А знаешь что? Я сам ему позвоню.

И через минуту:

— Ну вот, Роман. Звони на межрайбазу.

Директор базы на звонок не ответил. Секретарь сказала, что он в командировке. У заместителя директора Птицина телефон оказался занят. Еще звонок. Занято.

— Борис Иванович, как вы в милицию попали?

— Да очень просто. После демобилизации пришел на партучет становиться, ну и направили.

— Вы воевали?

— Собирался, но не пришлось. Нас призвали, а был это один из последних военных наборов, и пока обучали, победа пришла. Но послужить пришлось. Около пяти лет. Сначала в Германии, а потом на Западной Украине — бандеру вылавливали. Пулю там поймал.

Только теперь Роман заметил у него рваный шрам ниже левого уха.

Телефон опять занят.

— Первую, говорите?

— А как ты думал. За двадцать шесть милицейских годочков и ножничком чикали, и из ружьишка шарахали. Ну ты не трусь, как видишь, здоров. Еще и на пенсию не хочу. Собирались проводить меня в прошлом году, уже и речей наготовили. Но за полгода перед этим я отпуск взял. Ну, думаю, отосплюсь, нарыбачусь, природой налюбуюсь. Черта с три! Через неделю спать стал не больше трех часов в сутки. Оказалось, рыбачить хорошо в охотку, да в компании: поймали с десяток чебаков, уху коллективную, больше со смехом, чем с рыбой заварили — вот это и хорошо. А тут сидишь один, как дурак, целый день, пялишь глаза на воду, слова некому сказать. Рыба осточертела...

Межрайбаза опять занята...

— Знаешь, болезни навалились: то радикулит, то головные боли, то желудок — спасу нет! Попросил оставить на работе...

Занято. Занято...

— Ты, Роман Васильевич, вызови-ка машину, да поезжай на эту базу. Так будет надежнее.

В просторной приемной базы — полно народу. Лейтенант под вопросительными взглядами присутствующих стремительно прошагал в кабинет.

Птицин разговаривал по телефону. Он оказался довольно молодым еще человеком с жидкими волосами, с глубоко запавшими глазами на усталом рыхлом лице. Невольно вспомнился афоризм: «Главное в научной организации управления — подобрать делового зама». Этому явно хватает работенки. Сидевший перед Птициным полный мужчина неуклюже засуетился и быстро выкатился.

Птицин положил трубку и отвернулся от селектора, на котором светились сразу две клавиши.

— Вы, видимо, по поводу машины, то есть аварии?

— Да. А где сейчас эта машина?

— Так у вас же, в ГАИ!

— Я не из ГАИ. Я — следователь.

— Вчера утром приходит наш шофер и говорит: исчезла автомашина. Он думал, на ней Степан Макарович, наш директор, уехал, но выяснилось, он в командировке. Потом позвонили из ГАИ и сообщили об аварии.

Птицин конвульсивно взмахнул рукой, пытаясь поправить волосы, но привел их еще в больший беспорядок.

— Что говорит шофер? Он не был в машине, когда случилось происшествие?

— Говорит, с пятницы не садился за руль.

— Где у вас хранятся ключи от гаража?

— Один у шофера, другой здесь на вахте базы. Кажется, есть свой ключ и у Степана Макарыча. У него права, иногда сам без шофера выезжает.

— Гараж охраняется?

— Нет.

Не отводит ли от себя? Что, если спросить напрямик: где был в субботу с 17 до 18 часов? Нет. Позднее, если понадобится. Но Птицин сам догадался.

— Я в субботу здесь засиделся допоздна. Дела все. Если надо свидетелей, они есть — технички. Звонил я многим, междугородные заказывал...

— Пока не надо. Если понадобится... Тогда уж.

— Ну ладно, — облегченно вздохнул заместитель.

— Шофера можно увидеть?

— Конечно. Сейчас организуем.

Птицин надавил кнопку. Вошла секретарша.

— Мария Михайловна, найдите Алексея... ну, Шурыгина, пожалуйста.

— Где можно поговорить с шофером без свидетелей?

— Пожалуй, в кабинете директора. Больше нигде, у нас тесно.

Роману не приходилось видеть таких шикарных кабинетов. Здесь все отделано пластиком под темно-коричневое дерево: и стены до самого потолка, и встроенные шкафы, и двери. Того же цвета мебель. Вдоль стен шеренги мягких стульев с красной обивкой. Все здесь поражало его своими размерами и нецелесообразностью. Зачем шкафы до потолка? А от директорского кресла до дальних углов стола можно дотянуться разве что улегшись на него целиком с ногами. И вообще, к чему такой залище одному? Здесь можно свободно в волейбол играть.

Неожиданно одна из стенок шевельнулась, оказалась дверью, откуда появилась девушка с ведром, в аккуратном сером халатике поверх брючного костюма.

— Ой, я думала здесь никого.

— Ой, — передразнил Роман, — я думал здесь стена...

— А здесь комната отдыха.

— Оч-ч-чень интересно, — Роман двинулся в проем, — интересно, что делают девушки в комнате отдыха директоров?

— Я здесь работаю, убираю, — с испугом проговорила девушка. Но, взглянув в улыбающееся лицо следователя, выпалила уже с вызовом:

— Так что, пожалуйста, без намеков!

— Ты работаешь, понятно, а вот что здесь делает директор?

— Он здесь гостей принимает, закусывает, если в столовую идти некогда.

В небольшой комнатке, отделанной с такой же тщательностью, теснились стол, диван, телевизор. Но с особым шиком был оборудован буфет. Снял золотой росписью фарфоровый сервиз, солнце сверкало в ажурном стекле фужеров, рассыпалось искрами в хрустальных гранях рюмок. Из-за полуоткрытой нижней дверцы поблескивали разнокалиберные бутылки с яркими иностранными этикетками.

— Вот это да! — вырвалось у Романа. — Сюда только ходить на экскурсии. Не можешь устроить по знакомству настоящее посещение?

— Посещение не по моей части! Я УБИРАЮ здесь, понятно? Обслуживают другие, из буфета. И вообще работаю здесь последние дни.

— Не понравилось?

— Не-а, в институт поступила.

В дверях она столкнулась с грузным парнем. Его округлые плечи распирали пеструю тенниску. Полное лицо его казалось мрачным, даже озлобленным.

Роман прошел за директорский стол, шофера усадил напротив, за маленький столик. И сразу понял: это была ошибка — парень оказался спиной к свету, тяжело уткнулся взглядом в свои крепкие руки на столе. Теперь глаз не видно, одна усталость да озлобленность во всей фигуре.

Почему он такой расстроенный? Конечно, беседа со следователем — не сахар. Но если, как утверждает, он не виноват, то... Постой, а ведь я его где-то недавно видел.

— Поскольку машина, потерпевшая аварию, закреплена за вами, я должен произвести официальный допрос.

Парень напряженно кивнул.

— Как мне сказали, вы в субботу не выезжали на своей машине?

— Не выезжал.

— Можете рассказать, где были в субботу?

Шофер криво усмехнулся.

— Да рассказывать нечего — я базовских на автобусе за грибами возил. Вернулся часов в восемь.

Алиби! Чистейшее! Но где я его видел?

— Вы знали женщину, которая погибла?

Парень быстро и удивленно взглянул на следователя.

— Еще бы...

Теперь настала очередь удивляться лейтенанту.

— Где она работала?

— На складе нашей базы.

Сразу, как только зашел разговор о женщине, Роман почувствовал, что возник какой-то подтекст, какой-то двойной смысл за словами.

— Вы часто встречались с ней?

— Каждый день. Почти.

— Не знаете, умела она водить машину?

— Да, водила, только на права лень было сдавать.

— Имела она доступ к ключу от машины?

— А зачем он ей? Нет.

— Значит, вы считаете, она в тот раз не могла быть за рулем?

— Да что вы, куда ей!

«Куда ей, зачем ей». Видать, не очень уважал он эту женщину. Коротко, но не ясно. Допрос исчерпан. Можно, конечно, еще вокруг походить, но по всему видно, здесь тупик. Хотя роль женщины надо еще выяснить. А что, если закинуть удочку на зама?

— Сейчас хочу задать вопрос, который не запишу в протокол. И пусть этот разговор останется между нами. Мне интересно знать ваше мнение. Мог ли быть тогда в машине, ну скажем, Птицин?

— Иван Иванович! Нет! Он, конечно, выезжал иногда, но редко, не такой он. В деревне раньше говорили: тягловый конь. Понимаете? Не рысак, а тягловый. Взбрыкивать он не может. В компаниях, когда гостей на природу или на дачу вывозим, так обычно мы двое трезвые. Он специально себе работу ищет: дров набрать, с костром повозиться, рыбки почистить, только не пить чтобы.

Смотри как защищает! Даже оживился. А может, отводит?

— Ну, а если наехал, ошибся, а потом и рванул?

— Нет, Иван Иванович не может, он не из таких.

Пока парень расписывался в протоколе, пока тяжело шагал из кабинета, лейтенант все смотрел, напряженно пытался вспомнить, где его видел. И за провалом памяти ему чудилась разгадка. И чувство недоговоренности долго сопровождало его.

Решил было съездить на склад, где работала погибшая, но сказали, что склад опечатан, люди, знавшие ее, появятся там завтра. Ну, что же, тогда двинем в ГАИ.

Еще студентом Роман заметил, что в жизни редко удается «взять быка за рога». На пути к любой цели миллион препятствий, которые, казалось бы, и преодолеть-то че к чему. Прежде чем доберешься до истины, загромоздишь мозги горами ненужной информации. Это похоже на дорогу сказочного Ивана — чтобы вырвать Василису из рук коварного Кощея, ему по пути волей-неволей приходится и медведю помочь, и утку защитить, и щуку выручить. Конечно, и в жизни иногда оправдываются пророчества типа «я тебе пригожусь», но значительно реже.

На старом трехэтажном здании золотилась вывеска:

ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНАЯ СЛУЖБА ГАИ

Роман рассчитывал побыть здесь не больше часа, а провел целый день, за что получил замечание от Колтыгина.

Начальник принял его деловито. Лейтенант не успел и рта раскрыть, как тот набросал ему программу действий.

— Встретишься с капитаном Смагиным, он возглавлял дежурное подразделение в тот день. Переговоришь с сержантом Болотовым, участником преследования. Он товарищ погибшего автоинспектора. Был на месте гибели через несколько минут после аварии. С ним осмотришь место происшествия и машину.

Вопросительно взглянул на лейтенанта:

— Все?

И сам ответил:

— Все.

Нажал какую-то планку, сухо проговорил:

— Смагин? Зайди с Болотовым.

Прямо скажем, такое поведение командира больно царапнуло самолюбие Романа.

Вошел сухощавый, жилистый капитан и молоденький форсоватый сержант.

— Это товарищ Чуев — следовательно по субботней аварии на тракте. Прошу оказать ему всемерное содействие. Всемерное. Если понадобится, — сказал капитану.

Капитан изучающе посмотрел на следователя, дружески пожал руку и пригласил к выходу. Заговорил в коридоре:

— Я собрал нашу молодежь минут на двадцать. Могу, конечно, Болотова от заседания освободить. Но прямо скажу — он там нужен. Может, поприсутствуете? Разговор как раз о Сергее Небарове.

— Конечно.

— Тогда, Болотов, проводи товарища. Я через пару минут приду.

В кабинет с рядами стульев входили и рассаживались милиционеры. Роман узнавал тех, кого видел вчера на похоронах.

Деловито, с хитровой усмешкой на узких губах, которая казалась неуместной, вошел Смагин. Роман потом убедился — эта усмешка его постоянный спутник. Даже когда он говорил сердито, она как бы сглаживала, извиняла жесткие выражения.

— Сегодня сбор по трем вопросам. Первый касается комсомольцев. Комсорга Небарова теперь нет. — Он булькнул горлом, катанул крупные желваки под тонкой сухой кожей. — Кто у вас зам. комсорга?

— Старков.

— Ты что помалкиваешь, Старков? Забыл, что ты зам?

— Не забыл.

— Ну что же, — после паузы, показавшейся слишком долгой, выдал капитан. — Назначайте собрание. Надо комсорга выбирать. Ты, Старков, согласуй с райкомом комсомола дату. Посмотрите, какие нагрузки были у Сергея, распределите.

— А кому распределять? Например, в эстрадном он на аккордеоне играл. А больше никто не умеет.

— Как же раньше обходились без него?

— Так был же Алик Штейнер. Ему платили.

— Платили? Это что же получается, работал бесплатно, а теперь выходит, опять надо платить? Из каких средств?

— Раньше находили.

— Ладно. Еще какие поручения у него были?

— Страничку ГАИ в «Молодежке» вел.

— И вас с боем заставлял писать, — ядовито вставил Смагин.

— Занятия с детьми в сорок пятой школе по правилам движения проводил.

— Член бюро райкома комсомола.

Смагин потемнел. Губы дрогнули и неестественно изогнулись.

— Да, распределить его нагрузки трудно. Об этом — потом. Теперь второе. Вот познакомьтесь — лейтенант Чуев, следовательно по ги-

бели Небарова. Командир приказал всячески содействовать ему. Болотов, сегодня освобождаешься от дежурства. Будешь нашим уполномоченным по содействию. Товарищ лейтенант, есть у вас вопросы к людям?

— Кто был за рулем того УАЗика? — спросил Чувев.

Повисла тишина.

Заговорил Болотов.

— Может, это что-то даст: Серега сказал по рации: «Обхожу его»... Мужик, значит, был.

Смагин скептически заметил:

— «Он» может быть и просто УАЗ. Ну, в общем, достоверно никто ничего не знает.

Капитан сделал длинную паузу. Слишком длинную. Ребята начали переглядываться.

— Хочу попросить еще об одном. Вчера вечером забежал к Оле — жене Сергея. С ней плохо. Так плохо, что может кончиться большой бедой. Вся от слез опухла, отвечает невпопад. Давайте договоримся: те, кто знаком, каждый день к ней забегать. Надо убедить ее, чтобы быстрее на работу выходила. С яслями я решил, но она страшно боится отойти от сына.

Снова капитан помолчал, уставившись взглядом в стол.

— Чертовщина, но факт, она предчувствовала беду. Мне как-то Сергей рассказывал: каждый раз она смертельно переживала, когда он долго задерживался на работе, ей все казалось, что он вот-вот должен погибнуть. Прихожу, говорит, домой, а она сидит и плачет. Не ругается, не шумит... плачет тихо и все.

Роман снова явственно услышал жуткий вскрик маленькой женщины на похоронах.

— Так как мой кабинет, площадь Молодежная, не слишком подходящее место для беседы, поговорим в красном уголке. Не возражаете?

В просторной светлой комнате тумбочка для шахмат пестрит клетками, множество газет на длинном столе, стенды вдоль стен.

— А вот наш Сергей.

Роман даже вздрогнул от этой фразы.

Болотов показал на один из изданных типографским способом плакатов на столе. В центре его, среди печатного текста фотография совсем еще молодого серьезного человека в зимней милицейской форме с белым широким поясом. Фотографию эту можно было бы поместить под рубрикой «Остановленное мгновение»: сильно занятого человека окликнули, он взглянул вполупорот, мегафон чуть приопустил, и опять за дело.

— Моторный был парень, видать.

— Да, он жил работой.

Лейтенант прочитал довольно скучный текст плаката. Еще до армии Сергей Небаров был активистом ЮДМ, а после демобилизации, не раздумывая, пошел в милицию... на работе проявляет инициативу... общественную активность...

— Он был работником ГАИ по должности, по образованию и по призванию. С шоферами говорить умел как-то весело. Не оскорблял, а старался показать их ошибки в смешном виде. Любил быструю езду, копаться в машине, любил сам ремонтировать. Лез в каждую дыру, везде вмешивался. Люди ведь не знают — твой это участок или нет, следовательно ты или гаишник, раз в форме — хама уйми, пьяного выведи, домашнего дебошира утихомирь. Я как-то иду домой, задумался. Тетка в три охвата налетает и давай чехвостишь: «Идешь, фуражечку на глаза напялил, ничего кругом не видишь!» Минут пять она меня об-

рабатывала, пока не понял: какие-то пацаны поставили на окно магнитофон и врубили на всю мощь поп-музыку. Собаки на балконах воют, пенсионеры со всех сторон грозят страшными карами, пацанва под окном скачет в дикой пляске, а те в окошечко выглядывают да ухмыляются. Картинка! Я, конечно, орать и грозиться не стал, только в сопровождении тетки прошелся мимо дома, погрозил пальцем, и магнитофон испарился.

А Сергей такой случай рассказывал. В их доме жил алкоголик. И все с женой дрался. Причем, он, может быть, и не дрался бы, доходяга из доходяг был, да жена, как он приходит пьяный, пыталась его лупцевать. Она задерется, а он выйдет из терпенья и врежет чем ни попадя. Тогда она с диким воем — к Сергею. Прибегут они в квартиру, а алкоголик уже спит. Много раз так было. Сергей уговаривал эту Дуню выгнать его, а она ни в какую. Как-то услышал он очередной грохот за стеной около двенадцати ночи. Сейчас, думает, Дуня примчит. Но все скоро затихло. А наутро оказалось, что алкоголик жену насмерть захлестнул. Так вот Сергей с неделю после этого сам не свой ходил, себя виноватым считал.

Болотов вдруг спохватился:

— Слушай, Роман, давай договоримся: ты меня останавливай. Есть у меня такая болезнь — недержание слов. Так если я не по существу поеду, ты тормози. За «ты» не обижаешься? Какая у нас будет программа?

— Надо бы осмотреть машину, побывать на месте аварии.

— Поехали.

Новенький УАЗик с крупной надписью по бортам «Доставка товаров на дом» пострадал основательно: вылетело переднее стекло, вдавлена правая передняя фара, правое крыло заклинило колесо.

— Странная надпись, ты не находишь, Роман? Ты пользовался когда-нибудь такой услугой?

— Не приходилось. А вот о происхождении подобных аншлагов слышан. Обычно это маска. Камуфляж. Маленькому начальнику с большими претензиями не полагается иметь персональный транспорт. А хочется позарез. Вот тогда и появляется на дорогах «спецмашина».

— Ты думаешь, эта из таких?

— Почти уверен.

Чув не спеша, сантиметр за сантиметром осматривал автомобиль.

— Не припомнишь точно, где и как лежала женщина?

— Видишь ли, она скорее не лежала, а перевешивалась через правое сиденье.

— Значит, до столкновения она сидела на заднем.

— Конечно. И сумочку ее мы нашли внизу у заднего. Так и в протоколе записано.

— Ну, а не заметил, чтобы кто-то выскочил, или бежал, или просто шел от машины?

— Убей, ничего не заметил. Я еще издалека понял, что здесь что-то не ладно. А когда увидел Сергея... такого, то стал, как обухом по голове стукнутый.

Ничего дополнительно обнаружить не удалось. Но видеть своими глазами все это надо было.

Болотов вел машину, как казалось Роману, резковато. Проскакивал в опасной близости от бортов встречных машин, как бы хвастаясь точностью, мастерством, и говорил, говорил.

— Может тебе пригодится, но мне вспоминается, что у Сергея было уже столкновение с этим УАЗиком, а вернее, с директором межрайбазы. Выехали мы как-то коллективом на природу. Расположились на берегу Казачки, загораем, купаемся. Не бывал там? Райские есть уголки. Речушка на редкость чистая — теперь немного таких. Но и тут неприятность появилась: вдоль берегов повыбивали дороги —

машины, мотоциклы, как на бойком шоссе туда—сюда, туда—сюда. Следом, конечно, пыль, шум. Удовольствие сидеть на берегу не великое. Тут в нас гаишники опять проснулись. Сначала мы засекали время и занялись статистикой. Оказалось, через каждые три—пять минут по берегу пронесится единица транспорта. Стали гипотезы выдвигать, как с этим безобразием бороться. Один предложил дорогу подальше от реки проложить. Другой — превратить все пригороды в парки, сделать стоянки машин, а хочешь дальше в лес — топай ножками. А Сергей опять со своей идеей. Он уже не раз пытался ее обнародовать. Нам, мол, не надо гнаться за буржуйской модой, плодить собственников машин. Надо так развить общественный транспорт, чтобы у людей не было необходимости покупать личную машину, чтобы каждый мог добраться куда хочет и когда хочет. Это высвободит время трудящихся, которое они тратят на уходы. Раз. Это снизит аварийность — за рулем всегда будет сидеть профессионал. Два. Это прекратит анархию в прокладке дорог и маршрутов, исключит вот такие безобразия. Смагин тогда сказал: «Идея твоя гениальная, но не реальная». Сергей посмеивался: «Человечество еще вспомнит мою гипотезу и воплотит. А вам оно не простит, что вы ее зажимаете и оттягиваете осуществление». Здесь-то и возникла эта самая «Доставка товаров на дом». Обдала нас пылью, развернулась и начала пятиться в кусты. Захрустел под колесами лесной молодняк, зашуршал по кузову шиповник. Когда же треснула небольшая сосенка, в которую машина уперлась задком, Сергей вскочил.

— Вот ведь стервец! Ну, я ему сейчас...

— Брось, Сергей, — стали его отговаривать. — Формы-то на тебе нет.

— Ну хоть поругаю и то легче станет.

Подошли мы. Из газика вынырнули два подростка, волосатые, в пестрых рубашках, в леопардово-пятнистых брюках, с модными потертыми на коленях и на задку. За ними с переднего сидения так, знаешь, изящно, манерно явилась довольно симпатичная женщина в яркочелюстных брюках и блузке цвета «электрик», в огромных, голубого стекла очках, которые делали ее похожей на большую глупую стрекозу. Может, глупую — это сказано и несправедливо. Но тогда, со зла, мне так показалось. Из-за руля вывалился кругленький пухленький лысоватый мужик. Он казался на голову ниже своей жены. Может, из-за прически. Может, потому же, что мы так были настроены — отрицательно, воинственно. Потом-то я разглядел — не такой уж он коротышка. Сначала он заговорил с нами добродушно, свысока, как бы снисходительно прощал нашу ненужную запальчивость. Но когда Сергей ему все высказал в резкой форме, он себя продемонстрировал. Это было такое дерьмо, что мы вчетвером кое-как от него отделались. Потом всю обратную дорогу скулили над Сергеем. А в стенгазете нарисовали карикатуру: Сергей в рыцарских доспехах со шпагой сражается с человеком, в руках у которого шланг, протянутый от машины с надписью «Мусор»; из шланга сыплются отходы. Мужик-то оказался директор межрайбазы. Слушай! — От какой-то внезапной мысли Болотов подпрыгнул на сиденье. — Так этот директор и был за рулем, ну тогда с...

— Да я уж проверил. Директор был в командировке. И сейчас там.

— Вот черт, а я аж вспотел от этой догадки. Видно, нельзя судить о человеке по одному факту. Нам особенно. Еще расскажу тебе случай из серии «Как трудно приходится новаторам». Про то, как мы с Сергеем получили по увесистому подзатыльнику. За эксперимент пострадали. Сергей где-то выкопал статейку, как лучше учить детей правилам движения. Какой-то научный институт вычислил, что все аварийные ситуации, в которых гибнут дети, можно свести к двадцати типовым,

что детишек надо научить, как вести себя в этих двадцати случаях, и они спасены. Ну и решили мы эту систему попробовать. Да, там еще было сказано, что лучше всего показывать детям эти случаи прямо на улицах и так, чтобы эта демонстрация подействовала на их психику. На наш с Сергеем взгляд эксперимент удался. Мы перекрыли улицу недалеко от школы. У обочины поставили автобус. Задача была такая: показать, как опасно переходить улицу перед стоящим транспортом. Сергей, значит, взял группу первоклашек и повел их мимо автобуса через дорогу. А я в это время неожиданно выехал на нашей «Волге» им наперерез. Ребята, конечно, попятились. Девочки ойкнули. Они это восприняли так серьезно, что я сам испугался. Тормознул и попытался им улыбнуться во весь рот. Потом мы им объяснили, что это была игра, и все успокоились. Но нашелся свидетель — пенсионер, который написал на нас жалобу: «изгаляются над детьми», «превратили их в подопытных кроликов»... И наш эксперимент прикрыли. Хотя эти двадцать типовых ситуаций я и сейчас в школах прохожу, но только на макетах.

На месте происшествия ничего дополнительно обнаружить, конечно, не удалось. Походили. Посмотрели. Гудел и сотрясался от бесконечного потока машин тудяга трактор. С одной стороны его, за небольшими увалами, облепленными разнокалиберными домиками садоводов, блестела река, манили зеленые заречные луга. С другой стороны, за небольшой березовой рощицей, прорезанной многочисленными дорожками, высились ряды отсвечивающего алюминием балконов пригородного поселка. Тот человек, скорее всего, скрылся в этом направлении, прошел через лесок, сел на автобус и — в город.

— Гриша, не мог бы ты забросить меня на склад межрайбазы? Это почти по пути.

— Я же сегодня в твоём распоряжении.

На складе две женщины и грузчик вели переучет. Они с удовольствием заговорили. Были рады отвлечься от мутной работы. Та, что постарше и посерьезнее, заговорила почти без улыбки:

— Вот хорошо, что вы приехали, товарищи милиционеры. Заберите куда-нибудь эту тараторку. Целый день от нее только и слышишь: мальчики, мальчики...

Та, что помоложе, кокетливо поигрывая глазами, заливисто захотала, накиннулась на подругу с кулаками.

— Вруша бессовестная, целыми днями путного слова не дает выговорить, только и слышишь: «Валенки мужские сорок пятый размер — двадцать пар, нацталоны детские двадцать шестой размер — сто пар»... скука смертная! Так что я бы спасибо сказала, если бы кто подальше от этого тряпья меня увез.

— В чем же дело, — поддержал шутку Болотов. — Сейчас и умыкнем.

— Ага. Знаем, куда вы увозите! От вас лучше подальше.

— Смех смехом, девочки, а у товарища следователя к вам серьезные вопросы. Так что прошу вас сосредоточиться, особенно вас, которая востроглазая, — сказал Болотов.

— Ну уж... — крутнулась та, с трудом сдерживая смех. — Такой мальчик, а уже следователь...

Чуев, наконец, приступил:

— Вы знали бывшую заведующую этим складом?

Старшая махнула отрицательно головой:

— Я не знала. Лешу, шофера директора, ее мужа, знаю. Я на другом складе работала, он приезжал.

— Как вы сказали? Леша ее муж?

— А кто же еще?

Так вот что шофер не договаривал. И видел я его на похоропах.

— А вот Лида с ней здесь работала.

— Он часто за ней приезжал?

— За вещичками для шефа забегал частенько.

— За какими вещичками?

— За дефицитными...

— А еще за ней кто заезжал?

Девушка помялась.

— Было... Веселая была женщина, общительная. Словом, не терялась.

— Брось ты, Лида, нельзя же так о покойнице.

— Я не хотела, но он же следователь, ему, может, это нужно. К нам многие приезжают из раймагов. Некоторые пристают, как репей. Ну, она не всем отказывалась...

— Какая гадость, — не выдержала старшая.

— В последнее время один чаще других заезжал. В субботу у нас в общем-то день не рабочий, но на часик—другой иногда мы сюда забегали. Обычно около десяти часов телефон звонил. Она быстренько собиралась. Он подъезжал вон к тому дальнему уголку и по-тю.

— А кто он, не заметили?

Девушка неопределенно пожала плечами. То ли не знала, то ли не хотела рассказывать.

— Может, муж?

— Не похоже.

«Знает».

— А если я вызову вас на допрос?

Смутилась, но постаралась, чтобы этого не заметили.

— А я там скажу, что ничего не видела, ничегошеньки не слышала...

Роман решил пока не нажимать.

— А сама она на машине не приезжала?

— Разве она умела? Она, вроде, не умела водить...

— Ну спасибо, девочки! Бежать нам надо — служба.

Лида вдруг как бы спохватилась.

— Ой, ребята, у меня вишня есть, из сада вчера привезла. Хотите угощу?

— Не откажемся, — сказал Болотов.

Девушка, улыбувшись, скрылась за стеллажами, пошуршала бумажками и вскоре вышла оттуда с двумя кулками крупной сочной ягоды. Вишня была хороша.

Болотов в машине положил кулек на колени, крутя одной рукой баранку, другой умудрялся выхватывать пухлые полупрозрачные вишенки и кидать их в рот.

Кулек у Романа быстро освободился. Хотел было смять бумажку, да заметил внутри какую-то писанину, развернул. На бланке накладной из синеватой пористой бумаги с рыжими пятнами от вишни написано: «Товарищ следователь, по субботам за Шлыкковой заезжал директор нашей базы. Только вы меня не выдавайте. Лида».

Опять директор! Выходит, надо проверять! Хотя, как деликатно выразилась Лида, «она не всем отказывалась», некоторые ее увозили. Так что география поиска обширная. И с шофером этим лопухом я оказался: допрашивал и не выяснил даже такой простой вещи, что погибшая — его жена. Память надо тренировать. Позавчера видел его, а вчера встретил и не узнал. Причем, ситуация такая запоминающаяся — муж не подходит прощаться с женой. Ведь, когда я его спросил, знает ли он погибшую, он ответил: «Еще бы!» И даже это мне не помогло. Теперь кое-что проясняется. Алексей не стал с ней прощаться потому, что, видимо, знал: она ему изменяла. А все это значит, что он невиновен в аварии. Но я его все-таки вызову.

«Волга» легко и уверенно несла их в гору по Косому взвозу. В рамке ветрового стекла, как в панорамном кино, качался зеленый, обласканный августовским солнцем город. Каленым золотом отсвечи-

вали витрины магазинов, дыбились многоэтажки, панораму завершал белый занавес заводских дымов на горизонте, занавес, похожий на гигантскую капроновую мочалку.

- Что-то ты надолго задумался?
- Да вот самокритикой занялся.
- Это полезно. Так куда мы едем?
- Надо с твоим шефом переговорить.

Смагин поднялся из-за стола, заваленного газетами, журналами, протоколами, справками, книгами, из которых топорщились многочисленные закладки. Впрочем, завален — неправильно сказано. Все разложено на столе аккуратно, и при внимательном рассмотрении угадывалась четкая система.

— Присаживайтесь, лейтенант.

Проследив за взглядом Чуева, он счел нужным объяснить, зачем работнику ГАИ столько бумаг.

— Вот начал готовиться к выступлению на пленуме горкома. Сначала, когда попросили, думал, о чем им говорить, кто будет слушать? Ведь там очень разные и далекие от нашего дела люди. Но чем больше думаю и читаю, тем сильнее убеждаюсь, надо выступать — дело-то всех касается. Вы знаете, сколько солдат имел Кутузов против Наполеона? Около ста тысяч. Даже в такой великой мясорубке, как мировая война, гибель стотысячной армии — катастрофа. И вот представьте себе, что в дорожно-транспортных происшествиях в мире гибнет ежегодно в несколько раз больше! А сколько людей получают увечья и травмы! И, конечно, проблема не только в том, что нам надо лучше работать. Это само собой. Но и в планировке городов, и в квалифицированности водителей, и в надежности автомобилей. А главное, на что я хочу сделать упор — на воспитанности людей, на дисциплине автомобилиста и пешехода, на их внутренней культуре. Проблема движения — проблема культуры человека. Вот так хочу высказаться. Опасаюсь только, чтобы не подумали, будто хочу перевалить заботы с большой головы на здоровую.

— Думаю, об этом надо говорить, хотя я...

— Понятно. Вы меня извините, лейтенант, что на вас репетирую свою речь. Но прямо скажу, делаю это не случайно. Думаю, следствию важно прежде всего выяснить, в чем главный смысл конфликта между нарушителем и его противником, исследовать причины и условия, способствующие преступлению. Как я понял, вы зашли, чтобы выяснить мое мнение по этому происшествию? Ну, значит, так. Вот первое, что я хочу вам сказать: мы готовы на самое активное содействие. Надо непременно найти, разоблачить нарушителя, который явно аморален и антисоциален. Меня считают спокойным человеком. Но когда мне сообщили, что он на глазах у матери сбил коляску и умчался, меня потрясло. — Капитан резко распахнул окно и сделал несколько глубоких вдохов. Продолжил, как бы извиняясь.

— Конечно, мы люди. Мы не можем быть бесстрастными. Мы не можем работать безошибочно. Но ведь бесспорно и то, что мы обязаны находить преступников, несмотря ни на что.

Сегодня Лена целый день была мрачной. За ужином выяснилась причина ее настроения.

— Хозяйка меня расстроила. Говорит, сын скоро с Севера возвратится. Придется комнату освободить. А скоро ли другую найдешь? Поговорил бы с начальством, может, дадут квартиру.

— Неудобно. Два дня проработал и — давай квартиру. С каким лицом я к нему пойду?

- Тебе же положено, как молодому специалисту.
- Будет. Начальник отдела, когда беседовал, записал.
- Ох, Ромашечка, натерплюсь я с тобой. Такой ты у меня пробивной.
- Ну и искала бы себе пробивного.
- Теперь поздно. Я из тебя буду пробивного воспитывать. Каждый день буду воспитывать, воспитывать... И воспитаю.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Радио по утрам продолжало напоминать Роману о значении дела, которым он занят.

Колтыгин выслушал доклад о вчерашних действиях в целом доброжелательно. Но, когда Чуев завел речь о версии «директор», не выдержал:

— Обычное направление мысли. У нас всегда и во всем виновато начальство. Ворюга вынес с мясокомбината колбасу — виноват директор, «не обеспечил хранение», бабенка спуталась с чужим мужем — начальника кроют: «не на должной высоте воспитательная работа». Не ходи по поверхности, лейтенант! Попробуй потянуть за другие ниточки.

Роман позвонил заму межрайбазы и вызвал через него шофера. Через полчаса Шурыгин вошел такой же сердитый и угнетенный, как и в прошлый раз. Не вынимая рук из карманов засаленной капроновой куртки, он неловко плюхнулся на стул и уткнулся взглядом в пол.

— Ну?

— Во-первых, хочу выяснить, почему вы на прошлом разговоре скрыли, что погибшая — ваша жена?

— Не спрашивали же!

— С кем она могла ехать?

— А хрен ее знает!

— Вы-то как думаете?

— Я могу думать на многих. Но вам же факты нужны. Может, она по работе с кем ехала.

Опять отмалчивается. Как же его расположить к себе, втолковать, что не враг ему следовательно. Роман заглянул в свой, теперь уже тщательно разработанный план разговора, но ответа на этот главный вопрос не нашел. После тягучей паузы решился следовать по плану. Извлек из сейфа серую дамскую сумку из кожи «под крокодила».

— Узнаете?

— Ее, — мрачно подтвердил Шурыгин.

Лейтенант покопался в сумке и положил на стол ключ в виде стержня со спиральной нарезью и ярко-зеленой пластиковой ручкой-конусом.

Шофер схватил ключ с неожиданным волнением, впился в него глазами, что-то соображая, потом бросил его на стол.

— Вот же сука!

Пока Чуев соображал, что произошло. Шурыгин заговорил сам:

— Товарищ следователь, это ключ от дачи. Есть у нашей базы профсоюзная дача на Глухой Протоке. Там с другой стороны дома комната есть, отдельный ход, там директор с семьей летом отдыхал. Так это ключ от нее. Надо туда ехать. Там рядом живет этот, ну как его... сторож. Его жена дачу убирает. У них бы спросить, были... кто в субботу. Поедемте, вот увидите — не зря.

На дачу вела мягкая лесная дорога. В окна машины врвался запах хвои. На заднем сиденье, скрипя зубами, что-то шептал Шурыгин.

Сквозь свист встречного ветра Роману послышались сдавленные всхлипы. «Неужели плачет?»

Длинное, приземистое, с большими окнами одноэтажное здание дачи оказалось закрыто. Шурыгин быстро, так, что следователь еще успевал за ним, зашагал в торец дома. На крашеной голубой двери висел замок, с него свисала петля, выдернутая из косяка. Шурыгин бешено рванул за ручку, дверь отворилась легко, и он покатился бы с крыльца, не поддержи его Чуев. В лицо им садануло водочным перегаром, запахами несвежей пищи, нота.

— Так и знал — он здесь, козел вонючий! — прорычал Шурыгин.

За столом, заставленным бутылками и заваленным снедью, — двое. Ближе к выходу, уронив голову на скрещенные руки, спал усатый старик. С другого края стола, пьяно покачивая головой, нялил на вошедших глаза, прилагая усилия осознать происходящее, упитанный мужчина в майке. Из-под стола торчала, неестественно выхляясь, его босая нога. В углу — деревянная кровать с разбросанными простынями, подушками. Со спинки стула свисал огромный цветастый галстук и сорочка с рисунком «клеповый лист» — о такой Роман мечтал весь последний курс института, но купить, увы, нигде не мог. Наконец, мужчине удалось сосредоточиться, взгляд его с кривой усмешкой остановился на шофере.

— А, Алексей. П-п-р-ивет. Ну что, Леша, нет нашей любушки?!

И вдруг лицо его перекошилось и выдавило изо рта утробный истерический хохот.

Алексей сорвался с места и кинулся на мужчину, загремели стулья. Подскочил лейтенант и отбросил Шурыгина. И вот картинка: Алексей, злой как черт, сидит на пороге, тяжело дыша. У кровати, на полу, лежит мужчина. Из-за стола дико таращит глаза невесть как очутившийся по ту сторону усач.

Опять слышится утробный смешок.

— Вот видишь, Леша, моя милиция меня бережет!

— Товарищ следователь, это — наш директор. Я как увидел ключ, сразу понял, что это он заварил всю кашу. Ишь спрятался, козел! В командировке он, видите ли!

Директор с трудом вполз на кровать. Поискал глазами рубаху, попытался дотянуться до нее, но сообразил — может упасть, махнул рукой.

— Ну что ж. М-мол-лодец, товарищ милиционер, ценю ква... квали... квалицирную работу! Вот, товарищ милиционер, п-прошу вас, дайте проспуюсь, а сейчас не могу, не будите.

Он неуклюже повалился, подполз, извиваясь, к подушке и через несколько секунд захрапел.

С правой руки директора сползла повязка — окровавленный носовой платок. Под него, видимо, подложен был лист подорожника, чтобы остановить кровь. С тыльной стороны ладони багровела ссадина. Следователь вспомнил, что в материалах по аварии были анализы по двум группам крови. Он взял повязку в свой портфель.

«Что же делать? Везти пьяного? А если он ни при чем? Уехать ни с чем? Может быть, кто-то есть еще кроме пьяного?»

Усатый механически покачивал головой и сосал хвост вяленого леща.

— У вас есть кто-нибудь еще дома?

— Ни, нема. Уси у городи, хай воны сказывльсь! И жинка у городи, и диты у городи, и хлопчику.

Он положил голову на руки и, бормоча, заснул.

Роман растерялся. Что же делают в таких случаях? Вот когда нужно начальство или многоопытный товарищ. Решил — будь, что будет — ждать, пока эти немного проснутся.

Оглядевшись, обнаружил, что шофера нет. Сбежал, что ли?

Шурыгин сидел на берегу протоки. Заросший мать-мачехой берег полого спускался к воде.

С лица Алексея исчезли озлобленность и отчужденность. В глазах — огромное горе и тяжелая обида. Лейтенант устроился на поваленном дереве, чтобы было видно дверь дачи.

— Мне не раз, дураку, намекали — отмахивался, как от мух. Не то, чтобы не верил, не хотел верить. Она у меня вторая. Выгнать ее и искать третью — никакого желания. Ну и жил, как страус. Голову в песок и — меня не видно. Веселая была бабочка. Я, между прочим, у нее третий был. Если официально считать. Первый ее муж спился начисто. Приходил ко мне и говорил: беги от нее подальше, она тебя угробит. Вот так же начала погуливать. Сначала потихоньку, а потом обнаглела. Как только компания какая, так, глядишь, с кем-то исчезла. И ругался и уговаривал — не помогает. Ну, мужик и стал заливать горе, а потом она же его и выгнала. Со вторым мужем у нее вообще комедия была. Он учитель. Как вечер, он все тетрадки проверяет. В воскресенье то в кино зовет, то в театр. А она привыкла, чтоб у нее по выходным — веселье, пир горой. И вот один раз она и говорит учителю: «Ну тебя к черту, жить с тобой — тоска зеленая. Давай раскочкаться по-хорошему». Так и развелись. Тут я с ней познакомился. На склоне частанько приходилось ездить. Гляжу — бабенка красивая, веселая, глаза так и катаются, как вишня в сиропе, блестят, и хохочет все, хохочет, лахудра. А у меня за год до этого жена неожиданно умерла — рак. Мне, дурачку, этой самой веселости и не хватало. Жили вроде бы, куда с добром, особенно первое время, все шутим, все балуемся, разыгрываем друг друга, ребятишки наши тоже как-то быстро сошлись. Потом стал все больше замечать: к семейной жизни у нее никакого желания. Ребята вечно грязные, необстиранные. Едим — что попало, ей все готовить некогда. Если пол подметет, так сор под диван — и пошла. Сам взялся, очередь с ребятами установил. Стираем, готовим, а ей все недосуг, все смешки. Думал, переберется, ведь ей уж за сорок. А кончилось вот чем!

Было горько слушать, как этот несчастный человек изливал душу.

— Я и парня того, милиционера, который погиб, знал. На техосмотрах встречал. Интересный был. По тому, как машина идет, на строение шофера угадывал. Случай такой был. Лечу как-то я на Потоке. Злой, как черт. Послал меня шеф по своим личным делам. Мне бы отказаться, не слугой же к нему напимался, а я поехал. Злюсь на него, злюсь на себя. Слышу свисток. Глядь, а на спидометре за восемьдесят. Подходит молодой сержант. Лихо так, с улыбочкой, козыряет:

«Чересчур спешите, товарищ!»

Документы требует. А я ему:

«Вы бы лучше за пешеходами больше следили. Чтоб на углах улиц киоски не строили. Ни черта не видать».

«Ну! — удивился он. — Вас, как вижу, проблемы совершенствования уличного движения занимают. Эт-то оч-чень интересно. А поэтому мы сделаем так: я кладу ваше удостоверение в карман, а вы по стойте, подумайте на эту волнующую нас обоих тему, потом обменяемся мнениями. Да, кстати, и успокойтесь».

Ушел. Через пять минут подходит.

«Ну, что, деятель дороги, излагайте свои мысли! (Я пожал плечами, что ему скажешь!) Значит, мыслиль ноль. Тогда послушайте, что я скажу. Объясню. Остановил вас потому, что вы были в сильном запале, превысили допустимый предел скорости, чем подвергали опасности себя и пешеходов. Теперь вижу — вы успокоились. Можете ехать». И он вернул мне целехонькое удостоверение. А я с тех пор, как проезжал мимо, рукой махал. Он улыбался и козырял. Хороший парень был. Лучше бы этот гад скопырнулся, — кивнул в сторону дачи.

Чуев и Шурыгин медленно шли вдоль берега. Из-под ног прыскали кузнечики, воздух звенел от их нескончаемых скрипок. Алексей сказал:

— Вы не надейтесь, что он все расскажет. Вот увидите, вывернется. Ужаса, каких поискать. Можете со мной не согласиться, но я заметил: у нас как человек совесть потерял — начинает жить припеваючи. Все у нас на честных рассчитано, на доверие. А они этим пользуются.

— До поры!

— Конечно, но живут же. Как саранча, все сжирают, а потом хоть трава не расти. Этот, когда года три назад дорвался до директорства, с месяц ходил — кум королю, не в себе от радости. Первым делом служебную машину под персональную приспособил. «Доставка товаров на дом». Ха-ха. Только к нему да к его знакомым и доставляли. Потом кабинет взялся отделявать. Хвалился мне: вызвал, говорит, одного директора торга. «Хочешь иметь дефицитные товары в первую очередь?» — «Конечно». — «Так будешь иметь, если этот буфет не будет пустовать». Нашел какого-то пройдоху Караяниди и сделал товарооборотом. По зарплате, а меж собой они его звали «дефицитником». Он всю жизнь ездит по стране, знает фабрики, где дефицитные вещи делают. Достает как-то. Идет, конечно, не в открытую продажу. Директор любит мурлыкать: «Дефицит там правит бал, правит бал...» А эту дачу, думаете, он ради общества строил? Для профсоюза две комнаты, для себя одну. Как в сказке: ни покупать не надо, ни ремонтировать, ни топить за свой счет. А почему спокойно живут такие? Потому, что есть холуи, вроде меня, знаем, злимся, да помалкиваем.

— Алексей, а что, если все, что вы здесь говорили, мы попозже протоколом оформим?

— Давай. Теперь уж все одно.

Лейтенант вдруг спохватился. Заговорившись, они довольно далеко ушагали от дачи, и она скрылась за сосняком. С тревожным предчувствием он поспешил назад.

На крыльце у открытой настежь двери сидел усатый. Пытаясь дирижировать себе непослушной рукой, он выводил фальцетом:

— А сам пишел до доме-еньку...

Заглянув в дверь, лейтенант обомлел — кровать пуста!

— Где Ухарев?

— Да ж, мабудь, у город поихав.

— Вы видели, как он пошел к пристани?

— А як же, бачив, бачив... А сам пошов до доменьку...

— Вот ухарь! — как бы восхищаясь, проговорил Алексей. — Ускользнул, ужаса, ищи теперь, свищи! Вот увидите, он увильнет от ответа.

Прошляпил! И как бездарно. Никогда в жизни Роман не испытывал такого чувства стыда.

Всю дорогу в машине он не мог произнести ни слова. Алексей пытался даже его утешать, но Чуев или не слышал, или не в состоянии был воспринимать утешения. Они заехали на межрайбазу, но там уже никого не было. Кинулись на квартиру Ухарева — и здесь на звонок не ответили. Что делать? Поехать сейчас к Колтыгину, поднять на ноги всех, начать интенсивные поиски Ухарева? Предположим, нашли. А что дальше? В растерянности Роман полтелся домой.

Сон в эту ночь к нему не шел. В ушах все звучали слова Алексея: «Он уползет от ответа, вот попомните». Если Ухарев действительно виноват, если он прятался, а теперь понял, что его обнаружили и предстоит ответственность, на самом деле может укатить подальше. Ищи потом ветра в поле. А он-то, следовательно: держал преступника в руках и упустил. Возможно, по молодости и простят. Но стыд какой! А как в глаза ребятам из ГАИ, Сережиной жене смотреть?

— Что-то ты, Ромашечка, сегодня все ворочаешься. Заболел, что ли?

— Да нет, нет, спи.

Что завтра скажет Колтыгин? Раззява, скажет. От такой перспективы даже пот прошиб. Лежать больше не было сил.

— Что с тобой, Рома?

— Попью.

Будто пилой по нервам скребанула заскрипевшая дверь, оглушительнее трамвайного звонка задребезжал стакан о чайник, и в довершение громоподобно тарарахнул упавший стул.

— Ну, завтра будет от хозяйки! Давай включим свет, мне тоже не спится.

— Спи, я буду тихо.

— Все равно и мне тревожно. Слушай, Ромашечка, может, тебе уйти с этой работы?

— Скажешь тоже.

— Но ведь все люди разные. Одним идет такая работа, другим нет. Может, ты очень впечатлительный.

— Ну уж черта с два! Я об этой должности, может быть, всю жизнь мечтал. И через два дня бросить? Да и не в этом дело. Просто маху я дал, упустил одного...

Он хотел сказать «гада», но при жене ругаться не хотелось.

— И из-за этого ты не спишь, дурачок. Ох, и самолюбивый ты, оказывается, так ошибиться боишься. Знаешь, я как-то слышала, одна артистка не стала большой актрисой только потому, что смертельно боялась показаться некрасивой.

Задремал он только под утро.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Утром Роман вскочил от внезапно возникшей в полусне мысли: у Ухарева наверняка дома есть телефон!

В восемь часов десять минут в квартире Ухаревых зазвонил телефон.

— Квартира Ухарева? Степан Макарович д...дома?

— Дома, но он умывается, подождите.

— Нет, не беспокойтесь, я позвоню позже.

Обрадованный и озадаченный, Чуев не мог усидеть на месте, зашагал по кабинету. С этим директором, в самом деле, не соскучишься. Он спокойненько выспался, умылся, теперь, наверняка, кушает и через пятнадцать минут проследует на работу. А я не спал, не поел и из-за чего? Хотя, может, и он не спал.

Но до конца успокоиться Роман не смог и поэтому без двадцати девять звонков раздался уже в приемной межрайбазы.

— Не знаете, Степан Макарович сегодня будет на работе?

— Степан Макарович вчера звонил, сказал, что вернулся из командировки и сегодня с утра будет.

Механически включил радио. Ворвалась знакомая песня из телефильма:

Не надо бояться быть честным и битым,
а надо бояться довольных и сытых.

Как по заказу. И все же поесть бы сейчас неплохо.

Колтыгин на этот раз выслушал очень внимательно, переспрашивал, уточнял, требовал подробностей. Долго сидел молча, сверля своими черными пронзительными глазами схему города на стене. К великому удивлению Чуева, никаких замечаний не последовало, хотя он все рассказал откровенно.

— Ну что ж, надо тебе встретиться с директором. Не здесь, а у него в кабинете. И не допрос, а встреча для выяснения некоторых обстоятельств. Все вопросы, которые у тебя к нему есть, заготовь заранее. Хорошенько продумай, с учетом предполагаемых ответов. Подчеркиваю, не в форме допроса, а как бы выясняя у него, как руководителя: кто бы мог... сделать такое, на которое вы бы с ним никогда не решились. Тебя может возмутить, как он выкручивается — не горячись. По опыту знаю, в горячке можно все запороть. После встречи — сразу ко мне.

Лейтенант поднялся.

— Постой, еще не все. В Кемерово подготовь запрос нашим, был ли он там. Принесешь на подпись. Писать телеграммы приходилось? Попроси соседа, чтоб помог. Кровь с повязки — в лабораторию. Все, что тебе рассказывал шофер, занеси в блокнот. Попадётся — оформим. Девушку с базы попозже вызовем, если потребуется. Все.

Удар по версии с директором был нанесен с самой неожиданной стороны. Только Чуев собрался ехать на межрайбазу, как услышал ослеплый голос:

— Мне бы к следователю Чуеву...

— Проходите, садитесь.

На стул плюхнулся сильно помятый мужчина. Когда-то он был полным, преуспевающим, о чем свидетельствовали остаток брюшка, складки щек и шеи, бывший шикарный костюм, залоснившийся, обтрепанный до невозможности, черный не по сезону.

— Имею заявление, — выдохнул он с клубом водочного перегара и лукового пастоя. — Мне сказали, вы ведете следствие по машине межрайбазы, которая, значит, в аварию попала. Так вот это я.

— Что — вы? — переспросил Чуев.

— Я значит, был... ну вел этот УАЗик.

Воцарилась тишина. Сосед уставился на мужчину, как на пришельца из космоса. Наконец, Роман опомнился, схватил бумагу, ручку.

— Рассказывайте.

Вмешался сосед.

— Не лучше ли, чтобы он написал.

— Да, пожалуй, лучше напишите. Садитесь вот за этот стол и пишите поподробнее, все как было.

То ли от непривычной обстановки, то ли из-за выпитого или пережитого в эти дни, мужчина долго не мог начать. У него бешено дрожали пальцы, он делал им гимнастику, попросил другую ручку, елозил на стуле. Чуев кинулся было к шефу, но у того — совещание.

Мужчина писал мучительно долго. Чуев не утерпел и стал читать написанное. Оказалось, что Василий Сидорович Горбов, бывший директор магазина, хорошо знал, где находится машина и что она не охраняется, подобрал ключ к гаражу. Еще от прежней работы у него сохранились бланки путевых листов с печатями, он их заполнял и выезжал, когда надо. На этот раз они ехали с Валентиной Шлыковой «на прогулку в лес», он «был немного нетрезвый», потому все и случилось, в чем он «откровенно и чистосердечно признается и раскаивается».

— Почему сразу не пришли?

— Испугался, потом запил с горя, большой я.

— Чем болеете?

— Ну, этим. — Он щелкнул себя по шее.

— Где работаете?

— Грузчиком в гастрономе. Получилась большая растрата в магазине, где я директорствовал, выгнали, запил, с семьей разошелся, один живу.

— Напишите домашний адрес и не отлучайтесь никуда из города. В ближайшие дни мы вас позовем.

— Да в другой раз приходите в трезвом виде, не усугубляйте свою вину, — сказал строго сосед.

Лейтенант еще и еще пробегал показания. Вроде бы все сходится и теперь надо только оформить все дело, но что-то, может, появившиеся инерция и предупреждение, тревожило, мешало согласиться с таким исходом.

— Выходит, Борис Иванович, дело-то можно закруглять, как считаете?

— Я вот тоже думаю над этим происшествием, и все больше мне показания этого алкоголика кажутся сомнительными. Так что я бы не спешил, помараковал еще.

Капитан, ознакомившись с заявлением Горбова, присвистнул.

— Как у тебя события-то развиваются, а! Даже мне, старому волку, становится интересно.

— Мм-да! Мне бы можно обрадоваться и сказать тебе: «Ага! Я же говорил...» Слушай-ка, товарищ следователь, а что, если в машине их было трое? Ты вот что, положи-ка эту бумажку пока в дело и действуй по нашему плану. Что смотришь вопросительно? Версия с директором твоя? Твоя. А начатое дело нехорошо оставлять на подороге.

По пути на базу Чуев заметил спешащего к остановке Алексея. Тормознул. Алексей приветливо поздоровался.

— Куда спешите?

— На новую работу. С базы уволился, в автохозяйство устраиваюсь.

— Садитесь, подброшу.

— А не арестуете?

— Пока вроде не за что.

— И всегда будет не за что, я не из таких.

— Как вы решили с ее сыном?

— Живем втроем. Он стал такой послушный, дисциплинированный, даже учиться старается лучше. «Папа, папа». Боится, к отцу-пьянчуге отправлю. А у того ни кола, ни двора. Ни одеться, ни поесть, лупит к тому же.

— Знаешь, оказывается, мы с вами ошиблись, когда думали, что аварию сделал Ухарев.

— А кто же?

— Некто Горбов.

— Горбов? Директор обувного? Да нет, не может быть!

— Сам пришел и признался.

— Врет, алкаш!

— Какой смысл врать на себя, когда грозит тюрьма.

— Ни за что не поверю, ни за что! — твердил Алексей.

Романа поразила перемена в директоре. Из-за стола поднялся и вышел навстречу серьезный, знающий себе цену человек в великолепном сером костюме, пиджак нараспашку, сорочка в модную полоску, умеренно яркий и умеренно широкий галстук. Чисто выбрит, аккуратно причесан — лысна на затылке замаскирована. Движения скупые, тон разговора солидный, но товарищеский, даже более того — с явной тенденцией в сторону дружеского, подкупающе дружеского.

— Хочу просить самого глубокого извинения, товарищ лейтенант, за вчерашний эпизод. Понимаете, из Кемерова провожали меня старые друзья, чехолдыкнули, конечно, на посошок. Даже командировку забыл отметить, пришлось вот сегодня высылать. Ну, час лету — и в родном городе. Жена у меня в отпуске, решил, чтоб нетрезвый на глаза знакомым не попадаться, на дачу двинуть.

Следователь почувствовал, как от его и до того шаткого обвинительного сооружения начинают отваливаться крупные детали. Конечно, этот уже позвонил в Кемерово и там скажут: «Был». И командировочку подмахнут.

А Ухарев продолжал в том же тоне:

— А там сторож закончил оборудование финской бани. Ну опробовали ее. «Давай, обмоем», — говорит. Куда деться, откажешь — обидишь старика. И выпили-то немного, грамм по сто пятьдесят, а смотри, как развезло! Видно, из меня кемеровский хмель еще не вышел. Почти ничего не помню, что я там бормотал. Вроде, смутно помнится, Алексей даже в драку кинулся? Он что, тоже выпивши был? Никогда с ним такого не было. Что-то на работу сегодня не явился, стыдно, видать.

«Как говорит! Какое самообладание! Как обдуманно все! Похоже на правду». Но что-то мешало Чуеву воспринимать все это за чистую монету. А что, если уже включилось в действие предубеждение?

— Мне доложили о том, что тут произошло с нашей машиной и нашей работницей. Жаль женщину. Да и Алексею нелегко теперь — двое на руках. Все утро перебираю варианты: кто бы это мог сделать? Алексей-то, говорят, ни при чем?

— Он в это время за грибами ваших возил.

— Мы уже с Птициным говорили, что, видимо, и наша с ним вина тут есть. Недостаточно четко хранение машин наладили. Надо ужесточить режим доступа к ключу, улучшить охрану. Я поручил продумать соответствующую систему. В будущем, думаю, не повторится.

Директор встал и, прогуливаясь по кабинету, вдруг спросил:

— Ну, а вы как, подозреваете кого-нибудь?

Следователь немного растерялся от того, что, похоже, он сам превращается в подследственного и неопределенно пожал плечами.

— Если уж вы пришли, то позволю себе высказать свое мнение по поводу этой аварии. Вам мое мнение может показаться несколько... как это говорят... парадоксальным, но попытаюсь доказать. Я бы не стал искать так называемого преступника. И вот почему. Мне случайно вчера попала статья в журнале, и смотрите, что тут пишут: по данным Всемирной организации здравоохранения из каждых ста автомобильных катастроф девяносто шесть возникают в результате ошибки водителя или пешехода. Понимаете, не злого умысла, а ошибки! А теперь к вопросу о том, всегда ли удастся избежать ошибки.

Пухлая загорелая рука директора привычно, будто во время очередной планерки, с того же места, что и журнал, поднимает газету с жирно подчеркнутыми красным карандашом абзацами.

— Вот что пишет на этот счет «Правда». «Анализ аварийности показывает, что даже осознав катастрофически опасные ситуации, водитель часто не успевает отреагировать на происходящее. Иногда ему не помогает даже высокая профессиональная подготовка».

Чуев слушает, чуть ли не восхищаясь этим человеком: так подготовиться, так все проработать! Время он не терял.

— А теперь рассудим, во что обойдется ошибка сделавшему эту аварию, ошибка, которой иногда трудно избежать. Предположим, я не знаю, кто он. Говорю предположим — это кто-либо из руководящих, ответственных работников, ну, скажем, руководитель райторга. Они могли ехать по делам, из склада в склад, заговорился, зазевался и вот... страшный случай. У него в голове возникает картина катастрофы всей его жизни. Кто знает сколько сил, терпения, нервов стоило ему пробиться в число уважаемых людей. И вот одна ошибка — и все это лсу под хвост. Путь к руководящей работе будет фактически закрыт. Не слишком ли дорогая цена за нелепую случайность? Конечно, гибель ребенка — трагедия. Но ведь его не воскресишь. А жить надо. Вот он, видно, полусознательно и пытается уйти от катастрофы в своей жизни, торопится, совершает еще одну глупость, по старинному закону наибольшей подлости. Теперь зададимся таким вопросом: что даст обществу наказание такого человека? Погибших не вернешь, опытного грамотного ценного руководителя оно теряет. А в таких кадрах, по-

верьте, у нас большой дефицит. Его воспитание, подготовка обошлись государству в копейку. Вы ведь тоже заинтересованы в том, чтобы быстрее закончить это дело. Я мог бы оказать вам содействие, переговорить где надо. Я заинтересован потому, что дел невпроворот, а вы долго еще будете вокруг нас ходить. Это вносит нервность в коллектив, в определенном смысле дезорганизует его работу. Как мне сказали, идут разные слухи, сплетни. Шлыкова была не безгрешной. Но вы же не небесная канцелярия, а милиция, и за любовные грехи к уголовной ответственности не привлекаете. Или я, может быть, отстал и такой закон теперь есть?

— Вопросами прекращения следствия ведает начальство.

— Но как говорят: начальством надо руководить. Вы, наверное, недавно стали следователем?

— Только начинаю.

— После института?

— Юрфак университета.

— А, интересно, зарплата у вас как?

— Сто двадцать.

— Не густо. Да еще семья, поди?

— Жена и ребенок.

— Да и квартиры, наверное, нет?

— Обещают.

— Обещанного три года ждут. Знакомо. Сам так начинал. Скромность — великая ценность, но порой обидно, знаете. Смотришь, человек средних способностей, учился хуже тебя, шалопай из шалопаев, а устроился, и зарплата посolidнее, и с бытом живет, как бог.

Вдруг он лихо тряхнул головой и ухарски улынулся.

— Знаете что, давайте мы сейчас проведем, как это у вас называется... Судебный опыт.

— Следственный эксперимент.

— Вот-вот. Раз, два, начали! — Он набрал какой-то телефонный номер. — Василий Михайлович, привет! Как наши международные связи? Расширяются? Ты на днях как-то говорил — тебе нужен юрисконсульт. Нужен. (Ухарев кивнул Чуеву: видишь, мол, нужен). А платить сколько будешь? Двести. С квартирами как? Строят. К зиме сдадут. Чешский проект, улучшенная планировка.

У Чуева вспотела спина. «Он же меня покупает!»

— Да есть тут один на примете. Серьезный молодой парень. Не знаю пока. Ну, конечно, если что, сразу брякну... Как видите, товарищ следователь, эксперимент удался. Теперь все зависит от вас. Мне понятны ваши колебания. Но подумайте, что в этом плохого? Вы будете так же работать в таком же советском учреждении. Если колеблетесь из-за того, что только начали работать и неудобно подавать заявление, то не беспокойтесь. Дайте только согласие и вас переведут, и руководство ваше убедят в такой необходимости.

Пока Ухарев разглагольствовал, Роман сосредоточивался и готовил себя к контрастике. «Первое, дать решительно понять, что не продаюсь. Второе, возразить против попытки оправдать преступника. А третье, самое важное, развеять надежды на возможность безнаказанности преступника на случай, если это он».

— Спасибо, Степан Макарович, за заботу обо мне. Завидую вашим подчиненным, если вы о них проявляете такое беспокойство. Я не смогу воспользоваться вашей добротой.

— Зря, зря, — пробормотал Ухарев.

— Не могу также согласиться с предложенной вами оценкой происшествия. Ведь человек этот — убийца, и оправдания его не можем допустить ни с моральной, ни с правовой точек зрения. Скажу больше: нам не позволят этого допустить, событие получило большой общественный резонанс и поставлено на контроль.

— Я, собственно, о целесообразности, так сказать...

— Вы уж извините нас, законников. Но для нас высшая целесообразность — закон. У меня есть еще один вопрос, если позволите. Мог ли Горбов, бывший директор магазина, вы его, конечно, знаете, мог ли он угнать вашу машину?

— Горбов? — оживился Ухарев. — Этот мог бы, записался. С Валею он хорошо знаком. Да и машину я ему, кажется, в свое время иногда давал. А что, есть подозрения?

— Да, сам пришел и признался.

— Серьезно? Так что же мы голову морочим? Конечно, он!

— У меня из беседы с ним сложилось несколько другое представление, не окончательное, конечно. Мне показалось, что кто-то нам при помощи этого алкоголика затуманивает мозги и усугубляет свое положение.

Ухарев заметно скис. Но на прощанье все-таки выдал полуулыбку.

— Не зря я хотел вас рекомендовать юрисконсульту. Молодой, но дошлый. А все-таки насчет экспортной экспедиции советую подумать, дело стоящее: заграничные поездки, международные контакты, большие возможности.

Роман ехал от директора несколько ошеломленный. Тут еще угнетающе действовал обложной нудный дождь. То, что ему предлагалось, было мерзко. Но в какие одежды одето! И какие циничные и страшные выводы: если человек на машине не может не ошибаться, значит он не может не сбивать людей; а какие убытки несет государство, потратившее средства на подготовку водителя! И как понимать эту грубую атаку на его, Романа, моральные устои? То ли директору он показался недалеким по молодости. То ли с отчаяния тот решил пойти ва-банк, выгораживая себя или кого-либо из своих знакомых. А может, он считает такие отношения между людьми, нашими, советскими людьми, нормальными? Так это еще во сто раз опаснее!

В эту ночь он тоже спал плохо. Будут ли для него ночи спокойные?

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

— Злоупотребление спиртными напитками — беда наших дорог. Многие аварии совершаются по вине людей в нетрезвом состоянии.

Дослушав последние известия, Чуев привычно вошел к капитану. Пока он подробно излагал ход своей беседы с директором, Колтыгин комментировал различными ироническими восклицаниями: «Та-ак, та-ак! Ишь ты! Да ну-у! Так и сказал?! А ты, что? Смолчал — молодец! А вот этого я бы ему не простил, кадры переманивать. Ишь, бес-искуситель!»

— Значит так, лейтенант: на двенадцать пригласи гражданина, который признался в совершении аварии.

— Горбова?

— Его. Приготовься, будешь вести допрос. Задача: поймать его на противоречиях, на незнании деталей. Внимательно еще раз просмотрите все материалы. Если понадобится, попроси повторить. И, может, не раз. Предупреди об ответственности за дачу ложных показаний. Я буду присутствовать. А на шестнадцать часов вызови директора. С ним уж разреши мне потолковать. Я хочу разъяснить ему, как нехорошо переманивать кадры.

— Товарищ капитан, разрешите мне с утра еще раз съездить на дачу, взять показания у сторожа, в тот раз он был пьяный.

Колтыгин внезапно расхохотался.

— Молодец! «Начальством надо руководить!» Так, что ли, учил тебя директор? Но подчиняюсь. Тогда зови их на завтра. Горбова на десять часов, а Ухарева на двенадцать.

Усатого хозяина дачи дома не оказалось. Встретила Чуева полная, энергичная женщина лет пятидесяти. Она оглашала окрестности таким голосом, будто выступала перед огромной толпой.

— А чертяка его знает, чого он надумал уехать. (Это она о муже). Тут дрова надо пылыть, стайку городить, а вин у гости подался, да ще на месяц, щоб его...

Тут последовала такая забористая очередь с перечислением всех бесов полей и лесов, недоброго десятка очень разнообразных болезней, посылаемых на голову мужа, что Чуев изумленно замер.

При первом же вопросе о директоре она взорвалась, как пороховая бочка. Из лавинной смеси русских и украинских слов можно было уразуметь, что ей осточертело видеть этот срам, когда он приезжает то с женой и детьми, то в субботу привез какую-то лахудру, к крыльцу подъехал поближе и та шмыгнула в дверь, но у нее-то очи еще не по-вылазили, она поняла, что это не жинка, а старый дурак говорит «по-малкивай, не твое дило». Мужа совсем спойл, целую неделю не просыхали.

— А вы не ошибаетесь, что он именно в субботу приезжал?

— Та ни! Шо вы? Ще дочка у вечери с хлопчиком приихалы. Я ей усе рассказывала. И он тоже вечером еще раз приехал на катере. Так и пил с мужем почти неделю.

— На какой машине он с утра в субботу приезжал?

— Та на газоне же, на зеленом, шо вирх брезентовый.

Когда же следователь сказал, что оформит ее рассказ протоколом, она испугалась.

— Ни, ни! Це нам ни к чему!

Пришлось напомнить ей статью кодекса и припугнуть официальным вызовом в город. Махнула рукой и подписала.

— Хай ему пусто буде, тому директору!

Вернувшись с дачи, лейтенант снова зашел к Колтыгину.

— Что нового?

— Хотел вооружить вас некоторыми материалами для беседы с Ухаревым.

— Правильно, «начальством надо руководить». Ну, что там?

Подавая бумаги, следователь не удержался от торжествующего выражения.

— Так. Заключение по анализу крови с повязки. Оказывается, она идентична той, которая обнаружена на ручке УАЗика. Это уже кое-что. Телеграмма.

КАК УСТАНОВЛЕНО УХАРЕВ НА КЕМЕРОВСКОЙ МЕЖРАЙ-
БАЗЕ НЕ БЫЛ ТЧК ПРИСЛАЛ БЛАНК КОМАНДИРОВКИ ПРОСЬ-
БОЙ ОТМЕТИТЬ ЗПТ ПОЗВОНИЛ ПРОСИЛ СКАЗАТЬ ЕСЛИ
СПРОСЯТ ПРИЕЗЖАЛ ТЧК ПОСЛЕ НАШЕГО РАЗЪЯСНЕНИЯ
УДОСТОВЕРЕНИЕ ОТПРАВЛЕНО НАЗАД БЕЗ ПОДПИСИ НА-
ЧАЛЬНИК ГОВД СУХОВ

— А это удар под левое ребро, — констатировал капитан. — Протокол допроса жены сторожа дачи? Умм... Хук справа! Ну-у, Ухарь, погоди! Между прочим, у нас для тебя тоже есть новость. Прибежал шофер этот с базы, говорит, видел Горбова в дымину пьяного и потрясающего пачкой денег. Любопытная деталь — алкоголик будто бы хвастал: пройдет срок — еще не столько денег будет! Возьми у Бориса Ивановича его показание.

После обеда, оторвавшись на секунду от бумаг, Чуев оторопел. У стола стоял Ухарев.

— Здравствуйте, садитесь.

— С добровольным, так сказать, и чистосердечным...

В установившейся тишине, как мина, взорвался звонок телефона у соседа. Борис Иванович выслушал сообщение и быстро вышел.

— Садитесь вот сюда и пишите.

Ухарев заметно сдал: щеки одрябли и отвисли, под глазами темные мешки.

Вернулся сосед и начал торопливо, но аккуратно складывать бумаги, одни в стол, другие в сейф.

Заглянул Колтыгин. Чуев вскочил. За ним, видимо, инстинктивно, вскочил и директор. Капитан кивнул:

— Продолжайте.

И вышел.

Чуев спросил у соседа:

— Что там?

— ДТП. Мы поехали.

— Что-то ты сегодня, Ромашечка, сияешь, как бенгальская свечка. Преступника поймал? Была погоня?

— Сам пришел!

— У-у-у, — разочарованно протянула Лена. — Он что, ненормальный?

— Наоборот, умный. Понял, что я обошел со всех сторон, и явился. Простите, говорит, Роман Васильевич, больше не буду!

— Хвастуша! Если все они такими станут, ты без работы останешься.

— Хорошая мысль, наверняка мы с тобой доживем до такого времени, когда человек, если оступился, никуда не побежит. А я буду писать мемуары, какой был ловкий с самого первого дня работы.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

— В Японии ежегодно гибнет в автокатастрофах более десяти тысяч человек, во Франции тринадцать тысяч.

Вошел Колтыгин. Роман выключил радио.

— Ах, Чуев, Чуев, какой хлеб вы со своим Ухаревым у меня отбили, так я хотел с ним потолковать! Так что, все он на себя принял?

— Все.

— И алкаша?

— Мнется, путает, но в общем, признает.

— Ну, что же, подбивай бабки. С Горбовым долго не возись, не теряй времени. Предъяви ему показания Ухарева и пусть пишет самоопровержение. Лады? Ну, а как насчет международной экспедиции? Может, в самом деле двинешь туда?

— Поближе к пенсии, может, и двину. А сейчас, если не возражаете, здесь поработаю.

— Очень даже не возражаю. Кажется, мы неплохо сработаемся. Как считаешь, Борис Иванович?

— Сработаемся!

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Воскресенье после первой рабочей недели показалось Роману особенным. Мурлыкая что-то, в джинсовом костюме, казавшемся после непривычной еще формы небывало удобным, с небольшим рюкзаком за плечами, на котором восседал сын, он шагал к электричке. Рядом, еле попевая, семенила Лена.

— Давай Олежку. Еще уронишь.

— Не отставай да куртку застегни, а то все встречные к тебе туда заглядывают.

— Постыдился бы, ребенок слушает. Отдай Олега, тебе говорят!

— Привет семье!

Из остановившейся оранжевой «Волги» улыбался Болотов.

— Салют, Гриша!

— К электричке спешите?

— За грибами собрались.

— Садитесь, мне по пути.

— Дежуришь?

— Что делать, такая наша доля! — весело сказал Болотов, рассматривая в зеркальце Лену. Та смутилась, захлопнула курточку.

— Не много же вы наберете с такой ношей.

— А нам много и не надо, некуда девать на частной квартире, вступила в разговор Лена. — На сковородку всегда набираем.

— Ну что, Рома, говорят, крупную рыбину ты заловил?

— Один шофер назвал его ужакой, очень точно.

— Ты знаешь, я недавно статью любопытную прочитал, кажется, одного из Стругацких, писателей, что фантастику пишут. Он выступил на какой-то конференции и говорит: появился новый тип Мефистофеля в человеческом образе. Имя его примерно так: Сытый Самодовольный Невежа. Он похаживает среди людей и заражает их вирусом стремления к легкой жизни, сбивает честных людей с честного пути коврами, машинами, теплыми местечками. Другие строят новый мир, а он свою дачу. А взамен требует совесть и душу, как и раньше. Так вот, твой директор, по-моему, из таких.

— Да, что-то есть. Он мне предлагал смазать следствие и даже нашел место: двести рублей и квартира к зиме. Между прочим, шофер рассказывал, он любит мурлыкать: «Дефицит там правит бал...», что тебе Мефистофель.

— Ну, до Мефистофеля он не добрал.

Вдруг Болотов затормозил.

— Смотрите, Оля — жена Сергея!

По тротуару с ребенком на руках шла маленькая женщина. А мимо, выкатываясь из-за плавного изгиба моста, несся нескончаемый поток автомобилей — разноцветный, сверкающий стеклами, упорядоченный и хаотичный, он сотрясал землю, заполнял пространство ревом моторов и клубами газа. Скорость размывала лица водителей и пассажиров, и от этого лавина казалась неукротимой и бездушной.

«Вот такие потоки, — думал лейтенант, — полосуют сейчас весь земной шарик, угрожая захлестнуть все живое».

Оля стоит у потока.

Придержал в удивлении на берегу железной реки своего коня Чалчик на Каурой ездящий.

Мы смотрим прощально в глаза тем тысячам землян, которых завтра уже не увидим. Их унесет поток.

И пусть обвиняют в морализаторстве и назидательности, готов повторять на всех перекрестках планеты, как заклинание: «ЧЕЛОВЕК НА МАШИНЕ — БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!»

Евгений Кузнецов родился за три месяца до начала войны. Голодное детство без отца прошло в небольшой деревушке Вологодской области. Учился в институте в Томске. В Томске же начал заниматься альпинизмом и писать стихи. В настоящее время — доцент кафедры «Детали машин» Алтайского политехнического института.

Стихи печатались в многотиражных, городских и областных газетах и в журнале «Турист».

Евгений КУЗНЕЦОВ

НЕ ДЛЯ СЛАВЫ, А ДЛЯ ЛЮБВИ...

СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

Сестре Лиде

Щемящая родина виделась издали.
Ты ехала к ней, ожиданье терпя.
А родина редкими, ветхими избами,
старуха старухой, встречает тебя.
Ты помнишь домишко над ямами этими,
где нынче крапива нахально глядит.
Сухая рябина — последним свидетелем,
и ветер забвенья в округе летит.
Любая тропинка тобою здесь пройдена.
Ты плачешь. Твоя неутешна тоска.
Откликнись, любимая, прежняя родина,
скажи, как же детство-то нам отыскать!

СРЫВ

Что было:
срыв
иль тяжкий сон,
зависший в памяти безлико!
Скала.
Темно.
И вдруг
без крика
товарищ мой —
на страшный склон.
Летит...
И пропасть ожидает...
Веревка —
нитка.
Я дрожу

и не ее,
а жизнь держу,
что мне ладони обжигает.

Там, где ветер берет разбег,
он лицом каждый луч ловил —
восходил, возлетал, любил
легкий, звонкий, хрустящий снег,
искрометный, веселый лед,
но по скалам, по склонам — бас,
и лавина — как снежный барс,
и душа прекратила лет...
И теперь по пути его
без него (за него!) иду
по карнизу любви, по льду,
по звенящим снегам его.
И на самом верху — не дыша —
где вершин невесом полет,
мне послышится вдруг: душа
(не погибшая!) все поет.

ДРУГУ

Ветер бешено снег завертит.
Не осилить разбитых рук.
Ты мне веришь. И мать мне верит.
Камень — кремень. А кремень — друг.
Если что — ты один продолжи.
Не сворачивай, не криви.
По отвесу пройди. Ты должен.
Не для славы, а для любви.

Геннадий Михайлович Жиров родился в 1941 году на Алтае в селе Налобиха, где живет и сейчас. Работает диспетчером на ремзаводе. Стихи публиковались в альманахе «Алтай», в других периодических изданиях.

Геннадий ЖИРОВ

КРАЙ БОБРОВСКИЙ

ПРИГЛАШЕНИЕ В НАЛОБИХУ

Когда за речку, за ее пески,
на лоб увала ставили домишки,
«Село на лбу», — смеялись старики.
Вот приросло. Налобиха — и крышка.
А с речкой вовсе вышло наобум.
Бобры в ней в нашу бытность и не слыли...
Кому-то спьяну набрело на ум —
Бобровкой речку нашу окрестили.
Но ты к нам лучше в гости приезжай!
Не хвастаюсь! Чудес и нынче вдоволь!
Поверишь мне, что наш Бобровский край
от солнца медный, от зари медовый.
Вот с этим окончанием весны
(уж как-то выкрой времени излишек!)
мы, по колени засучив штаны,
половим пескаришек, чебачишек.
Речушка, правда, узенька, мелка,
течет и, что ни кочка, огибает,
но это детства моего строка:
одна строка, но ярко-голубая.
А может, за белянками пойдем.
Я знаю место: где кусты крушины.
Но летом на селе у нас подъем,
считай, что с первым криком пегушиным.
Ты скажешь:
— А чудес-то вовсе нет.
Деревня, скажешь, к этому привыкла...
Но не писать же мне, как мой сосед
точило смастерил из мотоцикла!!

НА РЕЧКЕ

Ни дивана, ни скамейки,
ни грибочка баского...
Перешеек речки «Змейкой»
называют ласково.
Змейка — вихрем, Змейка — кротко:
хоть ослепни — не узреть!
Мы все в раз во всю-то глотку:

— Чур, не первым воду греть!
Из знакомых вроде кто-то!
Сколько зим и сколько лет!
Все застыли полороты:
вроде Любка! Вроде нет!
Я штаны да майку трубкой,
сам с речного яруса...
Греем воду вместе с Любкой.
Любка в юбке, юбка — шлюпкой,
да косынка — парусом.

Я с мамой напросился на базар
(на первый год после войны однако!).
Уж так нам недоступен был товар,
но я за юбку мать держал и плакал.
А мать была настолько молода,
Что тут бы и богини оплөшали!
К тому же я не видел никогда
и ни на ком такой красивой шали.
Она проходит из конца в конце,
и я при ней, в голубеньких штанишках.
В руках моих, как счастья венец,
хрустящая капуста кочерыжка!
Но тут не о базаре разговор.
Мне просто на досуге разменталось.
Наверно, потому, что до сих пор
то ощущение праздника осталось.

Приезд в село мне снился, как укор.
И что я вижу: сыновья у дроли.
А вот зарю за тот же кособор
с рассветом вместе ковш небесный пролил.
Но где же свет родимого лица!
Но где же мой любимец — тополь свечкой!
Да, Уходил с высокого крыльца,
а подхожу к осевшему крылечку...

Геннадий ОСИПОВ

И ОСТАНУТСЯ, КАК В СКАЗКЕ...

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Лет двадцать тому назад мне довелось познакомиться с активным участником гражданской войны на Алтае, бывшим прадедом, персональным пенсионером Петром Осиповичем Никишиным. Он готовил к печати воспоминания о незабываемых партизанских годах. В них часто фигурировал Петр Семенович Парфенов. Имя это не слишком известно широкому читателю, хотя слышали-то его все. Потому что он автор всем знакомой песни «По долинам и по взгорьям». А вот о его жизни мы знаем не очень много. Петр Осипович в свое время предложил поискать новые материалы о Парфенове. Кое-что удалось найти.

Предлагаемые читателям заметки основаны на ряде архивных документов, а также, конечно, на воспоминаниях П. О. Никишина.

ЗОЛОТОПОГОННИК И СВАРЛИВЫЙ БАТЮШКА

Измученная днем бесконечных пыток и допросов, барнаульская тюрьма отошла в беспкойный сон. Крепчал осенний морозец, и малейший звук разносился далеко по округе. Поэтому звон бубенцов по лесной дороге часовой услышал еще задолго до того, как лихая тройка осадила около ворот.

— Несет нелегкая, — бурчал часовой, глядяваясь в приближающуюся к нему фигуру в офицерской шинели. — Опять, поди, контрразведка, покоя им нету...

И вытянулся, заметив в тусклом свете два широких просвета на золотом погоне. Полковник. Его высокоблагородие.

— Отворяй!

— Слушаюсь, вашокбродь!

Ослепленный блеском полковничьих погон — не часто простому солдату доводилось вот так близко видеть столь высокое начальство, — часовой едва глянул на пропуск. Ошарашенный внезапным визитом высокоблагородия, бессмысленно хлопая мутными от сна и самогона глазами, старший надзиратель тоже не очень-то вчитывался в сопроводительную бумагу на бланке контрразведки, где полковнику (имярек) вменялось в обязанность увезти на допрос двух арестованных подпольщиков. Чего это такому высокопоставленному офицеру понадобилось выполнять роль обыкновенного конвоира — подобная мысль если и мелькнула в хмельном мозгу старшего надзирателя, то реализовать ее ни в какие действия он просто не успел.

— Повор-р-рачивайся, скотина, — рычал полковник в такой знакомой для надзирателя манере, принятой в белой армии. — Долго я тебя ждать буду? — И зо-

лотые аксельбанты возмущенно подрагивали под распахнутой шинелью. С таким попробуй помедли.

Заклоченных буквально вышибли из камер, и тройка шумно умчалась бором по направлению к мерцавшему одинокими огоньками городу...

А утром старший надзиратель был лишен всех регалий, и сам сел в ту камеру, откуда ночью выпустил одного из заключенных. Бумага на бланке контрразведки оказалась примитивной липой, а полковник — самозванцем, хотя на ордере и стояла его фамилия — П. С. Парфенов...

Начальник контрразведки рвал и метал. Ведь еще предыдущим днем получил он сообщение из Камня от тамошнего начальника контрразведки полковника Степаненко о возможном появлении в Барнауле некоего «полковника» Парфенова. Да закружился в горячке дел шатавшейся белой власти и успел лишь отдать приказ собрать материалы об этом человеке. А надо было действовать. Парфенов-то вон как быстро проявил себя. Конечно, главный губернский каратель не успел узнать и того, что Парфенов сразу по приезде связался с барнаульским подпольем и по его просьбе и освободил двух военных товарищей, которым грозил расстрел. Подпольщики и снабдили гостя необходимой документацией.

...Колокольчик пронзительно звенел в руке начальника контрразведки. В кабинет влетел адъютант.

— Перекрыть все тракты, особое внимание вокзалу! Вот приметы...

Контрразведка колчаковской армии, несмотря на воцарившийся осенью 1919-го развал в белом царстве, действовала по инерции еще четко. И в считанные минуты небольшой городишко был охвачен

кольцом агентов в штатском. Только на вокзал они немного припоздали. Впрочем, первому поезду, который уходил отсюда в десять утра, был дан лишь один звонок.

Шпики рассыпались по вагонам. Шныряли и в маленьком одноэтажном вокзале, и около него. Но тот, кто им был нужен, не появлялся.

Дежурный по станции задел своей фуражкой у начищенного медного колокола, чтобы ударить отправление поезда, когда у вокзала осадил тройка. Неспешно из нее выбрался поп, весь заросший густым черным волосом. Огляделся в поисках, видимо, носильщика. Не нашел и поманил пальцем сунувшегося было к тройке шпика.

— Любезный, подтащи-ка вещички в мягкий вагон.

Этого еще не хватало агенту, уже понавяшему, что тянет пустой номер. Он дернул назад, но батюшка загремел на всю привокзальную площадь хорошо поставленным голосом:

— Смутьян, красное отродье, духовному лицу не сподобляешь. Я тебя...

Шпик, не дослушав, счел за благо подхватить тяжеленный чемодан и затрусил к мягкому вагону. Батюшка осанисто шествовал за ним. Дежурный по станции предупредительно задержался с отправлением поезда. Поднявшись в тамбур, пастырь широким движением благословил не то вокзал, не то многочисленных шпииков и важно удалился в покойные недра вагона. Паровоз басом попрягался с Барнаулом, рассылая по составу перестук буферов, и медленно двинулся на Новониколаевск. Шпики понуро потащились к выходу с перрона.

Так Парфенов, а это он был тем самым горластым попом с чемоданом, где лежал полковничий мундир, в очередной раз обманул колчаковскую контрразведку. Провожавшие его два подпольщика облегченно вздохнули и тоже направились в неблизкий тогда от вокзала город.

Этим закончился для Парфенова третий период его работы на Алтае, последний в гражданскую войну, но самый, пожалуй, яркий. Впрочем, к нему мы еще вернемся, а сейчас самое время познакомиться читателя подробнее с биографией Петра Семеновича и тем, почему и зачем он оказался на Алтае.

СВИНОПАС, БАТРАК, УЧИТЕЛЬ...

Мы, кстати, вправе считать Петра Семеновича нашим земляком, да и он подчеркивал это не раз, поскольку с Алтаем его связывало многое. Но родился он далеко от Сибири, в селе Никольском Белибеевского уезда Уфимской губернии, 29 июня (11 июля по новому стилю) 1894 года. Российская деревня начала двадцатого века бедствовала неимоверно. Кто-то из Парфеновых подался на «Беловодье», на благодатные сибирские земли, на Алтай. А Петр начал свои университеты свинопасом, батраком, дворником, продолжал их, как А. М. Горький, подмастерьем в булочной, «повысился» до

помощника швейцара, официанта... И все время жадно учился, читал все книги, которые мог достать. Так что, когда он на время появился в селе Глубоком Ленковской волости (сейчас — Завьяловский район), его грамотность не могли не заметить и пригласили учителем. Здесь с ним и познакомился Петр Осипович Никишин, будущий подпольщик, а тогда тоже учитель в Шимолине, верстах в пятидесяти от Глубокого. Встречались они два или три раза в «волости», в Ленках. А потом Никишина перевели в 1912 году учительствовать далеко от тех мест в Селиверстово (теперь — Волчихинский район), и они надолго расстались.

Парфенова же потянули дальние края. Зайцем добрался он до Владивостока, где его ждали только ночлежные дома отечественные, китайские и японские, да безработица. Немного побыл в матросах. И опять без средств к существованию. До того опустылена такая жизнь — из песни слова не выкинешь — что попытался покончить с нею сам. Его спасли, а потом, к счастью, нашлась и работа на рудниках. Точнее — не нашлась, а сердобольные люди, принявшие участие в судьбе талантливому парню (он тогда уже писал стихи), порекомендовали Петра германскому инженеру Мельцеру. Тот заведовал на рудниках акционерного общества «Тетюхе» химической лабораторией. Парфенова взял с месячным окладом в 45 рублей помогать в качестве «русского молодого человека». Так Парфенов оказался в Сучане (теперь — Партизанск).

Работа в лаборатории увлекла. Мельцер оказался приветливым и культурным человеком. Образование Парфенова продолжалось быстрыми шагами. Но тут грянула первая мировая. Сейчас уже трудно сказать, кто на руднике влиял на Парфенова, однако классовое его мировоззрение было оформившимся.

«...Я сразу же возроптал против начавшейся мировой бойни, — рассказывал Петр Семенович в своих воспоминаниях, — возроптал громко, и вслед за немцами, которые управляли всеми рудничными предприятиями, вскоре был выслан из Тетюхе с той лишь разницей, что их поместили в концентрационный лагерь на Русском острове, а мне разрешили поселиться вольно, но только в Никольске-Уссурийском, глухом уездном городишке.

Больших трудов и унижений стоило перебраться на жительство опять во Владивосток, где меня заставили теперь каждую неделю являться в полицию «для отметок». Отсюда, избегая солдатчины со всеми ее «прелестями», в моем нищенском состоянии я уехал в Иркутск держать вступительный экзамен в военное училище, куда и был зачислен юнкером с 1 декабря...»

Представляете, выходяще из «подлого» сословия, самоучка, да еще и «неблагонадежный» поступил в привилегированное военное училище. Для этого надо было быть отлично образованным человеком. Таким Петр Семенович и стал к тому времени.

Впрочем, власти не дремали. Генерал, начальник Иркутского училища, буквально очарованный блестящими данными юнкера Парфенова, вынужден был расстаться с ним под давлением нескольких депеш из Приморского жандармского управления и личного визита представителя местных голубых мундиров. Так что уже через три недели Парфенова, как он вспоминает, «...исключили как политически неблагонадежного... и я добился лишь одного, чтобы рядовым на фронт отправили не со штрафной ротой, как предполагалось, а обычным путем и через владивостокского воинского начальника...»

Однако когда приморские жандармы получили Парфенова обратно, призрак штрафной роты вновь замаячил перед ним. А штрафная — верная смерть. Надо было что-то придумать. Случай подвернулся сам.

Однажды Петр брел горбатой мостовой к порту и услышал, как около одного из домов загрела медь военного оркестра. Играли самую популярную тогда польку «Ойра». Потом послышалась зазывная речь какого-то господина в штатском:

— Все на войну с проклятым кайзером. Записывайтесь в добровольцы!

А шел уже 1915-й. Военный угар, охвативший было некоторые слои русского общества, угасал. Добровольцев — кот наплакал.

«Вот он — выход!» — воскликнул Парфенов про себя и выразил господину в штатском самое горячее патриотическое желание немедленно защищать веру, царя и отечество. С пополнением в армию было туговато, военное ведомство забирало силу, и жандармам пришлось отступить со своими притязаниями на Парфенова. В конце января Петр с командой добровольцев отправился на Западный фронт.

Правда, не мог не выкинуть очередной в понятии отцов-командиров фортель. Проезжая мимо родной деревни, которую не видел столько лет, сбежал с поезда. В распоряжение минского этапного коменданта прибыл только через два месяца.

Издеганный неразберихой и бестолковщиной, воцарившейся к тому времени в тылу, комендант поорал, поорал на добровольца, но поскольку в очередной этап не хватало нескольких человек, то, не докладывая по команде, сунул Парфенова в только что сформированную часть. Конечно, тем самым Парфенов был спасен от военно-полевого суда, да, должно быть, и от расстрела. Так уже второй раз он был на пороге смерти. Но, увы, не в последний.

Месяц дополнительной муштры и — передовая под Ковно. Как-то быстро втянулся во фронтную жизнь. Стал боевым разведчиком. Не раз ходил во вражеский тыл. Командование не могло нахватиться боевым солдатом. Вскоре на его груди засиял первый Георгиевский крест «За храбрость». Погоны украсились лычками младшего унтер-офицера. Участвовал в знаменитом «стратегическом отступлении»

в сторону Вильно, опять проявил себя в боях.

Младший офицерский состав царской армии к тому времени был здорово подбит, и «низшему сословию» открылась дорога к золотым погонам. Не всем, конечно, но таким «боевым и преданным батюшке-царю», как Парфенов, безусловно. Не знали только командиры, так лестно аттестовавшие своего подчиненного, его прошлого. В ускоренной Второй московской школе прапорщиков тоже не поинтересовались этим. Так что через три месяца Петр Семенович надел погоны с первой звездочкой. Правда, в то время бытовала поговорка: «Курица — не птица, прапорщик — не офицер», зато появилась возможность хоть на время встать в стороне от бессмысленной мировой бойни. Парфенова, как отличного специалиста, не смогли не заметить и в школе, и он был зачислен в ее кадры.

Но кадровый состав военного училища уже проверялся всенной контрразведкой. До всего она, к счастью, не докопалась, однако ей стало известно, что прапорщик Парфенов, будучи еще курсантом, дважды организовал во взводном строю исполнение песни собственного сочинения «Старый год», имеющей предосудительное направление (кстати, на мотив будущего партизанского гимна, о чем речь еще впереди). Да к тому же он скрыл в анкете свою работу официантом в Харбинской еврейской гостинице «Кишинев».

В суточный срок опального прапора выслали из Москвы в 186-й запасной полк, расквартированный в захолустном городке Наровчат Пензенской губернии.

ЗАВ. ГУБОНО, ПОЛКОВОЙ КОМАНДИР

Февральская революция застала Петра Семеновича в Боброве. Вскоре в числе других он сделался ее «жертвой». Дело в том, что на общем офицерском собрании было проголосовано и записано: отправлять впредь в действующую армию не по усмотрению высшего начальства, а в прямой зависимости от продолжительности пребывания в тылу. Так с первой же очередной партией Парфенов оказался на Румынском фронте.

Снова бои, еще ярче их бессмысленность. И без того многое уже понявший о несправедливости существующего строя, прапорщик не мог не встать на большевистскую платформу. В городе Орееве он вступил в члены РСДРП. А дальше, как вспоминает Петр Семенович, «...включился активно в работу солдатских комитетов, был избран от них на фронтовой съезд в Одессу и в состав «Румчерода», ездил от него «мирить» Колчака с матросским комитетом в Севастополе, участвовал в наступлении 18 июня, был контужен и через Петроград уехал на Алтай, в деревню к родным, где меня сначала избрали председателем Ленковского волостного исполкома, затем арестовали, как «соратника» сепаратного мира с немцами, потом делегировали от Славгородского уезда на II съезд Советов. Дрался за Советскую

власть, за мир и землю с войсками Краснова и Керенского под Гатчиной, а по возвращении в Сибирь был избран членом Алтайского губисполкома и назначен заведующим отделом народного образования.

Много успел сделать новый зав. губоно, хотя времени ему на все было отпущено крайне мало. Вот, в частности, газета «Голос труда» 21 апреля 1918 года сообщала: «Во всей Алтайской губернии устраивается праздник народного образования». Открывались ликбезы, новые школы, неграмотные крестьяне писали первые слова: «Ленин. Мир». Но мир продолжался недолго. Загудел по Сибири мятеж белочехословаков. Вражеские отряды приближались к Барнаулу. Учитывая большой революционный опыт Петра Семеновича, губком партии мобилизовал его в армию. Парфенов возглавил полк имени Карла Маркса, а затем стал инспектором строевой части штаба Алтайского фронта.

Красногвардейцы упорно сопротивлялись натиску превосходящих сил противника, но Барнаул все-таки удержать не смогли. До самых последних минут был в рядах защитников города и Петр Семенович. Уйти ему не удалось, и он был схвачен белыми.

По Соборной площади под захлебывающийся радостный звон колоколов колонну арестованных погнали дальше, за Барнаулку. Ясно — на кладбище, ясно — на расстрел. Но то ли еще не разобрались белая — кто есть кто, то ли по другой какой причине, Парфенова не расстреляли. Зато зверски избили на кладбище прикладами и отправили в тюрьму.

И бывает же такое, выяснилось, что арестованный — земский гласный. Поначалу белогвардейцы играли в подобие демократии, а потому гласного в тюрьме держать не могли. Выпустили. Впрочем, земское собрание тут же исключило Парфенова из своего состава «за большевизм». Снова грозилась тюрьма. Но один из офицеров гарнизона узнал в Петре Семеновиче своего боевого сослуживца и похлопотал за него. Парфенова, как бывшего офицера, мобилизовали в армию. Только напрасны были эти хлопоты. Кто-то донес на новоявленного колчаковца, что это большой комиссар. Снова арест, и Парфенов был осужден к смертной казни.

Приговор обжалованию не подлежал и был приведен в исполнение.

РАЗВЕДЧИК БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ

Расстреливали Парфенова недавно мобилизованные в белую армию алтайские крестьяне. Наверное, вообще впервые в своей жизни участвовали они в этой жуткой церемонии. Да тут еще осужденный перед залпом, гордо выпрямившись, воскликнул:

— Все равно победит дело рабочих и крестьян. Да здравствует...

Команда офицера «Огоны!» оборвала последние слова Парфенова, но не его

жизнь, так как дрогнули винтовки у солдат, и лишь одна пуля достала Петра Семеновича, ранив его. Он упал в выкопанную для него могилу. Мокрые от первого снега комья глины полетели на заживо погребаемого. Он стерпел их удары, а потом нашел в себе силы выбраться из ямы.

Друзья спрятали Петра Семеновича в одной из больниц.

«Здесь, — вспоминает Парфенов, — меня дважды навещал Ефим Мамонтов, мой товарищ и земляк, который, будучи старшим унтер-офицером, скрывался от мобилизации в белую армию и сколачивал свой первый партизанский отряд для вооруженного наступления. По его просьбе я должен был написать прокламацию к населению и войскам с объявлением крестьянской войны всей колчаковщине...»

Выздоровев, Петр Семенович, естественно, немедленно покинул Алтай, где его подстерегало так много опасностей. Но стоять в стороне от борьбы он, конечно, не мог. В Омске — столице Колчага — связался с местным подпольем. Где, как его использовать в революционной борьбе? Парфенов предложил дерзкий план, а подпольщики помогли его осуществить.

Петр Семенович сам себя повысил в чине до полковника. Безусловно, служить в армии он не мог, все равно бы контрразведка добралась до истоков его «повышения». Поэтому один из врачей-подпольщиков устроил ему заключение медицинской комиссии, которое фактически освобождало новоявленного высокоблагородие от службы в колчаковской армии. Заключение фиксировало, что полковник потерял на войне зрение на 80 процентов.

Для маскировки Петр Семенович надел шикарное в золоте пенсне. Освободившись таким образом от воинских обязанностей, Парфенов стал выполнять задания подполья. Можно сказать, что он был одним из первых крупных советских разведчиков в стане белых. Высокое звание открывало ему немало нужных дверей. А понятное сочувствие к пострадавшему на войне герою, разносторонняя образованность, самобытный дипломатический такт, находчивость и умение быстро ориентироваться в любой обстановке позволяли ему до поры до времени, правда, оставаться неразоблаченным. Его аналитический ум связывал воедино обрывки различных сведений, получаемых как из информированных кругов, так и от случайных разговорчивых собеседников. Поступавшие от него данные немало помогали подполью.

Парфенов с возможной для того времени скоростью носился по тылам белых, нигде особенно подолгу не задерживаясь. И шли, шли от него разведаемые.

Побывал вновь Петр Семенович и на Дальнем Востоке. Здесь его заданием было создать подпольную военную группу.

Группа заработала. А Парфенов уже выполнял новую задачу. На Алтае как раз воспо разгорелось пламя партизанской войны. Мамонтову и наступающим частям

Красной Армии надо было помочь изнутри колчаковских формирований. Кому же, как не Парфенову, было сделать это с его знанием обстановки и людей на Алтае. Правда, риск был не мал. Все-таки многие его тут знали. Но какой разведчик работает без риска? Да и сам Парфенов, узнав о новом задании, буквально рвался в ставшие ему родными места.

ЗАГОВОР В КАМНЕ

А сейчас слово уже упоминавшемуся в этих заметках подпольщику, потом правдисту П. О. Никишину.

«Однажды, — вспоминает Петр Осипович, — в сентябре 1919 года в село Верхний Алеус (теперь Новосибирской области) в бор, где я скрывался от колчаковцев, приехал знакомый мне подпольщик учитель Лузянин с предложением, которое просто изумило меня.

— Поедем в Камень, — сказал Лузянин. — С тобой хочешь встретиться старший адъютант начальника контрразведки капитан Лебедев. Он ждет тебя сегодня в 12 часов ночи.

— Ты с ума сошел! Ты, должно быть, во хмелю проговорился где-нибудь, — говорю Лузянину, зная наряду с сильными его сторонами непростительную для подпольщика слабость к водке. — Проговорился, вот Лебедев и поймал тебя на удочку, а через тебя решил выудить и еще кое-кого.

— Что ты говоришь? — запальчиво перебивает меня Лузянин. — Я попался на удочку? Лебедев выудит кого-то? Да он же в доску свой человек. Ты сразу почувствуешь это.

Но как ни уверял меня Лузянин в надежности капитана Лебедева, какие, казалось бы, веские доказательства его приверженности Советской власти не представлял, я все же не сдавался, не хотел встречаться с этим офицером контрразведки. Мне казалось, что меня выследили, узнали, что я летом 1918 года бежал из Селиверстова, где был заведующим школой, от ареста и расстрела отрядом атамана Анненкова. Потом был связан с подпольем.

Наконец, закралось подозренье, что выплыли на свет подробности исчезновения из лап колчаковской охранки Павла Кузнецова, кооперативного работника, приговоренного к смерти. Спасая Кузнецова, подполье решилось на такой смелый шаг. Узнав, что командовавший расстрелами офицер накануне проигрался в пух и прах, к нему явился наш товарищ и предложил десять тысяч рублей за спасение Кузнецова. Вдвое больше проигрыша. Офицер, конечно, схватился за наган. Но тут из спальни (дело было дома у карателя) выскочила полуодетая жена офицера и заорала на того:

— Бери, дурак! Жить-то на что будем?

Так что наступившей ночью Кузнецов был вывезен офицером в овраг, где проходили казни, и после выстрелов в воздух опущен «на все четыре». Скрывался он у меня, а потом куда-то его перебро-

сили. (Куда — узнал лишь через десять лет в Оренбурге, где мы встретились, я как собкор «Правды», а он как ревизор Наркомвнешторга). А вдруг Кузнецов — снова в контрразведке?

Нет-нет, в Камень я не поеду!

Тогда Лузянин вынужден был сообщить, что в городе организуется заговор против Колчака, мне предлагается участвовать в нем. Восстание возглавляет Лебедев.

Решаю: едем. Была не была! Если, действительно, заговор, потом сам себе не прощу, что остался в стороне.

...Ближе к полуночи мы уже въезжали в Камень. Весь напрягся... Но нет, нас и не думали задерживать. На заставе беспрепятственно пропустили по паролю, общенному начальнику караула Лузяниным. И вот мы у дома капитана на Саратовской улице. Это огромный флигель в глубине двора. Широко живет контрразведка.

А вот и сам капитан, встретивший меня исключительно радушно.

— Товарищ Никишин, я знаю про вас все, но меня не бойтесь. Я тоже против белых, хотя и служу в самом страшном их учреждении, — сказал он, крепко пожимая мне руку.

Товарищ... За одно это слово в те жуткие времена люди платили жизнью. Каменский учитель Петр Павлович Статирский, завидя приближающийся к школе отряд конников с красными лентами на папах и приняв их за громовских партизан (а это были переодетые белые), только что, выражая охватившую его радость, успел крикнуть «товарищи!», как командир отряда выхватил наган и выстрелом из него убил несчастного Статирского.

Товарищ... Опасения отходили в сторону. Но тут появился еще один офицер — и опять не из последних в городе.

— Поручик Овчинников, старший адъютант начальника гарнизона, — отрекомендовался тот.

Час от часу не легче...

— Тоже свой, — поспешил добавить Лебедев. — В разговоре не стесняйтесь, в этом флигеле в пяти комнатах я живу один.

Оба офицера начали расспрашивать меня о настроениях в деревне. Вновь возникшие подозрения заставили меня отвечать уклончиво, как будто ничего не знаю. А припавший уже к водке (стол был накрыт заранее) Лузянин ободрял меня не лучшим образом:

— Чего вяляешь? Выкладывай все начистоту. Свои же, — аппетитно хрустел он огурцом.

И вдруг в довершение всего открылась дверь из соседней комнаты, и оттуда появился полковник в блестящей форме с аксельбантами.

Все! Ловушка-таки! Я уж было приготовился подороже продать свою жизнь, как полковник, улыбаясь, направился ко мне и, здороваясь, сказал:

— Что насупился, Никишин? Испугался? Не узнал, что ли? Парфенов...

— Петр Семенович! — бросился я к нему, обнимая. — Конечно, не диво, что

не узнал. Почти семь лет прошло, да и форма, черт бы ее побрал.

Ну, опасения теперь все отпали. С Лебедевым, оказывается, было так. Когда Парфенов создавал военную группу во Владивостоке, то, смелый же он человек, не убоился завязать связи даже с тем учреждением, где им могли заинтересоваться каждую минуту. С контрразведкой. И не без успеха. Нашел пути к сердцу недовольного жестокостями режима капитана Николая Ивановича Лебедева. А уезжая на Алтай, сумел организовать перевод Лебедева из владивостокской в каменскую контрразведку.

Камень-на-Оби в те годы был значительным центром, в том числе и стратегическим. А контрразведка — самая сильная и свирепая в губернии. Потому и послали сюда таких опытных людей.

— Здесь, — объяснил Парфенов, — теперь создана военная подпольная группа по подготовке восстания в городе. Цель — облегчить занятие Камня партизанами. Руководитель группы — Лебедев, его заместитель — поручик Овчинников. А тебя, Петр Осипович, мы вызвали вот для чего. Надо обеспечить человек пятьдесят, готовых на все. К моменту, когда будет намечено восстание, представить их в Камень.

Обговорив все детали, мы расстались. Потом, в процессе подготовки к восстанию, встречались еще не раз. В основном в доме подпольщика Ивана Семеновича Савинкова, где квартировал Парфенов. Не желая ненужных встреч, Петр Семенович почти не выходил в город. Однако работу вел большую. Подпольщики, особенно Лебедев, ежедневно давали ему разную информацию о положении в Камне, уезде, во всей Кулунде, которая уже освобождалась от власти белых. Всю эту информацию Парфенов сопоставлял, анализировал, перепечатывал на машинке и известными только ему путями отправлял дальше.

Впрочем, иногда Петр Семенович все-таки появлялся на улицах, чаще — в чьем-то сопровождении. Помнится, однажды эта задача выпала Лебедеву и мне.

Мы шли, ведя негромкий разговор о положении на фронтах. Лебедев и говорит:

— А все ж досадно будет, если Колчак и такие звери, как мой начальник Степаненко, избегут заслуженной ими кары.

— Не избегут, — твердо ответил Петр Семенович. — Народ восстает на всем пути отступления белых. Да и опора Колчака — чехословаки — в какой-то момент изменят ему. Вот посмотрите, что произойдет в недалеком будущем.

Имея большие связи в офицерских кругах, получая обширную информацию, Парфенов, безусловно, располагал данными, позволявшими ему видеть дальше, чем мы, рядовые подпольщики.

Тем временем, нагоняя нас, куда-то спешили две шикарно одетые дамы из беженок, на всю улицу громко тараторя о том же, о положении на фронтах.

— Куда денемся, когда они придут? —

вопросила одна, имея в виду красных, конечно.

— Ну, милочка, зачем преждевременно так волноваться? По-моему, это даже к лучшему, что наши оставили Урал. Верховный правитель, мне кажется, делает это по стратегическим соображениям: вызовет красноков на Сибирскую равнину, окружит их тут и прихлопнет наглухо, — повторила дама утешительные версии белогвардейских газет. — Да и потом чего нам бояться с такими орлами? — показала она на капитана и полковника.

Я не выдержал и громко расхохотался. Николай Иванович больно сжал мне руку. Но «стратегическая» дама поняла все по своему. Видимо, коротко знавшая Лебедева, кокетливо погрозила ему пальчиком:

— Опять, Николай Иванович, анекдот новый рассказали? И, наверное, не дамский, хи-хи?

Меж тем, несмотря на пророчества продажных писаек, с такой охотой повстрявлявшиеся обывателями вроде встреченных нами дамочек, положение колчаковцев осложнялось. Подготовка к восстанию в Камне тоже близилась к концу. Но Петру Семеновичу не удалось продолжить работу в городе. Надо же такому случиться: выходя как-то из глухого переулка на центральную улицу, нос к носу столкнулся с попом из Глубокого, где учительствовал до революции. Тот был ярким контрреволюционером. Зачем ему надо было тащиться в такую даль — кто его знает, но встрече он удивился крайне.

— Вот это новость, — почти пропел поп, видимо, уже зря награду за поимку крупного преступника. — Красный — и вдруг полковник армии Верховного правителя. А мы уж слухами пользовались, что расстреляли вас наши.

Первым порывом Парфенова было пристрелить этого типа. Но ведь день. Народ есть. Нельзя. Свел разговор на то, что де, я — офицер, русский патриот, и вот, мол, служу делу объединения горячо любимой нами матери-Родины.

— Так-так, похвально, — делая вид, что даже обрадован таким поворотом дела, поп, конечно, ни на иоту не поверил «совдеповцу-комиссару». Глаза так и шныряли по округе в поисках патруля. На счастье Петра Семеновича ни одного солдата рядом не оказалось. Кое-как отделавшись от попа, Парфенов счел за лучшее покинуть Камень в тот же день и уехать в Барнаул. И, как впоследствии оказалось, не зря. Полковник Степаненко вышел с помощью доносчика попа на след Парфенова...»

На этом рассказ П. О. Никишина о последнем периоде работы Парфенова на Алтае закончился. О последующих событиях в Барнауле — освобождении Петром Семеновичем военных подпольщиков и отъезде его из губернии уже говорилось выше. Остается только добавить о судьбе восстания в Камне, коли о нем так много говорилось, да и значение его подготовка имела немалое для расшатывания устоев колчаковщины в городе и уезде.

Заговор был близок к осуществлению. Чтобы добавить ему сил, Лебедев связался с местной «самоохраной». Но здесь нашелся провокатор, сын купца Чистякова. Он доложил о том, что знал, начальнику контрразведки. Степаненко взлютосал. Тут же схватил двух подозреваемых Чистяковым «самоохранников». Зверски пытал их самолично, но те упорно все отрицали. Ничего от них не добившись, полковник расстрелял их во дворе контрразведки и, не теряя времени, начал новые аресты. И где-то ниточка потянулась к Лебедеву. Тот это почувствовал. К восстанию было готово еще не все, надо было уходить.

Вместе с Овчинниковым запрягли пару лошадей в просторную кошеву, сложили туда накопленное Николаем Ивановичем оружие. Решили, пользуясь своими офицерскими званиями, разоружить охрану тюрьмы и освободить заключенных, чтобы с ними вместе двинуться к партизанам. Но тут друзей перехватил один из их товарищей.

— Только что Степаненко узнал о вашей роли. Отдан приказ на все заставы задержать вас. Немедленно скрывайтесь!

Дальше все пошло с быстротой современной приключенческой киноленты, только все это было на самом деле.

По дороге повстречался конный милиционер. Чтобы он не стал невольным освещителем, его спешили, коня привязали сзади к кошеве. Милиционер только глазами хлопал, ничего не понимая, да ткнулся перед сердитым начальством.

Так надо же — Степаненко вскоре случайно наткнулся на ошарашенного всяку. Тот указал:

— На ярковскую дорогу двинули их благородия.

Застава попыталась задержать офицеров. Но Лебедев выхватил бомбу:

— Бросай оружие, на воздух подниму! И кинул бомбу вдаль. Та взорвалась с оглушительным грохотом.

— В караулку, марш!

Перелуганные колчаковцы, кидая винтовки, бросились в домишко. Лебедев подпер дверь.

А погоня уже гикала вдали. Впереди неся Степаненко. Подпольщики ударили по коням. Отстреливались. Кого-то свалили. Били и по ним. Не попадали, к счастью.

Несколько километров бешеной гонки с непрерывной стрельбой. Тогда только погоня отстала, убоясь, видимо, партизанской засады.

Впоследствии Николай Иванович был первым советским комендантом Барнаула. После демобилизации работал снова на Дальнем Востоке в управлении пароходства.

Но вернемся к П. С. Парфенову.

КОМАНДАРМ-1, ДИПЛОМАТ

В Новониколаевске, куда прибыл поезд из Барнаула, поп с осанистой бородой исчез. И вновь Парфенов — в обличье колчаковского полковника. Понимая, что в Си-

бири его могут искать, Петр Семенович возвращается на Дальний Восток.

Сложная тогда здесь была обстановка. Колчак пленен и казнен. В результате деятельности дальневосточной парторганизации партизанская война приняла всенародный характер, численность партизанских отрядов в Забайкалье и на Дальнем Востоке составила свыше 50 тысяч бойцов. В конце января 1920 года они овладели Владивостоком. Но остался забайкальский атаман Семенов с 35 тысячами головорезов. Осталась, хотя и сильно потрепанная, колчаковская «всероссийская» армия во главе с генералами Каппелем, Войцеховским и другими. Оставались интервенты.

Парфенов с ходу окупился в боевые действия. Видимо, еще не «остыв» от воспоминаний о Барнауле, он почти таким же образом освободил на станции Манчжурия приговоренного бароном Унгерном к расстрелу видного впоследствии партийного работника К. Ф. Пшеницына.

В 1920 году по решению дальневосточной партийной организации началось объединение частей Красной Армии и партизанских отрядов под единым командованием. Главнокомандующим вооруженными силами Дальнего Востока Далькрайком назначил Сергея Лазо. Лазо давно знал Парфенова, они дружили. Парфенов был утвержден командующим одной из армий, но вскоре его перевели на политработу. Он был начальником политотдела Приморской армии. Кстати, здесь ему пришлось встретиться с одним любопытным «земляком» с Алтая.

...Некий Алексей Пуцятю, низкого ранга работник из политотдела, подал заявление в партию. И что выяснилось...

Когда белые захватили Алтай, через некоторое время здесь объявился его высокочество Алексей, наследник самодержца Всероссийского. Чудом вроде бы спасшийся от расстрела царской семьи.

Местные власти срочно телеграфировали в столицу белого государства Омск о чудесном спасении цесаревича. И тот специальным поездом триумфально двинулся по Сибири. Всюду его встречали с иконами и колокольным звоном. Торжественная встреча произошла и в Омске. Однако хотя он как две капли воды походил на Романова, контрразведка вскоре докопалась, что это был Алексей-то Алексей, но Пуцятю. Авантюриста посадили в тюрьму, содержали, правда, в комфорте, а при отступлении вывезли из Омска. Так он пспал на Дальний Восток и даже пробрался в политотдел...

Когда была создана Дальневосточная республика, Петр Семенович возглавлял различные ее мирные делегации, снискав ненависть белогвардейцев и оккупантов. Много времени пришлось Парфенову затратить на переговоры с начальником академии Генерального штаба генералом Андогским. Академия в свое время была эвакуирована из Петрограда в Екатеринбург, а при захвате его белыми перешла на службу к ним. Андогский решительно сопротивлялся предложению правительства ДВР эвакуировать академию с ее

личным составом и двумя эшелонами ценнейшего имущества в Москву. Все это могло попасть и к Семенову, и к японцам. Однако Парфенов сумел добиться своего.

Возглавляя делегации, Парфенов подвергался большим опасностям. Японцы дважды пытались заманить его в ловушку и арестовать. Дважды парламент ДВР — народное собрание — заявлял по этому поводу протест японскому командованию.

Накаляли страсти белогвардейские газеты. «Надо иметь совершенно очерствевшее сердце и обладать исключительным нахальством и цинизмом, чтобы поступать так, как это делает Парфеновская «мирная делегация», — писалось в одной из газет по поводу переговоров с генералом Вержбицким о судьбе белой армии, которую нельзя было пропускать на восток. «Целую неделю делегация морочила голову представителям каппелевцев, — писала другая газета, — целую неделю водила их «вокруг да около», но так как они на предательство пойти не захотели, вчера Парфенов заявил им, что его комиссия выезжает для «непосредственных разговоров с массой...» Самоуверенность беспримерная! Однако, надо думать, что массы будут менее терпеливы и покажут Парфенову, что бывает конец всякому издевательству». Это уже прямое науськивание белых на расправу с делегацией. Но она бесстрашно делала свое дело и спасла для Родины немало обманутых колчаковцами людей.

А 18 декабря 1920 года владивостокская газета «Вечер» написала про делегацию даже так, что она «направляется не только для разложения каппелевцев, но и гродековских частей» (Гродеково было центром семеновского царства). И в ответ на это через диспетчерскую часть управления Уссурийской железной дороги была направлена записка начальника семеновской контрразведки: «Передайте архимундштату Парфенову, что по распоряжению начальника военного района он будет повешен при первом же проезде через Гродеково. Фонарный столб уже приготовлен».

А Парфенов проехал через Гродеково, сопровождаемый немислимым гаком, бранью, булыжниками по окнам вагонов. И делал свою работу, разлагал белогвардейские части. В закончившийся на Тихом океане поход он внес свой немалый вклад.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСПЛАНА РСФСР

Завершилась гражданская война. И вновь партия направляет Петра Семеновича на ответственные участки. Он становится редактором журналов «Советский путь», «Коллективист», членом редколлегии «Крестьянской газеты». Почему вдруг журналистская деятельность? В общем-то не вдруг. Много повидавший, переполненный впечатлениями, много знающий Петр Семенович давно уже занимался писательским трудом. Писал и стихи, о чем речь пойдет ниже. Кстати, в последнем издании «Краткой литературной энциклопе-

дии» его даже именуют только русским советским поэтом. Но его перу принадлежат блестящие образцы мемуарной литературы о гражданской войне, часть которых, кстати, не грех бы, наверное, и переиздать. В 1925 году он выпустил книгу «Гражданская война в Сибири. 1918—1920». В 1927 году — «На соглашательских фронтах». В 1931 году — «Борьба за Дальний Восток. 1920—1922» и другие.

Литературные опыты Парфенова высоко оценивались А. М. Горьким и А. С. Новиковым-Прибоем. Да и многими другими писателями. Недаром они поручали Парфенову возглавить их Московское товарищество.

Наряду с литературной деятельностью Петр Семенович выполняет и ответственную партийную и хозяйственную работу. В 1925—1926 годах он — инструктор ЦК ВКП(б) по Сибири и Дальнему Востоку. В 1927—1929 годах — заместитель председателя Госплана РСФСР и его председатель.

Особую страницу в биографии Петра Семеновича занимает всемирно-известный партизанский гимн. Интересна и его история. Но здесь предоставим слово самому Парфенову. В свое время он написал «Историю песни «По долинам, по загорьям». По ряду причин рукопись оставалась неопубликованной и хранилась у вдовы Петра Семеновича Антонины Алексеевны. Однако имеется и отзыв о ней известного в те годы критика Н. И. Замошкина, датированный 14 августа 1935 года. В нем, в частности, говорится: «Повесть о партизанской песне П. Парфенова драгоценна со стороны неподдельности настроения и естественности изложения. Это — документ, запечатленный одним дыханием, снимок с жизни, предоставляющий несомненный общественный интерес...»

Публикуем отрывки из рукописи Петра Семеновича. Итак...

ИСТОРИЯ ПЕСНИ «ПО ДОЛИНАМ, ПО ЗАГОРЬЯМ»

Как помнит читатель, незадолго до начала первой мировой войны Петр Семенович жил на Сучане. Вот что он пишет: «В компании с Ананием Помакановым и Артамоном Лашко хожу на сенокос, на рыбную ловлю, смотрю зарю и слушаю цикад. Вместе с тем я влюблен в дочь местного крестьянина Верочку Смага, но сказать ей об этом стесняюсь, ибо она — гимназистка, а я — малограмотный рабочий, хотя и пишу стихи. Так и уезжаю, не объяснившись».

Но сердцу не прикажешь. Из Владивостока, на другой же день по возвращении, посылаю по ее адресу только что написанное и ей посвященное стихотворение «На Сучане», грамматическую сторону которого, по моей просьбе, исправил и проверил верный друг Лаврентий Иванович Морозов — любитель русского языка и лирики:

По долинам, по загорьям
Целый месяц я бродил.

Был на реках и на взморье,
Не жалея юных сил.

Хороши наши просторы,
Как леса, так и луга,
Распластались узором
Заливные берега.

Но на сердце гнет и скука,
Нет желаний и надежд.
Ох, какая ж это мука —
Быть всегда среди невежд.

Быть отщепенцем России,
Ненавидеть Божий мир
И в тоскующем бессильи
Создавать себе кумир...

Стихотворение «На Сучане» Верочке Смага не понравилось лишь потому, что автором был я — бездомный человек и к тому же — определенно курносый, а Верочка тогда мечтала об ином».

Потом был Иркутск. Военное училище. «В Иркутске каждодневно изучая шагистуку под барабан, под духовой оркестр и под сухую команду, я неожиданно для себя обнаружил, что мое стихотворение «На Сучане» тоже отлично помогает «давать ногу», особенно, когда идешь широким мощным строем, целой войсковой частью. Исполняя текст про себя и вслух, не раз и не два убедившись в его сильной напевности, я через некоторое время сговорил группу товарищей спеть «На Сучане» хором, в строю, но слова не понравились ротному командиру («Слишком много пессимизма»), и дальше репетиции у нас дело не пошло, хотя ритм песни был признан всеми весьма музыкальным».

Потом Парфенова исключили из училища.

«Таким образом я вновь оказался во Владивостоке и написал здесь для новогоднего номера газеты «Текущий день» стихотворение «Старый год», заимствуя для него мелодию сучанской песни.

Старый год, год испытаний,
Страданий год страны моей,
Уйди скорей ты в мир преданий
Со всей жестокостью своей.

А ты жесток, хотя и славы
России уж немало дал,
Но сколько жертв за эти лавры,
Ужасных жертв за год ты взял.

Ты взял отцов, детей любимых,
У тысяч жен отнял мужей,
Ты взял кормильцев у единых,
Ты взял товарищей, друзей.

Ты мать несчастную оставил
Без мужа и без сыновей,
И многих ты страдать заставлял
Всю жизнь. Уйди, уйди ж скорей.

Ты славы дал — неоспоримо,
Ты разбудил от спячки нас.
Ты отрезвил нам жизнь и живо,
Но слишком много взял ты с нас.

Ты много дал стране героев,
И враг теперь боится нас.

Но все ж уйди и гниль устоев
Ты навсегда возьми от нас.

Пусть новый год тебя заменит.
О, от него мы много ждем.
Ты надломил, он все изменит,
И мы без горя заживем...

Газета «Текущий день» издавалась старым социал-демократом В. Мисюром. Хотя она старалась быть умеренной, ей приходилось часто платить денежные штрафы и менять свои названия. Мое стихотворение содержало в себе, наряду с безобидными куплетами, определенно сакрентальную фразу «гниль устоев», и В. Мисюра, опытный газетчик, в последнюю минуту решил «спасти автора» от неминуемой опасности, а поэтому заменил в подписи «Петр Парфенов» три средних буквы, отчего получилось «Петр Паромов». Об его высокой политике я ничего не знал, и ранним утром, купивши десять экземпляров газеты, чтобы лично отнести их знакомым, почти расслакался от огорчения, когда увидел под своим стихотворением чужую фамилию. Новогодние праздники никогда еще не казались мне столь долгими, как в том году. Но когда на четвертый день пришел я в редакцию за объяснением: «Как же так у вас получилось, милостивый государь?» — у входа встретил меня взхрастый хроникер и шепотом предупредил: «Уходи, уходи скорей, делают обыск, переписывают сотрудников...» За свой новогодний номер «по совокупности» газета была оштрафована на целых триста рублей, что для ее тощего бюджета было весьма накладисто, и вскоре прекратила свое существование.

На автора «Старого года» полиция завела «дело» и обязала Мисюру особой подпиской содействовать его розыску. Однако В. Мисюра, наоборот, предостерег меня от готовящейся неприятности, и я должен был благодарить его за невольный псевдоним».

Война. Бои. Вторая Московская школа прапорщиков, здесь Парфенов опять пел свой «Старый год» во взводной строю. Высылка из Москвы в запасной полк.

«В Наровчате, а затем в Боброве (куда меня перевели вместе с полком) я много раз выступал со стихами на вечеринках, в самодельных концертах, на гимназических праздниках. К моей «сучанской мелодии» местные пианистки М. Н. Абрамова, А. В. Ильинская, Н. Л. Булгакова всегда легко находили музыку.

Стихи писал я часто, и среди них были хорошие. За стихотворение «Не все то золото, что блестит», посланное мною в газету «Русское слово» без разрешения командира полка в ноябре 1916 года, сидел неделю на гарнизонной гауптвахте. После этого уж больше не делал попыток печататься, и мой «Старый год» остался единственным, увидевшим типографскую краску дореволюционной прессы».

Когда Парфенов вернулся на Алтай, он продолжал писать стихи и печатать их в местной газете «Голос труда». Потом — белый мятеж. Расстрел. Больница. Посещение Петра Семеновича Мамонтовым.

«По его просьбе я должен был написать прокламацию к населению и войскам с объявлением крестьянской партизанской войны всей колчаковщине, но такая прокламация мне по разным причинам не удалась, и тогда я написал новую песню «Наше знамя» и использовал для нее свою сучанскую мелодию:

Мы, землеробы, будем вольно
В родной Сибири нашей жить
И не дадим свое приволье
Ни отменить, ни изменить.

Сюда мы шли все бедняками,
Здесь долго жили в батраках,
И лишь с сухими мозолями
Жить стали в собственных домах.

Ни фабрикантам, ни дворянам
Не гнули мы своей спины,
И никому не отдадим мы
Своих трудов, своей земли.

Колчак в поход на нас собрался
С оравой чехов и румын,
Но очень скоро он нарвался
На щит из тысячи дубин.

Колчак теперь зовет японцев
Нас на лопатки положить,
Но тоже им под нашим солнцем
Придется скоро отступить.

Мы, партизаны, будем вольно
В родной Сибири нашей жить,
Мы не дадим свое приволье
Ни отменить, ни заменить.

Эту песню я посвятил Ефиму Мамонтову, и текст ее был одобрен писателем А. С. Новиковым-Прибоем, который жил тогда в Барнауле и принимал активное участие в организации крестьянского восстания против колчаковщины. «Наше знамя», первоначально отпечатанное нелегально с подписью «Петр Алтайский» на простом полковом шопераграфе прапорщиком Савиновым (б. учитель) и распространяемое по эшелонам стрелочником станции Барнаул Сергеем Платоновичем Кузьминым, вскоре получило широкую известность как среди мобилизованных Колчаком солдат, так и в боевых мамонтовских отрядах и даже проникло в отдаленную от Алтая могучую енисейскую партизанскую армию Василия Яковенко. Многие сложили из-за него свои головы, захваченные колчаковской охранкой на месте преступления, достаточно вспомнить при этом хотя бы так называемый «судебный процесс» над солдатами 3-го Барнаульского кадрового полка или «дело» известного капитана Коншина, расстрелянного в прямой связи с обнаруженной у него моей песней».

1920 год. Парфенов — вновь на Дальнем Востоке.

«...Я с освобождением Владивостока от колчаковских властей выступил на торжественном заседании в Народном доме с приветствием от алтайских партизан и в конце своей речи спел «Наше знамя», мелодия и текст которой оказались очень

многим из присутствующих хорошо знакомыми. Поэтому при поддержке всей аудитории моя песня была дважды пропета с исключительно сильным, созвучным и неповторимым исполнением тысячей красноармейских, партизанских и рабочих голосов.

На другой же день меня пригласил к себе редактор областной партизанской газеты «Красное знамя» П. В. Уткин и, ознакомившись внимательно с текстом песни, предложил в срочном порядке, не уходя из редакции, переделать ее для печати.

— Понимаешь, все в ней хорошо: и размер, и ритм, и содержание. Но собственные дома нужно обязательно заменить стремлением крестьянства к коллективизации, а на место Колчака, которого уже чикнули в Иркутске, непременно поставить атамана Семенова или хотя бы его сподручного барона Унгерна, чтобы каждый видел, кого нам предстоит добивать, — сказал Уткин, поглаживая сверху вниз свою густую черную бороду. — Да и насчет фабрикантов с дворянами как-то звучит не злободневно. Чехов с румынами тоже следует сократить; они теперь не актуальны, — добавил он минуту спустя, подчеркивая соответствующие строчки текста большим красным карандашом.

Но стихи есть стихи. Переделать их на ходу, как хотелось Уткину, удастся не каждому, и расстались мы с тем, что я учту его предложения и сделаю в песне желательные изменения в самый короткий срок.

Через несколько дней вопрос о песне возник на заседании военного совета. Степан Кокушкин, политический уполномоченный (так именовали у нас, по соображениям внешней политики, войсковых комиссаров) при начальнике Никольск-Уссурийского гарнизона, делая доклад о политико-моральном состоянии вверенных ему войсковых частей, начал красочно жаловаться на отсутствие хороших революционных песен:

— Полтора месяца стоим мы у власти, а красноармейцы наши распевают колчаковскую «канарейку». И мы ничего не можем предложить им взамен. Ведь это позор, товарищи!

— Правильно, — соглашается с ним Сергей Лазо.

— Вон у Парфенова есть хорошая партизанская песня, но он не желает, чтобы ее пели красноармейцы, — язвит по моему адресу К. Г. Войновский, начальник политического отдела.

В длинную резолюцию по докладу Кокушкина Михаил Линдберг, заместитель председателя военного совета, непременно хочет включить пункт о том, чтобы обязать меня в порядке военной дисциплины в трехдневный срок представить в политический отдел текст красноармейского гимна. Его поддерживают Войновский, А. А. Краковецкий, Б. Н. Мельников (член секретариата военного совета), Сакович и Луцкий (член военного совета).

— Хорошую песню по приказу создать нельзя, — протестую я. — Для этого нужны совсем другие струны. Если вы будете

меня обязывать, я не сочиню вам даже плохую... Но, учитывая общее желание и крайнюю потребность в революционном гимне, попробую таковой написать. Конечно, без всяких твердых дат и сроков...

Сергей Лазо меня полностью поддерживает. Линдберг свое предложение снимает.

— Не забудь все же отметить, товарищ поэт, как мы семь дней и шесть ночей дрались с объединенными силами японцев, американцев, англичан, чехословаков и белогвардейцев под Спасском в июле 1918 года, — говорит Сакович.

Я благодарю его за материал и тут же заново сообщенный мне факт в свою записную книжку.

Дни эти (март 1920 г.) совпали с большими победами, которые праздновал весь советский Дальний Восток. Уходили итальянские, румынские, американские и чехословацкие интервенты, японцы ушли из Амурской области, публично обещали убраться из Забайкалья и Приморья, а, кроме того, партизаны Нижнего Амура нанесли им сильное поражение в Николаевске-на-Амуре и сбили с них самурайскую спесь непобедимости. Очень дружно прошла краевая партийная конференция, и на 15 апреля созывался краевой съезд в Хабаровске, куда к этому времени должны были переехать из Владивостока организуемые из военного совета Революционный военный совет и Главное командование Красной Армии. Казалось, что близок конец разрушительной гражданской войны, атаманам и капиталистам не оставалось больше никакого убежища, кроме отрезанной с трех сторон семеновской Читы, из которой они разбежались, как крысы с тонущего корабля. Все эти важные события, особенно же разгром партизанами Нижнего Амура японских оккупантов, создавали у меня бодрое поэтическое настроение. Оставалось только его реализовать.

Занимал я тогда большую должность политического уполномоченного при командующем Красной Армией Приморской области и начальника политотдела его штаба. Поэтому очень редко располагал свободным временем, но зато имел две квартиры: одну, официальную, в гостинице «Золотой Рог» — в центре города, а другую, личную — на Комаровской улице.

Воспользовавшись ближайшим воскресным днем, когда оперативной работы было меньше, я забрался на свою комаровскую гору, нашел здесь свою тетрадь со стихами и, заимствуя из нее мелодию, тему, форму и значительную часть текста, написал за один вечер, неоднократно перерабатывая, новую песню, которой дал название «Партизанский гимн»:

По долинам, по загорьям
Шли дивизии вперед,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот.

Чтобы выгнать интервентов
За рубеж родной страны
И не гнуть пред их агентом
Трудовой своей спины.

Становились под знамена,
Создавали ратный стан
Удалые эскадроны
Приамурских партизан.

Этих дней не смолкнет слава,
Не забудут никогда,
Как лихая наша лава
Занимала города.

Сохранятся, точно в сказке,
Вековые, будто пни,
Штурмовые ночи Спасска,
Николаевские дни.

Как мы гнали атаманов,
Как громили мы господ
и на Тихом океане
Свой закончили поход.

Первым, кому прочитал я свое произведение, был Э. В. Ильинский, судейский работник, у которого снимал я комнату. Но он из всех русских поэтов признавал только Надсона и любил в стихах прежде всего душещипательную интимную лирику. Мой «Партизанский гимн» ему определенно не понравился. Затем, уже на другой день утром, я познакомил с песней своего секретаря В. А. Исаева и начальника строевого отдела Гнилорыбова, которые просмотрели ее главным образом с точки зрения войсковой шагистики и с этой стороны изъянов в ней не нашли.

Но командующий Красной Армией Краковецкий забраковал текст и в целом, и по частям.

— Партизанскую песню, когда у нас и без того столько неприятностей с партизанщиной, я рекомендовать армии не могу: ей нужен гимн, организующий, красноармейский. Кроме того, воспевать «лихую славу», «вековые пни», «николаевские дни», по-моему, нельзя даже и в партизанских стихах, — высказал он свое мнение.

Пока мы спорили весьма и весьма горячо, в кабинет командующего пришел Б. Н. Мельников, взглянул на листок с текстом и спрятал его в карман своей кожаной куртки.

— Вечером зайдешь ко мне — поговорим о поэзии, теперь же давайте заслушаем очередные сводки, — буркнул он под нос, затягиваясь махорочным дымом.

Однако вечером я увидел сначала К. А. Харнского, который, владея японским языком, заведовал у нас информацией и вместе с тем активно сотрудничал в газете «Дальневосточное обозрение». Рассказал ему коротко о своих разногласиях с командующим, ибо за прошедший день должен был признать, что он во многом прав, и в раскритикованные им куплеты сам внес изменения:

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда.
Партизанские отряды
Занимали города.

Будут помниться, как в сказке,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Николаевские дни.

— Должен тебя огорчить, — мягко сказал Харнский, — но я целиком и полностью согласен с Краковецким — из-за николаевских событий поднимается такая буря, что я даже и представить сейчас не могу, как мы из нее выкарабкаемся. Мацудайра вызван в Токио. Танака объявил триапицинский отряд бандитским и требует от нас его разоружения и выдачи им главварей. Он запретил офицерам отлучку из казарм и готовит нам какой-то ультиматум.

И Мельников, и Луцкий, и Войновский, и сам Лазо, одобряя исправленный текст, потребовали от меня обязательно вычеркнуть из него «николаевские дни».

Но вычеркнуть эту фразу из песни оказалось не так просто: то размер был иной, то рифма фальшиво звучала...

А тем временем (4—5 апреля 1920 г.) японские империалисты, предварительно заключив с нашим командованием «миролюбивое соглашение» и этим усыпив бдительность, выступили сразу во всех пунктах Приморской области, где имелись наши гарнизоны, захватили и зверски сожгли в паровозной топке лучших наших командиров (Лазо, Луцкого, Сибирцева, Андреева, Мигунова и многих других), разгромили наши учреждения, склады и казармы. По их требованию реорганизованное краевое правительство (с участием четырех представителей от кадетской партии) было вынуждено заключить с победителями уничижительный «договор о дружбе», распустить революционный военный совет, превратить Красную Армию в «народную» и отвести ее за тридцать километров от железной дороги.

Когда же и такое правительство показало японской военщине слишком левым, ибо иногда корябало их слух резолюциями о сроках интервенции, взамен его были посажены братья Меркуловы с генералом Дитерихсом, и советский Дальний Восток почти на три года был опять отрезан от родных центров, вновь обильно лилась рабочая и крестьянская кровь.

Мой «Партизанский гимн» стал нелегальным произведением. Я все же выступал с ним иногда частным образом: на вечере сотрудников «Закупсыта», на квартирах у друзей, а осенью 1920 года выступил публично на собрании крестьян и учителей в селе Романовка на Сучане (собрание организовал И. Петренко) и с занятием Читы — на выпускном вечере подпольной партийной школы во Владивостоке. Всюду оставляя я отпечатанные на пишущей машинке листки с текстом песни, которая в свою очередь переписывалась, проникала в рабочую среду, в партизанские отряды, в казармы белых и делала там свое революционное дело.

С 10 по 12 февраля 1922 года произошли решающие бои у станции Волочаевка. Я работал тогда в Китае начальником военно-технической миссии ДВР и узнал об этих боях с двойной радостью: в результате волочаевского поражения белые оставили Хабаровск, и я, наконец, смог заменить злосчастные «николаевские дни» более счастливыми. Одновременно с этим

я исправил в песне «дней» на «лет», реконструировал «мы», соответственно расширил посвящение и вновь начал предлагать ее газетам «Дальневосточный путь», «Шанхайская жизнь», «Вперед», «Новости жизни» и др., а чтобы угодить некоторым редакторам (в особенности, Асарину из «Вперед»), даже «приамурских партизан» заменил словами «из рабочих и крестьян», учитывая сделанное мне замечание, что сражается с белыми теперь главным образом регулярная Народно-революционная армия, а генерал Пепеляев свою белогвардейскую армию называет «партизанской приамурской».

Но до моего отъезда с Дальнего Востока в марте 1922 года «Партизанский гимн» так и не был напечатан по тем соображениям, что «поход на Тихом океане» еще не закончен. Не повезло ему и три месяца спустя, в Москве, у редактора журнала «Молодая гвардия» Вардина, который сказал мне: «Партизанщину мы ликвидируем, а не воспеваем», хотя песню рекомендовал старейший большевик П. Н. Лепешинский. Напечатана она была гораздо позже, уже без участия автора и в первоначальном тексте, который оказался наиболее близким для широких народных масс:

ПАРТИЗАНСКИЙ ГИМН

*Посвящается светлой памяти
Сергея Лазо, сожженного
японо-белогвардейцами в паровозной
топке*

По долинам, по загорьям
Шли дивизии вперед,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот.

Чтобы выгнать интервентов
За рубеж родной страны
И не гнуть пред их агентам
Трудовой своей спины.

Становились под знамена,
Создавали ратный стан
Удалые эскадроны
Приамурских партизан.

Этих лет не смолкнет слава,
Не померкнет никогда.
Партизанские отряды
Занимали города.

Будут помниться, как в сказке,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Разгромили атаманов,
Разогнали всех господ
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

Такова краткая история песни приамурских партизан».

Впрочем, это история создания песни. А история самой песни продолжалась.

«По долинам и по загорьям», как стали

называть эту песню, получила широкую известность не только на Дальнем Востоке, но и во многих других краях. В то время она еще нигде не была напечатана и бытовала лишь как народная песня. Так продолжалось до 1929 года, когда «Партизанскую» включили в программу недавно созданного Ансамбля песни и пляски Красной Армии в музыкальной обработке его руководителя А. В. Александрова, который записал ее с голоса от военнослужащего Атурова. Текст давался в редакции поэта С. Алымова. После этого песня стала уже повсеместно известной, получила подлинно мировую славу.

«По долинам и по взгорьям» распевали бойцы Интернациональной бригады республиканской Испании в 1936—1939 годах, югославские партизаны и бойцы итальянского сопротивления в годы второй мировой войны; по свидетельству Юлиуса Фучика, ее пели заключенные в гестаповской тюрьме в Панкраце. Так «По долинам и по взгорьям» стала как бы боевым паролем борцов сопротивления во многих странах.

Во время Великой Отечественной войны песня дальневосточных партизан звала к победам над фашистами, с ней связаны многие боевые эпизоды, славные ратные дела советских воинов. В романе «Молодая гвардия» А. Фадеев рассказал о том, как эту песню — назло фашистам — пели юные герои Краснодона.

Не забыта «Партизанская» скульпторами и архитекторами.

В центре Комсомольской площади Хабаровска, недалеко от берега Амура, в 1956 году в честь годовщины освобождения Сибири и Дальнего Востока от бело-

гвардейцев и интервентов установлен памятник, посвященный героям гражданской войны. Он символизирует три революционные силы, установившие Советскую власть на Дальнем Востоке: в центре — фигура политкомиссара, по бокам — красноармейца и партизана. На постаменте бронзой выгравированы слова из знаменитой партизанской песни:

И останутся, как сказка,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Увековечена «Партизанская» и в другом городе русской воинской славы — Владивостоке. Здесь, на Центральной площади, тоже воздвигнут величественный монумент героям гражданской войны на Дальнем Востоке, борцам за установление Советской власти в Приморье.

В общем, популярность песни была столь велика, что забылся и ее автор, песня считалась народной. Хотя и слова и мелодия принадлежали одному всесторонне одаренному человеку — П. С. Парфенову. Правда, после обработки текста поэтом С. Алымовым какое-то время песня приписывалась ему, хотя еще в № 21 за 1934 год журнал «Красноармеец — Краснофлотец» доказал авторство Петра Семеновича. Однако прошло еще много лет, пока Верховный суд РСФСР не поставил точку над *i*. Учитывая огромный политический и исторический потенциал песни и огромный к ней общественный интерес, Верховный суд республики в 1962 году подтвердил авторство Парфенова.

Геннадий ВОЛОДИН

РАССКАЗЫ О ГРИБАХ

ГРИБЫ И ПОДСНЕЖНИКИ

На Быстрянский кордон я приехал в конце апреля. В густолесье и оврагах еще лежал крупитчатый снег, из-под которого просачивались веселые ручьи. Они звенели и, вбирая другие ручейки, полнели, ширились, торолясь к речке, чтобы помочь ей раздвигать пойму.

Ночами было прохладно. Нетекучие водоемы покрывались ледком. Зато на лесных полянах, вырубках и межквартальных широких просеках, да у дорожных прогалов жизнь была ключом. Здесь с зари и до позднего вечера столбились комарики-толкунцы, прилетали к цветущим кустам ивы пчелы, осы, басовитые шмели и похожие на них пестрые мухи-журчалки. Иногда появлялись крупные желто-черно-синие бабочки с удлинненными крыльями, которых зовут махаонами. Они торжественно и как-то по-хозяйски облетали поляны, вырубки, просеки и прогалы, словно хотели убедиться, а не обманулись ли в том, что пришла весна.

Кое-где, на обогретых солнцем чистинах, голубели пролески и от малейшего ветерка покачивались на своих длинных, слегка опущенных ножках подснежники и желтовато-белые прострелы. Словно малюсенькие солнца вспыхивали стародубки.

На муравьиных кочках всюду шла оживленная работа: красные трудолюбцы приводили в порядок свои жилища, которые за время их долгого зимнего отдыха осели, уплотнились и кое-где порушились. Птицы, уже успевшие спариться, таскали соломинки и пушинки в облюбованные для гнезд места. Они торопились, озабоченные продолжением рода.

Дядя Миша сидел на высоком крыльце в своей извечной черной косоворотке и отбивал литовку, хотя до сенокоса было далеко. Завидев меня, он разулыбался и застлал:

— Вот спасибо, обрадовал! Вот спасибо! Не забыл старика. У нас тут весело теперь — весна. Да ты проходи, проходи. Настя! — полуобернувшись, крикнул в темный проем раскрытой двери в сени. — Гость у нас. Сообрази там что-нибудь на стол.

Он как-то неуклюже суетился, словно к нему пожаловал ближайший родственник. Это не шло леснику при его крупной фигуре и спокойно-добродушном характере.

Утром, едва я успел проснуться, лесник предложил:

— Давай после завтрака по грибы сходим.

Я посмотрел на него, как на чудака, и засмеялся. Мне показалось, что лесник просто шутит надо мной: разве могут быть грибы в апреле, когда и цветы еще по ночам прихватывает морозцем? Но он смотрел на меня серьезно. Да и тетка Настасья, которая, как я заметил, старалась одернуть при неудачных шутках дядю Мишу, ничего не сказала осудительного в его адрес. Только промолвила:

— От непоседа. Человеку-то, может, и не нужны твои грибы.

После завтрака дядя Миша заторопил меня, хотя к его затее я относился с нескрываемым подозрением. А он принес из чулана большое плетенное из ивовых прутьев лукошко, снял со стены ружье и закинул его за спину.

У полноводного ручья цвела ива. При легчайшем ветерке над кустами поднимались золотые пыльцевые облака, распространяя окрест медовый запах. Пели птицы на разные лады о своих весенних радостях. В небе улыбалось апрельское солнце, и мне казалось, что оно подсмеивалось над нами и как бы хотело сказать: «Чудаки, какие вам грибы, когда и трава-то едва начала пробиваться. Сидели бы дома...»

Возле невысокой песчаной гривы, уходящей куда-то в зелено-голубоватую глыбину леса, дядя Миша остановился.

— Отсюда и начнем. Под кустами смотреть надо и у берез. Под сосны да пихты можно не заглядывать. Весенние грибы с хвойными деревьями не в дружбе. Им лиственные ближе. Надо искать в тех местах, где заветерье.

— Да какие они хотя бы эти грибы-то? — не выдержал я. — Не белые же и не грузди. Подземные зимние трюфели, как я знаю, у нас никогда не росли и не растут. А всем другим рано еще вроде бы.

— Много ты знаешь, — добродушно улынулся лесник, — еще к грибникам себя причисляешь. Сморчками грибы эти называются. Не все за ними ходят, правда. Да вот же один стоит!

Дядя Миша срезал гриб и протянул мне. Я стал рассматривать его и ничего необычного в сморчке не нашел. Гриб как гриб. Коричнево-бурая шляпка его тяну-

лась вверх конусом, а ножка была полой, как у волнушки. Единственное, что выделяло сморчок из грибов, которые знал я раньше, была шляпка. По ней художником-природой проведены продольные и поперечные темные линии, образующие ячейки. Она походила на модную шляпку, на которую накинута черная вуальная сетка. Сморчок был не очень большим.

— Встречал такие? — спросил лесник, когда я положил гриб в корзину.

— Не помню. Может, и встречал. Но не брал никогда. За поганки принимал.

Дядя Миша укоризненно покачал головой.

— Этот — лилипут по сравнению с другим своим собратом. Тот по науке сморчком высоким называется. Но сейчас мы не найдем его. Он только в июне начнет появляться. Верить ли, до 30 сантиметров ростом бывает. И вес, дай боже. Срежешь несколько таких, и полная корзина. Коли будет охота приехать летом, покажу такие грибы. Они завсегда на старых гарях растут.

— И другие грибы гари любят, — вставил я с видом знатока.

— А знаешь, почему? Земля после пожара чистой становится, почва от огня стерилизуется. В ней тогда много золы, богатой азотом. А это и нужно грибам. Да и всяких паразитов на гари меньше бывает. Только лучше бы не случались лесные пожары. Ко мне часто один профессор приезжает. Миколог он. Чуть ли не главный в Сибири специалист по грибам. Федором Андреевичем зовут. Вот с кем тебе знакомство надо бы свести. Он такое может про грибы порассказать, что ахнешь.

Дядя Миша говорил, а мне думалось, что и профессор приезжает не затем сюда, чтобы просвещать старого грибознатца, а наоборот — в надежде услышать от лесника что-то новое, редкое.

...Я вошел во вкус. Солнце поднималось все выше и выше над лесом, высвечивая каждую хвоинку на соснах и пихтах. Понемногу напывала теплынь, и я жалел, что пошел в пальто, а не в плаще. Прибывали грибы в корзине, и она, все ощущимее, тяжелела. В ней лежали сморчки с яйцеобразными и коническими шляпками.

И вдруг под одной из берез мне попался толстенный такой гриб. Только шляпка у него была неопрятной — не имела формы, словно ее кто-то помял ненароком.

«Может быть, лось наступил на нее, — подумалось мне, — или почва оказалась слишком твердой для гриба. Вот он и попортил шляпу, пробиваясь на свет из своей подземной грибницы».

Я срезал гриб и, догнав лесника, показал ему свою находку. Дядя Миша пренебрежительно хмыкнул. Потом сказал коротко и строго:

— Выбрось. Строчок это.

— Ну и что? — не понял я.

— А то, что иногда строчки ядовитыми оказываются.

Я выбросил злополучный строчок-тол-

стячок. Даже растоптал на всякий случай, чтобы зверь какой-нибудь не съел. И мы направились к дому. Все так же смеялось в высоте солнце. Только теперь мне казалось, что оно смеется надо мной, не сумевшим отличить поганый гриб от съедобного. И я даже сконфузился. А лесник, видя мое расстройство, утешил:

— Со всяким бывает.

ЧУЖЕЯДЦЫ

Август в том году выдался сухим. Шла вторая половина месяца, а на землю не упало ни капли дождя. Поэтому я считал, что опят в такую сушь и быть не может. Дядя Миша в эти дни был занят какой-то неотложной работой в лесопитомнике. Даже обедал там в бригаде школьников, присланных на помощь ему из села. Появлялся он только на закате, а иногда и после него. Наскоро поужинав, он ложился спать, чтобы на заре снова уйти к своим «галчатам», как он звал школьников.

И вдруг в одно из воскресений сказал мне:

— Ребятишек я домой спровадил. Так что свободен. Может, за опенками двинем? А то засиделся тут, поди, заскучал...

В лесу лежала необильная роса. Тут и там серебрились затейливые сети пауков, а которые спозаранок успели попасть мухи и мошки. Гулко стучали дятлы, выискивая в сушинах короедов. Пересвистывались желтые иволги и еще какие-то птицы.

Дядя Миша, едва мы отошли от кордона, вырезал длинную таловую палку, раздвоенную на конце. «Как будто змея ловить собирается», — с улыбкой подумал я, глядя на действия лесника. А он, закончив свою работу, предложил:

— Давай-кося так сделаем: ты пойдешь по одной стороне лога, а я по другой.

Он смотрел на меня, и глаза его хитро поблескивали из-под мохнатых бровей, и я понял, что лесник снова задумал как-то подкусить меня или разыграть. Хотелось подглядеть за ним. Но это было бы нечестно. Да и розыгрыши лесника мне всегда нравились, потому что за ними крылось что-то познавательное, интересное. Просто у дяди Миши был такой неназойливый метод учить. Наверно, он и с учениками из бригады поступал так же, преподнося им лесную науку.

Разошлись каждый в свою сторону. Я тщательно осмотрел десятка два березовых и осиновых пней. Не обходил стороной и валежники. До рези в глазах всматривался в гниющую опадь, где обычно любят селиться семейства опят. Но их не было. Правда, попадались свинушки да сыроежки. Но они были донельзя источены червями и рыжими жуками, живущими в грибах.

«И мой грибознатец ничего не найдет, — злорадно подумал я, — нет опят совсем. И быть не может в такую сушь. Так что, зря он хитро улыбался».

Но когда мы сошлись за логом, я увидел, что в корзине лесника лежит несколько добрых опеночных семей. Стран-

ным мне показалось только одно — все грибы были вырваны с корнем. А ведь дядя Миша при мне ругал заезжих грибников за то, что не режут, а дергают опять с корнями, нарушая при этом грибницу.

Лесник стоял передо мной в позе победителя и добродушно посмеивался в бороду. В глазах его поблескивала та же хитринка, что и раньше. А корзину он поставил передо мной: любуйся, мол.

— Где же твои опять? — наконец спросил он.

— Нет их нынче, — буркнул я, — сам, поди, раньше приглядел эти семейки и сейчас вот собрал их.

Дядя Миша не обиделся, а наоборот, развеселился. Потрепал меня по плечу и сказал:

— Ты не серчай. Просто смотрел ты не туда.

— Как это не туда? — возмутился я. — Пни чуть ли не ошупывал. Но даже зародышей опеночных не нашел.

— Вот-вот. Ощупывал. Под ноги глядел. А ноне вверх глядеть надо.

— В небо, что ли?

— Наверде того. Учти на потом: в такое сухое время опять не под деревьями искать надо, а на деревьях. Растут они прямо на стволах берез на высоте 2—3 метров. Так-то вот.

Тут я и понял, зачем дядя Миша вырезал странную палку с рогаткой — ею он доставал грибы с деревьев.

— Но ведь ты повредил грибницу этих семей, — не удержался я от укора.

— Экой ты, — сказал дядя Миша, — опять опять — рознь. Те, что на пнях растут, пользу приносят. Они разлагают пни — эти рассадники всякой заразы для леса. Поэтому я и стараюсь оберечь их. А тут, — лесник указал на корзину, — чужаидцы одни.

— Как это? — не понял я.

— Обыкновенно. За счет живого дерева живут. Соки из него тянут. Это грибы-паразиты. И очень опасные. Грибница их пробивает кору деревьев и повреждает древесину. Березы от этого гибнут. Молодые за два—три года, а старые за восемь—десять лет. Вот поэтому я и нарушаю грибницу таких опят. И тебе советую.

ЗНАКОМСТВО

На улице было сумрачно и слякотно. Окна плакали от нудной мороси. Тетка Настасья гостила в селе у дочери. А мы с лесником сидели затворниками в доме. Дядя Миша щил хомут, ругая кого-то за то, что при нынешнем развитии техники не могут изготовить такой безделицы. Я писал за столом стихи. Точнее сказать, не писал, а упражнялся в этом.

Вдруг у ворот засигналил автомобиль. — Никак начальство припожаловало, — ругнулся дядя Миша, — и непогода не держит.

Он метнулся за дверь встречать гостей. Я тоже вышел на крыльцо. У ворот стоял газик неопределенного грязно-серого цве-

та. Крылья, лобовое стекло да и весь тент его были залепаны грязью.

— Федор Андреевич! — возбужденно кричал лесник. — Вот кого не ждал так не ждал. Как снег на голову.

Дядя Миша тискал в объятиях мужчину, одетого простежки. Он был в штормовке, сапогах и берете. Я понял, что это и есть тот самый миколог, с которым меня давно хотел свести лесник.

— Слышал о тебе от Михаила, — сказал Федор Андреевич, — писать приехал или просто отдохнуть от шума городского?

— Развяться. А вы?

— Я по делу.

— Дело, конечно, с грибами связано?

— С ними. Только не с теми, за которыми люди с лукошками ходят. Эти не засолишь, не сваршишь и на стол не подашь. Был я здесь по весне и в одном месте обратил внимание на группу деревьев. Не очень жизнерадостными они мне показались. Посмотрел и обнаружил, что деревья эти поражены корневой губкой. Это гриб такой из семейства порицеевых. Где он появляется, там быстро образуется пенная гниль и губит постепенно деревья.

— Валить придется?

— Зачем? Призовем на помощь другого гриб, который никогда не уживается с губкой, вытесняет ее, а точнее сказать, убивает. Это флэбия — такая молочно-белая или сероватая пленка, похожая на плесень. Берем у нее споры и водворяем на зараженные участки. Дальше гриб сам распоряжается судьбой губки.

Дядя Миша принес из погреба соленья.

— Убери бумаги со стола, — сказал мне. Я собрал листки.

— Творил или вытворял? — кивнув на них, спросил Федор Андреевич.

— Скорее второе.

— Прочти, если не секрет.

Я замялся. Не хотелось сиюминутную писанину показывать человеку. Но миколог подбодрил:

— Не критик я. Чего стесняешься?

И я прочел ему с листа такие строки, о которых пожалел потом. Да вот они:

Я бегу по медвяной росе.
Где-то перепел свищет в овсе,
Где-то нудно скрипит коростель.
Ни ветринки.

А в сердце метель
Никогда не испытанных чувств.
Я к тебе на свидание мчусь.
По медвяной росе прямиком,
Словно в детстве, бегу босиком.

В зеленоватых с какой-то солнечной прожельтой глазах Федора Андреевича блеснуло лукавство.

— Значит, по медвяной росе бегаем? — спросил с полуулыбкой он, — а ты знаешь, что такое медвяная роса?

— Для меня это поэтический образ. Может быть, не совсем свежий, но образ.

— Каждый образ должен иметь под собой почву.

— Да разве этот беспочвенный? — начал раздражаться я.

— Не кипятись, — охладил меня Федор Андреевич, — для нас медвяная роса — настоящее бедствие. Эту самую опозитизированную росу образует гриб, называемый спорыней пурпурной. Она поражает во время цветения рожь, знаменитую алтайскую твердую пшеницу, ячмень. И травы стороной не обходит. Костер, тимофеевка, пырей, осока иногда гибнут из-за этого гриба. Кстати, медвяная роса имеет пренеприятнейший запах. Так что бегать по ней босиком ты бы не стал.

— Нечего сказать, познакомились, — весело констатировал дядя Миша, усаживая нас за стол. И мы все трое рассмеялись.

УГОСТИЛАСЬ

Корзину с грибами я оставил на тропе, а сам стал преследовать глухарку. Птица волочила крыло по земле и притворялась подбитой, чтобы отвлечь меня от выводка, который находился где-то рядом. Ловить ее я и не собирался и знал к тому же, что глухарку не поймать. Просто интересно было посмотреть, к каким уловкам будет прибегать хитрая птица, отводя меня от птенцов.

Преследуя глухарку, я немного заплутал. А птица кончила притворяться и улетела. Выбравшись из темного замшелого лога, обнаружил тропу и зашагал по ней, чтобы подобрать корзину и двинуться на кордон.

Вот и поваленное дерево, от которого увела меня глухарка. В десятке метров от него должна стоять моя корзина. Но тут я стал, как вкопанный. Мои грибы спокойно поедала лосиха. Рядом попрыгивал тележок. Видимо, он был сыт и поэтому не уговался.

— Уйди, зверина, — крикнул я. Но лосиха дрыгнула задней ногой, словно отмахнулась от меня. Только когда кинул в нее сучком, она промычала что-то и, недовольная, удалилась.

Грибов в корзине почти не было уже. Да и те, что остались, я высыпал на траву — они были исключены и переломаны.

На кордоне я рассказал о проделке лосихи леснику. Он посмеялся над моей незадачей.

— Ручная она, — заключил он, — выросла у меня. Потом ушла. Но в многоснежную зиму приходит, чтобы покормиться. У Настасьи из рук сено берет и хлеб. И не тебя первого без грибов оставила. Дочь моя развесила прошлым летом грибы во дворе, чтобы подвялить, а Фаня, так мы зовем лосиху, пришла и съела все до единого.

ОТ НЕЗНАНИЯ

— А вот сколько грибов можно собрать с гектара угодий? — спросил я как-то у Федора Андреевича, когда мы сумерничали на крыльце кордона. Мико-

лог помолчал, раскуривая папиросу, потом сказал:

— Считается, что маслят в урожайный год можно собирать до тонны, а белого гриба половину этого. Но вообще принимаем среднее — сто килограммов. Но собираем-то тысячную долю из великого обилия.

— Кто же мешает?

— Леность наша. И еще незнание грибов. Вот у нас в Сибири многие грибы не собирают. Взять хотя бы свинушки. Они делятся на толстые и тонкие. И те и другие вполне съедобны и вкусны. Но вот пренебрегаем ими. Да что свинушки! У нас моховики редко кто берет. А грибы красивые, буровато-оливковые с ярко-желтым трубчатым слоем. Боровик в жареном и маринованном виде неплох на вкус. Летний опенок совсем не берут.

Зато вот перечный груздь идет за милую душу. Хотя его надо отдельно солить — горький он. Сначала его надо вымочить хорошо и только потом пускать в дело.

Из сыроежек, которые составляют 45 процентов всех грибов, тоже собирают не все.

— Чернушки, валуи, сыроежки болотные и сереющие, — вставил я свое слово.

— Вот-вот. А ведь сыроежек у нас более 150 видов. Каких только нет. И все красивые. Будь моя воля, издал бы каталог сыроежек с красочным изображением каждого вида.

— Чего ж не издадите?

— Другими грибами занят. В основном различными паразитами. Ищу методы борьбы с ними.

Федор Андреевич замолчал. Погасил папиросу и предложил немного прогуляться перед сном по заполненному сумерками лесу.

ПСИЛОЦИБЕ

Мы шли вдоль болотца. Под ногами хлюпала жижа. Тут и там стояли омертвевшие березки. И возле каждой темно-бурые небольшие грибы. У них были колокольчатые водянистые шляпки, из-под которых выглядывала какая-то белая камешка. Грибы совсем невзрачные.

Когда остановились на привал, я пнул сапогом один из таких грибов. Никакого зла я не срывал на нем, просто пнул и все.

Федор Андреевич недовольно пробурчал что-то себе под нос и, срезав гриб, долго рассматривал его. Потом сказал:

— А ты знаешь, что пнул божественный гриб?

— Божественный? В первый раз слышу такое название. Да и какой он божественный, если растет на болоте? Ему бы лучше дать название чертов гриб.

— Помилуй. Древние индейцы Америки поклонялись ему. Там археологами найдено даже каменное изображение этого гриба.

— Это за какие же заслуги?

— За какие? А вот послушай. Когда археологи нашли упомянутое изображение,

некоторые микологи вспомнили, что в индейских преданиях неоднократно говорится о грибах, придающих веселье, помогающих встрече с богами. Набрали этих грибов, исследовали их. И оказалось...

Федор Андреевич принялась мыть сапоги в лужице.

— Так что оказалось? — нетерпеливо спросил я.

— Оказалось, сапог протекать начал, — сказал он сердито, — видно, где-то боляршиной иголкой проткнул. Идем-ка отсюда. А то в сапоге уже захлюпало.

Мы вышли из болотца. Федор Андреевич валко шагал впереди и молчал сердито, словно в том, что прохутился его сапог, виноват я. На гребне песчаной гривы он выбрал подходящее место, сел и разулся. Еще раз внимательно осмотрел гриб и положил рядом с собой и только здесь продолжил, будто пауза была минутной:

— Оказалось, что грибы эти содержат в себе некое галлюциногенное вещество. Если человек употребит всего один миллиграмм вещества, то окажется в состоянии опьянения. А если десять миллиграммов — у него наступят изменения в психике и появятся галлюцинации. Видимо, это использовали индейские жрецы в своих целях.

— Вот никогда бы не подумал! — удивился я и спросил: — А как он называется?

— Псилоцибе. Но это не суть важно. Важно другое. Ученые выделили галлюциногенное вещество и назвали его псилоцибином. Они синтезировали его и теперь применяют при лечении некоторых психических заболеваний.

— И помогает?

— Не знаю. Но я слышал из уст одного уважаемого мною ученого, что людям, страдающим потерей памяти, препарат помогает. Он уверял меня, что пятьдесят процентов больных начинают вспоминать.

— Как-то не верится.

— Ну почему же? В действие дрожжи тебе верится?

— При чем тут дрожжи? — обиделся я.

— Да при том, что дрожжи — это грибы семейства сахаромецетовых.

— Не укладывается как-то, грибы и дрожжи.

— Укладывается не укладывается, но из грибов много кое-чего делается теперь. Тот же пенициллин, пектиназы для осветления фруктовых соков, которые ты употребляешь нередко. А что стоит боверин? Ведь это один из лучших препаратов, используемых в борьбе с вредными насекомыми. А гиббереллин? О грибе гибберелла столько трудов написано, что можно из них библиотеку создать. Одни клянут его за то, что гриб вызывает заболевание злаков риса, сахарного тростника, кукурузы, пшеницы и соевого. А другие восхваляют не гриб, а вещество гиббереллин. Оно стимулирует рост растений...

— Видимо, поэтому медведь иногда выворачивает деревья или делает попытку померяться силами с трактором. Федор Андреевич, а может быть, хозяева леса

не хуже индейских жрецов знают о псилоцибе, а?

— Не интересовался этим вопросом. Но, впрочем, кто их знает.

«ТРУБА СМЕРТИ» ИЛИ «РОГ ИЗОБИЛИЯ»

Красивые грибы лисички! Оранжевые, желтые, бурые, они радуют глаз грибника своей яркостью. Видимо, за цвет и получили свое название. И встречаются эти грибы в наших лесах во множестве. Иной раз под сосной найдешь их столько, что за какие-нибудь полчаса наполнишь корзину с верхом и, гордый удачей, возвращаешься домой, сопровождаемый завистливыми взглядами встречных.

...И вот мы бродим по золотому сосновому бору и охотимся за лисичками. Солнце поднимается. В лесу становится душно, словно в бане. Терпко пахнет смолой, оплывающей по литым стволам, и какими-то привянувшими травами. Иногда, где-то в самых вершинах, вздохнет ветер, словно и он устал от этой густой духоты.

— Эх, — сокрушенно вздыхает дядя Миша, — самое время грибным дождям, идти, а их все нет и нет. Сегодня утром сводку погоды слушал и снова осадков не обещали.

— А зачем вам сырость нужна? — спрашиваю у лесника. — Осень еще вся впереди и дождей будет предостаточно.

— Мне-то она без надобности. А вот грибам сейчас надо бы водички. Лисичкам особенно. Они ведь при сухой-то погоде в два раза медленнее растут.

Объясняя это, дядя Миша смотрит на третьего нашего спутника, известного миколога Федора Андреевича, ища у него поддержки. Тот согласно кивает, но ничего не говорит, только отдувается. Он габаритнее нас с дядей Мишей, и его размогло больше.

— Может, в тень присядем, — предлагает лесник и первым направляется к большекронной сосне, под которой даже и травы мало.

Вокруг дерева, как бы вода хоровод, стояли серые, словно сумерки, грибы. И все они по форме ничем не отличались от лисичек. Такая же воронка у них, так же кромка вздернута, словно ухо дворянки.

— А это что за грибы? — спросил я у дяди Миши. Но мой грибовед развел руками. Весь виноватый вид его говорил, дескать, я тебе не бог и всего знать не могу даже в этом лесу, который с детства знаю, как пять своих пальцев.

Подожел Федор Андреевич. Увидев грибы, сказал:

— Что же вы стоите? Резать надо грибы.

— Так это же чернота какая-то, — сказал я, — поганые, наверно.

— Чернота, — передразнил меня ученый и рассмеялся. Потом объяснил:

— Это серые лисички. По вкусу они несколько не уступают своим односельчанам. А вот цветом не удалось.

Видя нашу растерянность, Федор Андреевич успокоил:

— Не вы первые ошибаетесь. Когда-то немцы называли их «трубой смерти». Тоже из-за цвета, видно. Зато англичане дали серым лисичкам название «рог изобилия». Да режьте вы!

Вечером мы коллективно готовили грибы. В одной сковородке у нас жарились рыжие, в другой — серые лисички. Запах от тех и других шел одинаково аппетитный. Потом мы с дядей Мишей пробовали на вкус те и другие и приходили к выводу, что одни от других не отличаются.

Ученый посмеивался над нами, а лесник конфузливо и извинительно твердил:

— Правду говорят, век живи, век учишься.

ЗАВИСТЬ

Ночь опускалась быстро. Так всегда бывает в лесу: светло — и вдруг, как-то внезапно, сгущается тьма, как бы стираются со светлого дневного фона очертания деревьев. Кажется в это время, что все окрест залито серовато-черной тушью. Угомонились дневные птицы, отыскав себе укромные места для ночевки. Не пискнут даже, чтобы не обнаружил их какой-нибудь ночной хищник. И только лесные певчие сверчки продолжали неумолчно трещать. Их пение несло из травы, с кустов и невысоких деревьев, куда они любят забираться с вечера, чтобы перед утром испить сладкой росы.

Истонченный, со щербинками, месяц поднимался лениво, и словно бы нехотя. От его холодного света все вокруг становилось зыбким и призрачным.

Дядя Миша молчал, словно боялся нарушить благостную предночную тишину. Сидели мы на поваленном дереве и думали каждый о своем. А ночь густела и начинала дышать предосенней прохладой, как всегда бывает августовскими ночами.

Дядя Миша поднялся и, тронув меня за рукав, сказал:

— Пошли. Теперь и посмотреть можно — эта ночь, когда сказки придумываются сами. А тут не сказка, правда житейская.

Он замолчал, словно устыдился своего многословия, и шагнул в темноту. А ходил он, как обычно ходят извечные лесовики, ни шума шагов его не слышно, ни дыхания. Как он ориентировался в темноте, я не могу сказать. Помню только, что прошли мы не больше ста шагов. Снова дядя Миша тронул меня за рукав.

— Вот смотри.

— Куда? — не понял я.

— Перед собой. Чуть ли не под ноги. Глянул, но в этой темноте ничего не увидел, что могло бы привлечь мое внимание. Сделав еще один шаг вперед, натолкнулся на высокий, до пояса мне ростом, пенек. Вроде бы днем я здесь был и с такого же ростом пня срезал большую семейство опять — чуть ли не полная корзина получилась.

— Тут же пень, — сказал я разочарованно, — а на них я и днем наглядделся, пока грибы собирал.

— Экой ты, — уронил дядя Миша, — а еще что-то писать собираешься. Разуй гляделки-то. Поди, увидишь что-нибудь.

Пригляделся и увидел на пне пятна белого фосфорического цвета.

— Гнилушка светится, — сказал я дяде Мише. Он хмыкнул неопределенно. В этом его мычании мне послышалось что-то осудительное. Даже какое-то пренебрежение его почувствовал.

— Экой ты неприглядный. Тут же не гнилушка, а грибница опеночная светится. Не вся, правда, а ее концы. В науке их ризоморфами зовут.

Дядя Миша отломил мне кусок полугнилой древесины от березового пня со светящимися пятнами.

— На досуге рассмотришь. Может, какие-нибудь мыслишки родятся при ясном-то дне. А сейчас, видать, ты дремлешь. Пойдем-ка к дому. Нас ждут, поди, там. Настасья опять ворчать будет.

Мы шли к кордону по ночному лесу. Скрипели хором лесные сверчки и пошурхивали в предосенней ломкой траве мыши да бурундуки. Вдалеке, где-то в глухих осиновых логах, кричал ушастый филин, словно старался непременно напугать нас или еще кого-то, блукавшего в это время по дебрям. Дядя Миша неслышно шел на полшага впереди и молчал. А я думал о том, сколько разных чудес таит лес и как мало мы этих чудес знаем. И от всей души завидовал дяде Мише.

ЛЕСНЫЕ ПРИПРАВЫ

Мы шли по вилюшке-тропе к кордону. Небо было сумрачным и злым. Висели низкие тучи. Они не плыли, а как-то клубились на одном месте, то и дело меняя свои очертания. Но дождь не начинался. Медлил что-то.

У таежной песчаной гряды, где весной мы с дядей Мишей резали первые грибы, я остановился.

— Никак устал? — участливо спросил лесник. — Но отдохнуть нам некогда. Надо до ливня домой добраться.

— Не устал, — ответил я, — удивляюсь вот, отчего здесь так чесноком пахнет? Даже в носу зудит. Толкут его где-то, что ли.

— Э-э, — пренебрежительно махнул рукой дядя Миша, — это грибами пахнет. Их чесночниками и зовут. В жару от них и запаха нет, пока не срежешь да не сомнешь в руке. А перед дождем всегда тут чесночищем прет вот эдак.

Меня заинтересовали эти грибы. Захотелось увидеть их собственными глазами, чтобы потом суметь отличить от других.

— Посмотрим, — предложил леснику.

— Отчего не посмотреть, коли интересно. Только мигом.

Мы сошли с тропы. Дядя Миша ошибочно привел меня к песчаной прогалине, на которой я и увидел чесночники. Ими оказалась семейка бледно-желтых грибов. Такие мы привыкли считать поганями. Над ними висел густой чесночный запах. Присев у семейки на корточки, сломил несколько грибов, чтобы рассмотреть

их по дороге. Запомнилось, что у них были хрящеватые тонкие ножки и шляпки чуть побольше пятикопеечной монеты.

— Окромя чесночников у нас еще говорушка пахучая произрастает, — рассказывал мне по дороге лесник. — Та вполне анис заменить может. А вот красный паутинник редкой пахнет. Прямо настоящей редкой. И тоже перед непогодой только.

— А эти грибы используют? — перебил я.

— Теперь нет. А вот в войну они на приправы к вареву шли. Голод-то всему научит.

Где-то сзади сухо громыхнуло и зашумело. Нас догонял дождь.

ЧТО Я ЗНАЮ О МАСЛЯТАХ

Лесник в этот день уехал в село к своему начальству. Тетка Настасья еще не возвратилась от дочери. А Федор Андреевич сидел за столом и писал какие-то рекомендации по борьбе с неведомым для меня грибом фацидиумом, вызывающим болезнь сеянцев сосны — лесничество попросило. Из разговора Федора Андреевича с дядей Мишей я понял, что гриб этот губит в лесопитомнике более половины однолетних деревьев.

Ранняя муха билась о стекло, словно хотела разбить его и лететь навстречу встающему солнцу, чтобы погреться от него. Под печью, через небольшие промежутки времени, словно заведенный, стрекотал сверчок — диковина для городских да и сельских теперь домов. Он усердствовал. Видно, считал, что доставляет нам своим пением величайшее наслаждение. На полу, словно разбросанные в беспорядке листья, золотели солнечные блики.

Мне надоело слушать веселого сверчка и нудную муху. Да и казалось, что мешаю человеку работать, хотя я не разговаривал и не подходил к столу. Вот и решил отправиться за грибами.

— Далече? — не поднимая головы от листа, спросил Федор Андреевич. — Прогуляться решил?

— Грибы посмотрю.

— Сходил бы с тобой, но у меня еще часа на два работы.

Прихватив корзину, я отправился в сторону песчаной гривы. У самой тропы на ветке сухой березы сидел рябчик. Я остановился и стал рассматривать его. Серые, черные, рыжие и белые полосы и пятна на теле делали птицу сказочно пестрой. Горло у рябчика было черным, а на голове торчал небольшой хохолок. Это был петушок. Он не обращал на меня никакого внимания. Я свистнул. Рябчик, повернув голову, удивленно посмотрел на меня и, нехотя взмахнув крыльями, полетел в ту же сторону, в которую двигался я.

На гриве было столько маслят, что у меня разбежались глаза. Не верилось как-то, что они выросли сами по себе. Казалось, их посадила здесь какая-то умелая и легкая рука. Рядом с большими — размером с блюдце — грибами стояли грибаты

не больше ноготка. Я и стал резать самые маленькие. Быстро закрыл ими дно корзины. Но вскоре надоело мне. Это малоинтересное занятие — складывать грибы в корзинку без предзарительного упорного поиска их.

Махнул рукой на маслят и пошел в сторону высохшего за лето болотца. Берега его были густо опушены изянком и смородинником. И, к моему удивлению, маслят в этих зарослях стояло еще больше, чем на песчаной гриве. Только здесь они выглядели по-иному: были толстоногими и очень желтыми. На их ножках имелись слизистые кольца.

Затрещали сучки под чьим-то тяжелым копытом. Я насторожился. И тут увидел лосиху с лосенком. Они преспокойно ели грибы, выбирая самые крупные. Их совсем не смущало, что крупные маслята, как правило, источены червями. Звери паслись совсем недалеко от меня, и мне казалось, что я видел какое-то умиротворенное выражение в их больших зеленоватых глазах.

Корзинка моя была почти наполнена, и я, чтобы не мешать лосям есть, удалился.

— Ну-ка, покажи свои трофеи, — встретил меня на крыльце Федор Андреевич. Я поставил перед ним корзину и, пока он рассматривал грибы, рассказал о лосях.

— Ничего тут удивительного, — сказал Федор Андреевич, — лоси — завзятые грибники. Все места знают получше нас. Особенно им белый гриб по вкусу. В поисках его могут десятки километров исходить. Да и не только лоси едят грибы. Северные олени тоже обожают их. Есть так называемый олений трюфель. Растет неглубоко под землей. Оленеводы рассказывают, что во время появления трюфелей лучше уж пасти животных там, где они растут. Иначе олени все равно туда побегут. В общем-то все лесные звери едят грибы. Многие из домашних тоже ими не брезгают.

Федор Андреевич вынул из корзинки несколько маслят и положил их рядом с собой на ступеньки крыльца.

— Хочешь, я расскажу тебе, где ты рвал каждый из этих грибов? — он кивнул на отложенные маслята, — их ведь у нас пятьдесят видов и каждый растет только на определенном участке и в соседстве с определенными деревьями. Вот этот, — Федор Андреевич держал в руках почти белый масленок с красноватыми бородавчатыми пятнами на ноге, — растет в сухом месте под сосной, где разрезана трава. А этот ты срезал на песчаной гриве. Так ведь?

Я кивнул. Федор Андреевич продолжил:

— Толстячки ты резал в болотце. Они без влаги не могут. И воды в них — хоть выжимай.

Слушая его, я удивлялся точности, с которой он описывал места моей сегодняшней грибной охоты, как будто бы он ходил со мной. А перед глазами стояли лосиха-мама с лосенком, лакомящиеся маслятами в высохшем болотце.

ГРИБНЫЕ ДОЖДИ

С утра стоял густой туман. Думали, что разъяснится, но к обеду небо заволокло, и пошел мелкий дождь, который в народе называют грибным. Лес оживился и каждым листом, каждой иглой ловил теплые капли. Мы сидели с дядей Мишей перед открытым окном и смотрели на мелких птиц, резвившихся под моросью.

— Совы любят такую погоду, — сказал дядя Миша, — они сейчас блаженствуют все.

— Я не филин, но и мне она по душе, — сказал я, — а сколько стихов об этих грибных дождях написано! Все и не упомянешь.

Федор Андреевич сидел за столом и что-то писал. При последних моих словах повернулся к нам и словно ушат холодной воды вылил на нас.

— Зря о нем пишут возвышенно. Не стоит он этого. Ваш брат пишет что-нибудь такое «дождь грибной надо мной», а в это время кое-где люди проклинают его.

— Как это? — взерошился дядя Миша. — Да где это видано, чтобы такую прелесть проклинать?

— А ты не ершишь, Михаил, — сказал ученый, — в сухих районах это действительно жданный и благодатный дождь. А вот во влажных...

Я не дал ему досказать:

— Грязи добавляет, настроение людям портит.

Федор Андреевич понял, что подкусил нас. Но он имел на это, видимо, свои основания. Ведь он более сведущ, чем мы, во многом.

— Не о грязи речь. А настроение? Его этот дождь кое-где портит. Есть такое семейство грибов — нектриевые. Им, как и всем грибам, такой дождь и нужен для развития.

— Ну и что? — настоужился дядя Миша, ожидая подвоха.

— Грибок из этого семейства — гибберелла кукурузная, — дождавшись такого дождя, начнет прогрессировать. На колосьях и солоmine пшеницы, ячменя, ржи, овса, риса да и кукурузы не сейчас, а к моменту вызревания, появится розовый налет. А при уборке люди не досчитаются пяти процентов урожая. И это в том случае, если будут поражены только стебли. Если же сеяли зараженными семенами, то в нетях половина урожая окажется. Вот вам и воспетый грибной дождичек.

— Ты нарочно, что ли, настроение нам портить? — возмущенно спросил дядя Миша.

— Да нет, просто обратную сторону медали показал.

Ученый снова уткнулся в свои записи. Может быть, как раз он какие-нибудь рекомендации по борьбе со злаковым паразитом излагал. Но я в это время оттачивал в голове строки:

И летят к земле покорной,
Блеск на травы наводя,
Словно маковые зерна,
Капли теплого дождя.

Дядя Миша стоял у окна, смотрел на благодатный дождь и о чем-то думал. Потом вдруг закрыл створки и, ни к кому не обращаясь, пробубнил бесцветно:

— И все грибы...

ЕЩЕ ОДИН УРОК

— Эх ты, — сокрушенно вздохнул дядя Миша, — и ничего-то о грибах не знаешь.

Я остановился и удивленно посмотрел на своего спутника, а точнее сказать на экскурсовода и отличного грибовознатца. Стояли мы в темном лесу, где даже трава не росла. Вокруг высились великанши-сосны. Иглами, многие годы спадавшими с них, они толстым слоем покрыли здесь землю. Проникни сюда солнце и тут было бы самое благоприятное место для маслят. Но мне казалось, что расти тут могут только грузди или какие-нибудь сыроежки, которых в наших лесах более ста видов: самое место для валуя или чернушки. А дядя Миша держал в руках что-то белое, бесформенное. Скорее всего похожее на какое-то подводное растение.

— Видишь вот, — поднес он к моему носу свою находку, которая едва умещалась в его большой пригоршне.

— Вижу, — буркнул я, — плесень какая-то. Я видел ее на валежнике. Еще стоптать хотел.

— Пле-е-е-сень, — презрительно протянул дядя Миша, — да мне и белых грибов не надо. Побольше бы вот этой, как ты обозвал по своему невежеству, плесени. Это же редкость у нас. Не всякий раз найдешь. Держи, — протянул он мне диковину.

Масса была тяжелой и сырой. Внутри ее — невидимый стержень, от которого росли жирные и диковинно узорчатые листья. Скорее всего она походила на морской коралл, виденный мною на цветных иллюстрациях. Только яркости не хватало ей. Все еще не решаясь положить находку дяди Миши в корзину, я спросил:

— А что это вообще-то?

— Грибная капуста.

— И такая бывает?

— Темный ты в лесных делах человек. Тут и лапша есть. Так и зовем ее грибная лапша. Она не очень отличается от этой. Только на ней узорочки такого нет. Словно катаные лапшинки-листья. А когда сварить — ох и вкусно! — дядя Миша даже глаза закрыл от предвкушения удовольствия. — Нам Настасья такой супец из нее сварганил к вечеру, что пальчики облизешь.

Я поднес гриб к носу. От него несло таким сгуственным грибным духом, и не каким-то там поганочным, а самым настоящим, возбуждающим аппетит. Так не пахло от моей двухведерной корзины, чуть ли не доверху заполненной груздями, рыжиками и волнушками, которые мы собирали на засол.

«Еще один урок, — подумал я благодарно, — а сколько их впереди?»

Георгий КОНДАКОВ

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

(М. ГОРЬКИЙ И АЛТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА)

При рассмотрении роли идейно-художественного опыта М. Горького в развитии и становлении литератур народов Южной Сибири наметились две тенденции. Первая — стремление литературоведов найти и привести факты личных контактов национальных литераторов с великим пролетарским писателем. Вторая — стремление показать, как горьковские традиции обогащают национальную литературу, как помогают становлению и развитию метода социалистического реализма, жанровому и стилистическому обогащению национальных художников слова.

Обе тенденции правомерны и дают достаточный материал для теоретических выводов и обобщений.

Алтайский писатель Павел Кучияк был лично знаком и встречался с М. Горьким. Это хорошо известно широкому читателю по работам А. Коптелова, С. Суразакова и других авторов. Впервые П. Кучияк встретился с М. Горьким на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, делегатом которого он был.

3 сентября 1934 года П. Кучияк вместе с делегацией писателей Западной и Восточной Сибири гостил у Алексея Максимовича. Разговор шел о самом разном: о работе журналов, об издании новых книг сибиряков, о помощи писателям малых народностей...

Во время памятной встречи в сентябре 1934 года А. М. Горький напутствовал собрата из Горного Алтая: «Пиши историю своего народа, записывая все его сказки»¹.

П. Кучияк тяжело переживал известие о смерти своего великого учителя. В дневнике 18 июля 1936 года П. Кучияк дает клятву выполнить все горьковские заветы: «Алексей Максимович, огонь, Вами зажженный, никогда не погаснет; слова, Вами сказанные, никогда не забудутся»².

Книга «Павел Кучияк. Воспоминания,

дневники, письма»¹ расширила представления о взаимосвязях М. Горького и алтайского литератора, о роли идейно-художественного опыта пролетарского писателя в творческом развитии и становлении П. Кучияка как художника слова.

М. Горькому приходилось читать и о других алтайских писателях. Например, в 1929 году в журнале «Наши достижения» была опубликована статья Сергея Мара «Обновленные племена», которую великий писатель назвал «весьма неплохой», а автора ее, поэта Сергея Маркова — «осведомленным человеком»². Значительное место в статье-очерке отведено рассказу о возрождении культуры алтайского народа, о творчестве художников Г. Гуркина, Н. Чевалкова и писателя Л. Эдокова.

О Леониде Эдокове С. Мар писал: «Ойратия имеет пока только одного своего молодого писателя-туземца, пишущего на русском языке. Опубликованные записки «Чичке» Бут» Эдокова отличаются большой четкостью стиля и по-киплинговски мужественным романтическим содержанием. Л. Эдоков рассказывает в этой своей вещи о столкновении старой и новой культур в современной Ойратии»³.

Высказывание С. Мара нуждается в уточнениях: во-первых, завышена оценка весьма скромных литературных опытов Л. Эдокова, во-вторых, в это время в Горном Алтае работали П. Чагат-Строев, М. Мундус-Эдоков и другие писатели, в том числе и пишущие на русском языке.

М. Горькому были известны некоторые произведения алтайских писателей: он читал рассказ П. Кучияка «Железный конь», переведенный на русский язык.

Рассказ П. Кучияка предназначался для журнала «Колхозник», но не был там опубликован. М. Горький внес некоторые поправки в машинописный текст произведе-

¹ Горно-Алтайский НИИИЯЛ. — Горно-Алтайск, 1979.

² «Литературное наследство», т. 7, М., 1963, с. 288.

³ Сергей Мар (Памирец). Обновленные племена. — «Наши достижения», 1929, № 1, с. 127.

¹ Сб. «Золотое озеро». — Горно-Алтайск, 1974, с. 97. (Перевод с алтайского наш — Г. К.).

² Сб. «Золотое озеро». — Горно-Алтайск, 1974, с. 97. (Перевод наш — Г. К.).

ния и дал отзыв: «У нас замечается преобладание стороннего материала. Рассказ Кучияка еще не сделан, требует сокращений и добавлений. Насколько правдиво и типично великодержавное идиотское отношение к ойроту?»¹

В архиве М. Горького хранится машинописный текст рассказа «Железный конь» (Ойрот-Тура, 1932) с пометками писателя. Рассказ П. Кучияка носил следы ученичества. Интересно проследить особенность горьковской правки. У Максима Горького не вызывал каких-либо сомнений и критических замечаний фольклорный материал, использованный П. Кучияком в рассказе.

Замечания М. Горького касаются стиля, образной системы рассказа, которая у П. Кучияка только складывалась. В рассказе читаем: «Вдруг он (Диргал — Г. К.) почувствовал, что у серо-черного коня не хватает сил, чтобы взять один из крутых подъемов»². Вместо метонимического образа «серо-черный конь», М. Горький вписывает слово «машина». Во фразе: «Где же произошла поломка у моего железного коня? Видно, я изучил его недостаточно»³ — М. Горького не удовлетворило слово «его», оно заменено конкретным и точным словом «машину». Фраза в горьковской редакции звучит проще, естественней, хотя кучияковская манера нарушается.

Манерность, искусственность в построении образа у П. Кучияка проявилась в следующем описании: «Он повернул стальные поводья серо-черного коня вправо и помчался вверх по Урсулу. Из-под резиновых копыт вылетел столб пыли»⁴. Фраза «из-под резиновых копыт вылетел столб пыли» была вычеркнута М. Горьким. С нашей точки зрения, в этом описании лишней является и деталь «стальные поводья серо-черного коня».

Употребление экзотической лексики в рассказе «Железный конь» вызывало сомнения у М. Горького: «Мать подошла к шкафу, достала деревянную чашку с выломленным краем, оставшуюся Диргалу в наследство от отца, положила в нее талкана»⁵. Слово «талкан» было подчеркнуто, а после него поставлен вопросительный знак. М. Горький считал, что алтаизм необходимо пояснить.

Правка М. Горького в тексте рассказа П. Кучияка сделана в процессе первой читки рукописи. Произведение алтайского автора не удовлетворило М. Горького по содержанию («Насколько правдиво и типично великодержавное идиотское отношение к ойроту?») и форме («Рассказ Кучияка еще не сделан, требует сокращений и добавлений»).

Заключение М. Горького о кучияковском рассказе справедливо. Впоследствии это произведение было коренным образом переработано. Помощь в работе над рассказом П. Кучияку оказал А. Коптелов,

который сообщал в письме от 10 июня 1939 года: «Последние дни занимался твоим «Железным конем». Должен сказать, что работу ты сделал, по всей вероятности, очень быстро. Многие недоделано (хотя бы линия Кичимея и Юси), многое заменено механически. Очень много повторений и тягучих рассуждений. Говорю тебе об этом прямо. Думаю, что принесет только пользу, — ты не обидешься на меня, а учтешь в дальнейшей работе. Кое-что ты выбросил зря, например, эпизод в Монголии. В новом варианте это место стало не только хуже, а вообще никак не играет. Я восстановил по старому варианту. Словом, я сделал все, что мог...»¹

Вопрос о том, как идейно-эстетический опыт М. Горького преломлялся в творчестве алтайских литераторов, как горьковские традиции развиваются в алтайской литературе, следует рассматривать в тесной связи с развитием самой жизни, социалистической действительностью, важнейшими общественно-политическими событиями. Литературное влияние и литературная учеба — категории диалектически сложные. В одном случае литературная учеба выливается в механическое заимствование приемов выдающегося художника слова, то есть превращается в эпигонство, в другом — необходимое условие постижения художественного мастерства, чтобы достоверно показать национальную жизнь.

Дневниковые записи П. Кучияка, его письма к А. Коптелову, С. Кожевникову, В. Непомнящему, А. Гарфу и другим — свидетельство сложного, порой противоречивого пути к идейно-художественному мастерству. Разумеется, в развитии П. Кучияка, как писателя в первую очередь, сказались благотворные культурно-экономические и политические условия, созданные для народов Сибири после Великого Октября. П. Кучияк получает возможность учиться в КУТВу (Коммунистический университет трудящихся Востока), приобщаться к русской и мировой литературе, встречаться с выдающимися представителями современной культуры (М. Горьким, А. Фадеевым, М. Шагиняном)².

Овладение идейно художественным опытом М. Горького у П. Кучияка протекало своеобразно. Например, в июле 1936 года он пишет в дневнике, обращаясь к великому писателю: «Но я слабо знаю Ваше творчество. Начиная с этих дней, все книги, Вами написанные, прочитаю, все изу-

¹ Личный архив П. Кучияка. П. Кучияк согласился с критикой А. Коптелова рассказа «Железный конь». В письме от 1 июля 1939 года он сообщал: «Ваши замечания и указания по поводу «Ж. к.» для меня плюс в моей творческой работе. Совершенно правильно делаете указание, что я над вторым вариантом работал мало и быстро». (Личный архив А. Коптелова).

² П. Кучияк в письме к С. Кожевникову от 13 мая 1939 года сообщал: «Я теперь занят переводом пьес Н. Погодина «Падь серебряная», М. Горького «Последние». (С. Кожевников. Статьи, воспоминания, письма. — Новосибирск, 1976, с. 135).

¹ Литературное наследство Сибири (ЛНС), т. 2. — Новосибирск, 1972, с. 204.

² Архив М. Горького, лист 15.

³ Там же, лист 18.

⁴ Там же, лист 20.

⁵ Там же, лист 1.

⁶ Т а л к а н — толокно.

чу — такую я перед собой задачу ставлю»¹.

П. Кучияк в дневнике 11 июля 1936 года записал: «Сегодня закончил читать «В людях». Начал «Мои университеты». Книги великого писателя изменили мой взгляд на художественное творчество»².

За короткое время³ (с 16 июня по 12 июля 1936 года) П. Кучияк прочитал горьковскую трилогию: «Детство», «В людях», «Мои университеты», познакомился с пьесой «Последние». У П. Кучияка возник замысел написать автобиографический роман «Адыйок». Своими планами он поделился с А. Коптеловым. Автор «Великого кочевья» посоветовал П. Кучияку внимательно прочесть и изучить автобиографические произведения русских классиков и особенно трилогию М. Горького.

О работе Павла Кучияка над автобиографическим романом «Адыйок» А. Коптелов писал: «Работал он с повышенными требованиями к себе и очень волновался — перед ним стояли такие бессмертные произведения мировой литературы, как «Детство» М. Горького»⁴.

Знакомство П. Кучияка с трилогией М. Горького не означает, что алтайский писатель механически использует опыт мастера. Горьковская повесть «Детство» и роман «Адыйок», изображающий детство алтайского мальчика, не имеют каких-либо внешних сходных признаков. Наоборот, различен жизненный материал, положенный в основу книг, непохожи их герои, различна композиция и т. д. Но все же в романе П. Кучияка есть черта, которая типологически роднит его с горьковскими произведениями — это автобиографизм.

Автобиографизм как идейно-художественный принцип находит творческое продолжение почти в каждой национальной литературе. В тувинской эта традиция представлена трилогией С. Тока «Слово арата», дилогией С. Сарыг-Оола «Повесть о светлом мальчике», в якутской — книгой Н. Мордвинова «Весенняя пора», в чувашской — повестью С. Фомина «Детство», в казахской — произведением С. Муканова «Мои мектебы» и т. д.

Литературная традиция, возникшая под влиянием другого художника, другой литературы, носит национальный характер, то есть впитывает в себя краски, звуки, специфику родного слова, родной литературы, приобретает определенную национальную самостоятельность, но и не утрачивает интернациональный па-

фос, интернациональную направленность.

Повесть Ч. Чунижекова «Мундузак» (1962) в алтайской литературе подключается к традиции автобиографических повестей М. Горького, но это подключение не прямое, а опосредованное: автор «Мундузака», рассказывая биографию своего героя, ближе всего стоит к роману П. Кучияка «Адыйок». Эта близость проявляется в сходстве жизненного пути кучияковского и чунижековского героев, в сходстве жизненного материала и композиции. Идеино-художественная близость подчеркивается фактом, что одним из героев «Мундузака» является П. Кучияк, оказавший творческую помощь молодому литератору. Следовательно, автобиографизм, черта многих горьковских произведений, становится национальной традицией, обогащенной интернациональным опытом братских литератур нашей страны. Автобиографизм произведений алтайских писателей Л. Кокышева (повесть «Дети гор», роман «Арина»), Э. Палкина (повесть «Жеребенок ржет»), Д. Каинчина (повесть «Его земля»), Б. Укачина (повесть «Горные духи»), К. Телесова (повесть «Где та дорога?») носит качественно новый характер, обусловленный самой алтайской действительностью, идейно-эстетическим опытом литературы народов СССР и выдающихся зарубежных писателей.

Автобиографизм нельзя понимать как отражение в литературном произведении своей биографии, как рассказ о своей собственной жизни. Это слишком узкое понимание художественного принципа. Биографизм проявляется и в том случае, когда художник, описывая других людей, вкладывает в художественные образы свой личный жизненный опыт, свои чувства, переживания, мысли. Другими словами, автобиографизм есть познание человека через себя, через постижение своего внутреннего мира, есть стремление писателя к более глубокому социально-психологическому анализу человека, строителя нового мира.

Отсюда вытекает другая важная проблема, связанная с творческим освоением горьковского наследия в национальных литературах и, в частности, в алтайской, проблема горьковской концепции человека, которая проявляется в разнообразных художественных формах и имеет множество политических, общественных, философских и психологических граней.

М. Горький — художник-новатор. Новаторство охватывает различные стороны творчества писателя: идейное содержание и художественную форму. Открытие великим писателем человека-борца, представителя трудящихся классов, в частности пролетариата, было истинно новаторским. М. Горький своими произведениями «Мать», «Мещане», «Враги» ввел в литературу новых героев, активно участвующих в революционном преобразовании мира.

М. Горькому свойствен социалистический гуманизм. 23 февраля 1928 года М. Горький писал В. Фазулину: «Люблю человека. «Люблю» — это у меня не слово, а, так сказать, излюбленное мое ремес-

¹ Сб. «Золотое озеро» («Алтын-Кель»). — Горно-Алтайск, 1974, с. 97. (Перевод с алтайского наш — Г. К.).

² Сб. «Павел Кучияк. Воспоминания, дневники, письма». — Горно-Алтайск, 1979, с. 108. (Перевод наш — Г. К.).

³ В дневнике 16 июня 1936 года сделала запись: «Начал читать о детстве М. Горького». Сб. «Павел Кучияк. Воспоминания, письма, дневники». — Горно-Алтайск, 1979, с. 105. (Перевод наш — Г. К.).

⁴ А. Коптелов. Мои современники. — Барнаул, 1963, с. 69.

ло и даже, может быть, искусство. Думаю, иногда, что себя самого, — а особенно — Горького, — я люблю меньше и не так хорошо, как человека, который для меня издревле — чудо и творец всех чудес¹.

Горьковские уроки, стремление во всей полноте раскрыть нравственно-философскую проблему истинного искусства — показать свободного человека, получившего возможность все свои духовные силы направить на осуществление коммунистического идеала — стало магистральной программой литературы социалистического реализма. Горьковская концепция человека в силу своей жизненности и действительности привлекала национальных писателей.

Горьковская концепция человека своеобразно преломлялась и развивалась в национальных литературах. Значительные коррективы в эту традицию вносила, вносит и будет вносить сама изменяющаяся действительность. Специфика хозяйственного и бытового уклада жизни алтайского народа не способствовала писателям Горного Алтая в изображении личности типа Павла Власова, но алтайские литераторы стремились показать человека, идущего от темноты кочевой и полукочевой жизни к свету новой жизни, показать рост самосознания личности, рост его социальной и общественной активности.

В алтайской литературе горьковская концепция человека преломляется в аспекте, довольно характерном для младописменных литератур, — через изображение женщины, положение которой до Октября было особенно тяжелым и бесправным. В создании женских образов национальным писателям помогал горьковский роман «Мать», раскрывающий рост самосознания темной забитой женщины, ставшей на путь сознательной революционной борьбы.

В 20—30-е годы с экономическим и культурным ростом народов Сибири появляются женщины, активно участвующие в перестройке старого уклада жизни, стремящиеся к высотам социалистической культуры, проявляющие в работе и учебе творческую активность. Таких женщин М. Горький видел и восхищался ими: «Я вчера был в коммунистическом университете трудящихся Востока... Вышла там тувинская женщина, у которой ноги крепче телеграфного столба; она черт знает сколько на этих ногах простояла... Она — политически организованный человек, который распоряжается русским языком довольно свободно, умеет даже этакие колкие словечки двинуть в свою речь².

Автор данной работы обратился к некоторым писателям народов Южной Сибири с вопросом: «Какова роль М. Горького в Вашем творчестве?» Любопытен и интересен ответ тувинского прозаика Монгуша Кенин-Лопсана. В ответе отражены типические процессы, присущие литературам тувинцев, хакасов и алтайцев.

Сказанное великим писателем о тувинке стало известно М. Кенин-Лопсану, тогдашнему студенту Тувинского отделения

Восточного факультета Ленинградского университета: «Я читал, я был в восторге. Я радовался. Максим Горький, оказывается, лично встретился с тувинкой, с ней разговаривал, хвалил красоту и знание русского языка моей старшей сестры. Строки о тувинке знал, как хорошее стихотворение. После слов Горького я без плана, без выбора читал любую художественную книгу о женщинах. Читал много. Читал классиков Запада и Востока³.

Горьковское слово о тувинке помогло писателю выбрать тему для будущего произведения: «Где бы я ни был, что бы я ни читал, слово Максима Горького о тувинке всегда было со мною: великий писатель как будто мне советовал писать о человеке, с которого можно брать пример⁴.

М. Кенин-Лопсан, создавая роман «Судьба женщины» (Кызыл, 1973), стремился показать свою героиню, простую аратку Кулчи, именно с горьковских позиций. Героиня тувинского писателя проходит через горести и унижения и становится полноправным человеком родной земли, хозяином своей судьбы.

М. Кенин-Лопсан не отрицает своей связи в изображении национального характера женщины-тувинки с горьковскими традициями, а с гордостью утверждает: «Не боюсь и не стесняюсь сказать, что мой роман «Судьба женщины» является продолжением великой строки Максима Горького, посвященной роли и месту тувинки в новой свободной жизни! Мне дорога и священна классовая позиция Максима Горького, в этом я вижу бессмертную традицию великого писателя⁵.

Социалистическая действительность Горного Алтая давала немало примеров, свидетельствующих, что женщина-алтайка стала играть важную роль в общественно-политической и культурной жизни автономной области. Это достаточно подробно раскрыто в статье Е. Тошаковой «Женщина-алтайка в советский период⁶.

М. Горькому неоднократно приходилось встречаться с образами женщин-алтаек в первую очередь в книгах русских писателей, связанных с алтайской тематикой. Например, в романе В. Зазубрина «Горы» показана молодая алтайская женщина Темирбаш, которая так же, как и упомянутая М. Горьким тувинка, закончила в Москве коммунистический университет трудящихся Востока и стала активным строителем новой жизни. Горьковская оценка романа В. Зазубрина высока. Следовательно, у пролетарского писателя не было претензий к национальным характерам, созданным автором «Гор».

В 1936 году у М. Горького появилась мысль выпустить «бабий» номер журнала «Колхозник». В письме к В. Зазубрину от 1 января 1936 года он сделал ряд предложений, на что автор «Гор» ответил М. Горь-

¹ Из письма М. Кенин-Лопсана к автору работы.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Ученые записки» Горно-Алтайского НИИИЯЛ, вып. 4. — Горно-Алтайск, 1961, с. 3—21.

¹ ЛНС, т. 2, Новосибирск, 1972, с. 251—252.

² М. Горький. Собрание сочинений, т. 26, с. 60.

кому: «Я бы считал более целесообразным дать биографию Алмы (Кусургашиевой — Г. К.). Она, по-моему, ярче их всех, и, учитывая, что она ведь ойротка!».

Русские писатели, связанные с Алтаем, стремились изобразить женщину как активную личность. Это относится к В. Заzubрину, следовавшему традициям М. Горького, к А. Коптелову и другим художникам слова.

Стремление изображать активное начало жизни, то есть продолжать горьковскую традицию, присуще и для алтайских писателей, среди которых в первую очередь следует отметить Павла Кучияка. Именно в произведениях этого литератора более ярко и глубоко показана народная жизнь, раскрыты сильные национальные характеры.

Образ алтайской женщины, борющейся за свои права, создан в его поэме «Арбачи», в драме «Чейнеш», в которой юная девушка-алтайка становится в ряды защитников нового общества, становится активным борцом. Эти характеры продиктованы самой жизнью, носят в себе типические национальные черты.

При рассмотрении драматургического творчества П. Кучияка некоторые литературоведы порой механически сопоставляют его пьесы с произведениями русских драматургов. Например, «Чейнеш» сопоставляется с драмой А. Островского «Гроза». Критик С. Каташ в статье «П. В. Кучияк — драматург» пишет: «Чейнеш, как и героиня «Грозы» Катерина, мечтает: «Хорошо бы превратиться в птицу, взлететь высоко, улететь далеко, далеко!.. Туда, где всегда лето, всегда светит яркое солнце!» Однако осуществить мечты о счастливой жизни в условиях господства байско-зайсанского режима ей не удается. Бедняки еще не знают путей для освобождения»¹.

Русская Катерина и алтайская Чейнеш — образы, которые сопоставимы лишь по своим отдельным чертам характера (мечтательность героини), в принципе это совершенно разные натуры, отличающиеся друг от друга. Катерина — художественное открытие критического реализма, Чейнеш — образ, выражающий черты нового художественного метода, метода социалистического реализма.

Литературовед С. Каташ не ограничивается некоторыми частными сопоставлениями образов Катерины и Чейнеш, а делает обобщающий вывод: «Пьеса «Чейнеш» — лучшее достижение алтайской драматургии. Она является показателем того, как под благотворным влиянием русской классической литературы выросла алтайская драматургия»².

Многие документы П. Кучияка — письма, дневники — убеждают в том, что П. Кучияк знал не только произведения русской классической драматургии (А. Островского), но и пьесы советских и зарубежных драматургов: М. Горького, Н. Погодина, Гольдони. Отдельные пьесы переводились им на алтайский язык.

Прав литературовед М. Бочаров: «Существует распространённое мнение о влиянии на драму П. Кучияка «Чейнеш» пьесы Островского «Гроза», в связи с чем в некоторых статьях, посвященных П. Кучияку, встречаются параллели (Катерина — Чейнеш) не всегда оправданные, а иногда и просто надуманные. Нет никаких оснований называть Чейнеш «ойротской Катериной», равно как и нет причин сравнивать «темное царство» Кабанихи и Дикого с «темным царством» колчаковской реакции на Алтае. Никто не станет отрицать того обстоятельства, что Кучияк воспитывался на русской литературе, лучшие произведения которой были для него образцами творчества. Но основной исходной позицией для Кучияка была жизнь алтайского народа. Писатель шел от самой жизни, и именно это прежде всего определило оригинальность образов, остроту проблем и жизненность его произведений»³.

П. Кучияк длительное время искал в жизни и стремился в своем творчестве изобразить активную личность, показать женщину-алтайку, которая может бороться за свои права и которая включается в классовую борьбу. К таким произведениям необходимо отнести поэмы «Арбачи» и «Смерть Янар». Уже в них П. Кучияк воплощает черты человека новой формации, но образы Арбачи и Янар — это всего лишь предтечи героини Чейнеш. Национальная жизнь диктовала писателю законы и принципы, по которым рождался образ Чейнеш, являющийся воплощением социалистического идеала, воплощением горьковской концепции личности.

Идейно-эстетические принципы социалистического реализма формируются самой жизнью. Это присуще русской и всем литературам народов СССР. Черты нового творческого метода в произведениях П. Кучияка возникали потому, что сама алтайская действительность давала материал, а лучшие литературные образцы социалистического реализма, произведения М. Горького, А. Фадеева, М. Шолохова помогали корректировать творческие приемы, связанные с созданием положительного героя, активной личности.

Образ Чейнеш П. Кучияка нельзя механически сопоставлять с Катериной Островского, неправомерно будет и сопоставление этого национального характера с женскими образами произведений М. Горького. Процесс взаимодействия и идейно-художественного взаимообогащения литератур проявляется не через какие-то внешние признаки и частности, а через общие принципы и закономерности. Горьковская традиция, традиция социалистического реализма, посвященная изображению активного человека, строителя нового мира, и продолжается в драме П. Кучияка «Чейнеш».

Горьковскую концепцию человека, традицию создания положительного героя можно проследить и на примере других

¹ М. Бочаров. «Драма Павла Кучияка «Чейнеш». — «Ученые записки» Горно-Алтайского НИИИЯЛ, вып. 4. — Горно-Алтайск, 1961, с. 96.

² ЛНС, т. 2, Новосибирск, 1972, с. 352.

³ «Звезда Алтая», 1967, 17 марта.

⁴ «Звезда Алтая», 1967, 17 марта.

образов драмы «Чейнеш» (Кара, Андрей Куреев). Эта творческая линия продолжается в повестях П. Кучияка «Аза-Ялан», «Юскюсуул», в рассказе «Тойчи», в романе «Адыйок». В своих творческих поисках алтайский писатель не ограничивался освоением литературного наследия великих предшественников и современников, а внимательно вглядывался в революционные преобразования, происходящие в Горном Алтае, изучал нового человека и соотносил со своими идейно-эстетическими взглядами стремился показать борца и строителя социализма.

В ином аспекте рассматривается развитие горьковских традиций в творчестве последующих писателей Л. Кокышева, Д. Канчина, Б. Укачина... При анализе произведений алтайских писателей младших поколений необходимо учитывать, во-первых, возросший общий культурный и образовательный уровень писателей, их более высокую теоретическую подготовку, во-вторых, знание алтайскими литераторами основных идейно-художественных принципов метода М. Горького. Проблема на современном этапе заключается в том, насколько творчески, насколько самобытно продолжают горьковские традиции в алтайской литературе.

Горьковская концепция человека самобытно воплощается в романе алтайского писателя Лазаря Кокышева «Арина», главной героиней которого является женщина-алтайка. Автор показывает становление и формирование личности Арины в острых конфликтах, в острой борьбе. Л. Кокышев разворачивает широкое полотно жизни, охватывающее время гражданской войны, коллективизации сельского хозяйства и годы Великой Отечественной войны.

На значительном историческом фоне писатель раскрывает рост самосознания своей героини, ее трудный и драматический путь: неграмотная до революции женщина вырастает до руководителя, становится в суровые военные годы во главе колхоза. Л. Кокышев средствами художественной изобразительности убедительно показывает духовный рост и возмужание героини.

Горьковские традиции, проявившиеся особенно ярко в романе «Мать», творчески развиваются Л. Кокышевым на самобытном материале национальной жизни. Роман «Арина» — не подражание великим образцам, а самостоятельное художественное исследование народного характера, воплощенного в образе Арины. В данном случае важны не отдельные внешние детали, сближающие кокышевскую «Арину» с горьковской «Матерью», а идейно-художественные принципы изображения человека, создающего материальные блага.

В этом смысле горьковское отношение

к человеку наблюдается в творчестве алтайских прозаиков Д. Канчина, Б. Укачина, К. Телесова, которые стремятся показать социальную и общественную активность своих героев, показать человека, борющегося за коммунистические идеалы.

В алтайской прозе развивается героико-романтическая повесть, в основу которой ложатся героические события исторического прошлого или трудовые подвиги настоящего. Наблюдается стремление писателей показать героические характеры, необычные или сугубо будничные дела романтически, лирически-взволнованно, приподнято. Лирика используется с целью подчеркнуть героико-романтический пафос произведения. Такова повесть Б. Укачина «Цвет времени», не лишенная определенных художественных недочетов. Но в ней писатель с горьковских позиций изображает активную личность комиссара-алтайки Нины Сергеевны Баграшевой, жизненность которой вне всяких сомнений. Героический образ женщины-комиссара, прошедшей путь от батрачки до сознательного борца за революционные идеалы, требует романских форм, более емких и глубоких.

Таким образом, исторический путь алтайского народа достаточно отражен в прозе, драматургии и поэзии; в росте художественного мастерства алтайских писателей разных поколений значительна роль М. Горького, его идейно-эстетического опыта. Горьковским духом пронизаны многие произведения алтайской литературы.

Книги писателя-интернационалиста М. Горького стали достоянием национальных культур. За годы Советской власти замечательные произведения пролетарского художника слова переводились на алтайский язык: «Мать», «Детство», «В людях», «Мои университеты». Достоянием алтайского читателя стали «Песня о соколе», «Песня о Буревестнике», рассказы «Челкаш», «Макар Чудра», «Старуха Изергиль» и многие другие. Это — еще одно яркое свидетельство эстетического обогащения литератур нашей страны.

Идейно-художественный опыт М. Горького имел и имеет важное значение для развития алтайской литературы. Под влиянием пролетарского писателя развивается новое качество алтайской прозы — автобиографизм (П. Кучияк, Ч. Чунижеков, Л. Кокышев), развиваются и формируются жанры (рассказ, очерк, повесть, роман), творчески продолжают основные идейно-эстетические принципы М. Горького: партийность, изображение положительного героя, социалистический гуманизм. Многие произведения великого художника слова, переведенные на алтайский язык, идейно и эстетически обогатили алтайскую литературу.

Георгий КАРПОВ

СИЛА ВОПЛОЩЕНИЯ

ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ В. БАШУНОВА

I

Писать о стихах Владимира Башунова трудно.

И не просто сформулировать, в чем эта трудность заключается. Есть старый способ постепенного приближения к истине через отсеивание лишнего. Попробуем воспользоваться им.

Трудность не в том, что Башунов поражает новизной тем или формы. Он как раз тяготеет к классическим ритмам и размерам. И темы его из тех, что называются «вечными».

Не в том, что стихи Башунова трудны для восприятия, непонятны, зашифрованы. Они прозрачны и открыты, но впускают в свой мир не торопясь, «с разбором». Может, в этом и заключается первая трудность.

Как известно, личностное, индивидуальное начало в лирике — основное, главное, единственное. Но того, кто по стихам Башунова попытается составить представление о личности поэта, ждет разочарование. Он, может быть, не реже других употребляет слово «я», но это «я» настолько полно растворено в образном строе стихотворения, что создается иллюзия возникновения стихов без всякого участия поэта. Это, понятно, обман. Но такой «обман» в поэзии ценится высоко. Он происходит от точно найденной, ненавязчивой, естественной поэтической интонации. Башунов не восклицает: «Ах, какая это красота». Он рассказывает, как акая это красота, так, что она входит в душу, рождая в ней ответную теплоту. Так работает поэзия, возвышая, «обманывая», поднимая человека. Ее задачи не просты, не просто и понимать ее. Во всяком случае, на примере осмысления лирики Владимира Башунова это можно убедительно показать.

Его первая книга вышла десять лет назад. Две статьи разных критиков, опубликованные в альманахе «Алтай» тогда же, по-своему приветствовали новое имя. Ответственную критическую задачу суждения о первом выходе поэта можно решать только при условии бережного и внимательного, но вовсе не исключяющего строгости отношения к созданному им.

Рецензия Г. Шленской («Алтай», № 1, 1971) доброжелательна и ободряюща: «Начинающему поэту удалось создать хотя и небольшой, но отчетливо свой поэтический мир... Кроме сразу определившегося самого пристального внимания к жизни природы, уже в первых стихах Башунова сказался интерес поэта к историческому прошлому русской земли.

Первый сборник стихов «Поляна» — во многом расставание с детством. Мир обрушивается на поэта всей своей диковинной многокрасочностью, многозвучностью. Он захлебывается, буквально ошалевает от непрекращающегося потока новых впечатлений...

Да, ощущая всю безграничность счастья бытия, он еще очень часто не в силах совладать с половодьем чувств, с многокрасочностью своих впечатлений и разобрататься в них. Отсюда — нередко возникающая в его стихах неопределенность интонации, настроения и образа...»

Ободряющий общий тон статьи не помешал критику высказать очень серьезные замечания, указать на слабости. Не со всеми положениями статьи можно согласиться, но она — пример критической объективности. Дальше Башунову в критике везло все меньше. Критик Л. Ханбеков отозвался на первую книжку поэта статьей («Алтай», № 3, 1971), напоминающей разоблачение:

«Отсутствие художественной достоверности, вещности, осязаемости образов, налет инфантильности порождают красивые строчки, необычные словосочетания, «игру затей», как выразился сам Башунов, но все это не может помочь поэту обрести творческое «я», проявить индивидуальность. Владимир Башунов по слогу, по тематическим привязанностям — лирик. Но лирика еще не давала поэтам права терять социальное, классовое лицо. Нежные женщины, что пели нежные песни, бесконечная печаль, что заставляет лирического героя плакать, «в синюю траву заламывая руки», светляки, что зажигаются в ночных сосняках «с безысходной людскою мукой», не способны при всей картинности придать стихам общественное звучание. А что иное, как не общественную позицию, как не характер гражданина нового мира

своими средствами, своим настроением должна воспитывать современная лирика?»

Ах, какой пассаж! Ничем-то он, кроме общей путаницы в понятиях и непонимания самого существа поэзии, не интересен, но с «легкой руки» Ханбекова весь набор обвинений стал переходить из одной статьи о Башунове в другую. Далеко ушел поэт от своих юношеских стихотворений, а критики, от души похвалив за художественность, привычно напоминают, что стихи «не выверены до конца по приметам... социального времени» (К. Саранча, «Алтай», № 4, 1976). Можно просто решить, что нынче слово «художественно» уже не значит: достоверно! Спорить с этими критическими мнениями нужно и должно и ради самого поэта, и ради читателя, который давно уже открыл для себя Владимира Башунова. Стихи его в магазинах не залеживаются.

Дебют Башунова, его первая тонкая книжка «Поляна» вмещает всего тридцать стихотворений. О чем они? Их несложно рассортировать по темам и настроениям, но вспоминается такая вот усмешка Маршак:

О чем твои стихи? — Не знаю, брат,
Ты их прочти, когда придет охота.
Стихи живые сами говорят,
И не о чем-то говорят, а что-то.

Что ж, попытаемся увидеть, что говорят стихи.

Притомились. Бросили тяпки.
Повалялись в июньский цвет.
На простиранной чистой тряпке
разложила мама обед.

Торопиться теперь? Да полно!
Погляди, как из трав густых
вышел к пашне высокий полдень,
призадумался и затих.

Рябчик свистнул. Валежник охнул...
Не раскритиковать утомленных глаз.
...Мама снимет тихонько кофту
и прикроет заснувших нас.

Если найдется в первой книжке еще хотя бы одно стихотворение, как-то приближающееся к этому по силе выразительности, то появлению книги уже оправдано. Уже можно говорить об органичном поэтическом даре. И сказать спасибо поэту, сохранившему в душе заповедные уголки страны детства и — главное — сумевшему воскресить в первоизданной свежести и яркости воспоминания детства, а дальше растревоженная память читателя пойдет работать и далеко уведет человека. У поэзии сотни определений, но один из главных признаков ее состоит в том, что поэтическое содержание невозможно пересказать прозой. Оно может быть передано только средствами поэзии. Можно потратить много слов, пытаюсь передать все, что сказано у поэта в двенадцати строчках, но всегда останется что-то недосказанное, а вкус и аромат поэзии исчезнут. Здесь — ни прибавить, ни убавить,

каждое слово неразрывно скреплено с другими, и каждое слово — краеугольное. Это стихотворение о детстве, но не стихотворение для детей. Оно для взрослых, которые не забыли детства. Оно «взрослое» по выразительности и способности художественного образа увеличивать свою емкость, наполняясь конкретным содержанием, которое вносит в него читатель.

Удачи, подобные этой, не часты. На той же «поэтической поляне» находим «Три обращения к детству». Обращения издавна окрашены традиционной элегической грустью, размыты и неопределенны. Главное чувство, которое рождает и движет стихи, — благодарность детству, но его не сразу и рассмотришь за мозаикой неопределенных образов, очень важных для поэта, но не умеющих «сцепиться» с душой читателя. Весьма возможно, что поэтический замысел стихотворения почти соответствует исполнению. Речь не о том. Трогательная поэтическая грусть по детству, понятная в момент прощания с ним, с каждым прибывающим годом должна бы терять свою эмоциональную силу. Так оно и происходит. Именно потому стихотворение «Притомились. Бросили тяпки...» несравненно выше «Обращений к детству», что в первом никаких следов поздней тоски по детству нет. Там — чудо поэзии, воскрешенный, остановленный миг детства. В «Обращениях» есть точно найденные строчки, но нет сильного общего впечатления:

Мокрые кони бродили по лугу,
по сонному лугу, по лунному кругу.
Спелые ягоды в листьях качались,
сладко качались, часто встречались...

К слову сказать, строка «Нежная женщина песенку пела», так люто не понравившаяся Л. Ханбекову, вырвана им из этого стихотворения:

Нежная женщина песенку пела,
брезжило утро, и речка синела.
Где это было и с кем это было?
...Женщина пела и травы косила.

И сама по себе эта строчка — не повод для разоблачения или одобрения, а прием выдиранья строчек и слов из контекста для доказательства чего угодно так же стар, как и нечистоплотен. «Человек без Родины — сирота. Потому что душа глубоко корнями уходит в родную почву, и если вырвать ее, высохнут корни — будет перекаати-поле... Родина во всем: и в пейзаже, в домах, и в крестах на могилах, и в старине, и больше всего в искусстве» (Борис Шергин).

Деревенское детство — это дар судьбы, но понимание ценности этого приходит нескоро. Ритмы и образы природы тысячелетия оказывали благотворное воздействие на душу человека. Человек, порождение природы, вышел, выломился из нее. Мудрецы свели человека назад, к природе, а цивилизация долго и успешно воевала с ней. Когда ученые забили тревогу, слишком многое в природе оказалось уже безвозвратно потерянным, уничтоженным.

И достигнет ли когда-нибудь равенства сумма получаемого от природы и отдаваемого человеком ей?.. Гадать не стоит, но чувство природы у современного человека лишено той благостности и умиротворенности, что была у созерцателей прекрасного в старину. А стремительное изменение тысячелетней русской деревни, совершавшееся на наших глазах, должно привести к тому, что человек все менее будет зависеть от капризов стихии. Цель высокая и подлинно гуманная. Но достижение ее связано с такими переменами в экономике и нравственности, в мировоззрении и пейзаже, свыкнуться с которыми нелегко. Всего труднее и медленнее меняется на земле сам человек. Участвуя в общем движении человечества, внося сильный вклад в изменение картины мира, он часто не принимает последствий собственной деятельности.

Деревня изменяется — хорошо! Не осталось в стране голодных, бездомных, необогретьных — прекрасно! Но когда полюшко-поле превращается в цех, производящий корма или зерно, когда цех этот должен дать столько-то продукции, а человек,двигающий рычагами науки и техники, обязан следить за тем, чтобы земля «не ленилась», тогда исчезнет вековая поэзия крестьянского труда. А то, что творит природа, отмечено знаком не качества, а совершенства, созданное же человеком слишком часто уродливо. Кроме того, в природе человек видит гармонию, по которой может только тосковать, имея в виду отношения между людьми и отношения людей к природе, хотя сам он является только частью природы, зависящей частью ее...

Жизнь права, и душа права. А в трагическом разрыве между ними, как тоска по гармонии и совершенству, живет поэзия. И кто виноват в том, что сознание современного человека остро драматично, что все реже нынешний поэт видит «невозмутимый строй во всем» (Тютчев), что, даже видя его, не доверяет его незыблемости.

Переломился месяц о трубу
избы моей — серебряно и чудно.
И вновь во мне заговорило чувство
любви к природе и ее труду

незримо. (Откуда и когда,
по прихоти какого providенья
возникли эти синие виденья
и этот снег, облекший провода?)

Как просто разбазарила она
себя вокруг. Как ярко и беспечно.
Как будто не навечно, но — на вечер
ей сила воплощения дана.

Как будто бы не надо поберечь
на будущее все свое умение.
Как будто завтра оборвется пенье,
и на губах заиндевет речь.

Это написано более десяти лет назад. Кто знает, что разумел критик, говоря о «приметах социального времени», но это стихотворение является ярчайшей приметой души современного человека.

«Чистое» созерцание красоты природы, совершенства ее для современного поэта, пожалуй, уже невозможно. Да его, «чистого», без растворенных в образном строе стихотворения земных, человеческих мыслей и чувств у подлинных поэтов никогда и не было. Но что поделалась, расхожее противопоставление гражданской и интимной лирики, несостоятельность которого не раз уже убедительно доказывалась, все еще живуче... Принцип неопределенности — один из основных принципов поэзии — все еще служит верную службу критикам, которые, не встречая в стихах сиюминутных, а то и просто конъюнктурных примет, ничтоже сумняшеся зачисляют поэта в разряд камерных или еще куда похуже...

Иногда кажется, что Башунов сам подставляет себя под критический огонь, провоцируя нападки:

Вершится таинство в природе.
Уже незримая рука
в лесу, на речке, в огороде
всего коснулась слегка.

И на неприбранной поляне
на целый день решаю я
остаться в пестром балагане,
в гостях у синего ручья.

Здесь обостренной ощущенья,
свободней помыслы и речь.
Здесь птичьим повистом и пеньем
нельзя надменно пренебречь.

Здесь ничего б не помешало
присесть к пеньку и начертать:
«Уж небо осенью дышало»,
когда бы знать, как продолжать.

(Цитируется по книге «Три дождя»)

Г. Шленская («Алтай», № 1, 1971), отметив «тоску по мастерству», хорошо различимую во многих юношеских стихах Башунова, выделяет это стихотворение: «Чтобы выразить испытываемую красоту, понадобилось обратиться к чужому опыту, облечь свое переживание в чужие слова». Последнее утверждение представляется спорным. Тоска по мастерству не только «различима», о ней, о муках слова написано несколько хороших стихотворений, но художественная мысль цитируемого стихотворения не только и не столько о тоске, сколько о надежде. Да, включение пушкинских строк в собственное стихотворение — вещь опасная, рискованная. Но включены они вовсе не затем, чтобы выразить испытываемую красоту (и можно ли с полной уверенностью сказать, что сам Пушкин был озабочен выражением именно красоты?), это Башунов и «выражает» в первых трех строфах стихотворения по-своему. А невольное припомнившееся пушкинское, хрестоматийное встает перед ним как творческая задача гигантской трудности. Разве сам Башунов не замечает, что голые, конкретные, «предметные» строчки Пушкина:

короче становился день...
ложился на поля туман...

рядом с его собственными:

...таинство в природе...

...незримая рука...

не могут не поражать своей ясностью, прозрачностью. Продолжать — значит для Башунова немедленно отказаться от «незримых рук» и «природных таинств» и учиться у Пушкина находить поэзию не в красивых словах, а в голой конкретности жизни, потому что «лесов таинственная сень» есть поэтический образ, а таинство, вершащееся в природе, — только красивая туманность. Понять это, в общем, не сложно, а сделать?..

Вот стихотворение «Гость», обозначившее некоторый перевал в биографии и лирике поэта. (Не вижу причин в этом случае отделять одно от другого. Выдуманный стыдливый литературоведами термин «лирический герой» вряд ли может быть приложен к стихам Башунова. Да и ни один поэт не требовал для себя этого фигового листка.) Быть гостем в родном доме — ситуация хорошо знакомая детям двадцатого века. В русской же литературе от Есенина до Шукшина в силу ряда конкретных исторических причин она имеет особое значение. Пусть драматизм ухода из родного сельского дома в город потерял свою остроту по сравнению со временем Есенина, он все же существует. Но никаких параллелей, созвучий с названными именами стихотворение Башунова проводить не позволяет. Очень светлое, жизнелюбивое, радостное чувство, возникшее при узнавании родных мест, остается в стихотворении доминирующим. Совершенно зряшным делом было бы искать в нем какое-то противопоставление села городу. Его нет, как нет ни намека на городскую неприютность, одиночество и прочее. Просто и естественно было уехать в город за образованием, но и дорога домой никому не заказана. Родной дом — это родной дом, радость от свидания с ним выплескивается бурно и щедро:

Эти горенки,
эти ставенки...
За избою плывет изба.
Я серебряный ковшик памяти
поднимаю к сухим губам.

На исходе июльской ночи
оброню его на траву.
У промокших лесных обочин
куст шиповника оборву.

И увижу, как отрешенно,
по-разбойничьи глаз скосив,
охорашивает ворона
перья дымчатые вразлив.

Нет и намека на какую-то виноватость перед родным домом и краем, которая то искренне, то выпренно звучала во множестве стихотворений разных поэтов в шестидесятые годы. «Комплекса вины» поэт не имеет. Сказалось время, стоящее на дворе, и время личное, ведь он

только-только выбежал из детства
и еще не понял ничего.

Но уже есть твердая уверенность, что предстоит понять многое, и предчувствие того, что в преображенном человеке родной дом хоть и будет жить разнообразными воспоминаниями, но сила и власть их ослабеет. Уже Есенин болезненно завидовал людям, которым мать не село, а вся земля. Время же, прошедшее с тех пор, утвердило в людях представление о стране, как о своем громадном доме. Просто и естественно малая родина живет в большой, и нет и не может быть между ними болезненно воспринимаемого расстояния. Поэтому «было» и «стало» в душе поэта не враждебны:

Все, что было, — сбережено,
все, что стало, — сбережешь.

Новая, неизмеримо более широкая духовная общность утверждается в стране, и кому ж, как не поэту, принять ее.

На этом хочется поставить точку в разговоре о первой книге поэта. Из тридцати стихотворений, населяющих ее, речь шла едва ли о десятой части. Не потому, что «никто не обнимет необъятного», а потому что избранные стихи обозначили некий рубеж, которого достиг поэт. Нити от рассматриваемых здесь стихотворений потянутся в другие книги. Исчезнут, как детские болезни, многие красоты, идущие от литературной традиции, а не от собственного видения жизни. Понимание жизни будет наполняться все более глубоким, значительным содержанием.

II

Три книжки стихов — итог десяти лет труда. Можно раскрыть и положить рядом. Владимир Башунов. «Васильковая вода». Барнаул, 1975. Вот хорошо знакомое стихотворение. А это тоже знакомое, но сильно измененное. Любопытно сравнить измененное. Любопытно сравнить с первой редакцией. А вот подряд пять новых! Интересно, как он сейчас?..

Вторая книга — важнее первой. Кто может предсказать пути развития поэтического дарования, неясные и самому поэту? Как преодолет он инерцию удачно найденных образов? Не станет ли без конца эксплуатировать однажды понравившееся читателю? Много трудных вопросов, и путь поэта от первой книги ко второй не легок. А судят поэта, как известно, по результату и уже без скидок на молодость и неопытность. Это так. Но поэт не имеет права остановиться. Великие образцы, которыми столь богата русская лирика, светят ему, напоминая: скажи свое несуетное слово о своем времени. Не смущайся малыми силами, ставь перед собой большие задачи, «не позволяй душе лениться».

Книгу «Васильковая вода» открывает это стихотворение:

От весны до весны,
от звезды до звезды
будут речи ясны,
терпеливы труды.
И не будет войны,
и не будет беды
от сосны до сосны,

от воды до воды.
Будет друг навещать,
руку класть на плечо.
Будет мать угощать
завитым калачом.
Если дым, то из труб,
если гром, то с небес.
И ни горестных губ,
и ни вдовых невест.
От сосны до сосны,
от воды до воды,
от весны до весны,
от звезды до звезды.

Жаль, что невозможно измерить, сосчитать, сколько душевного труда вложено в это стихотворение, сколько должно быть пережито, пропущено через душу, обдуманно и взвешено, чтобы однажды, как итог и программа, как трудно добытая истина, родились строчки:

И не будет войны,
и не будет беды...

Но не дело поэта — рассказывать, каким путем он шел к своему открытию. Истина поэтическая — не научно доказанная истина, хоть и может обогнать последнюю на десятки лет. Это много раз бывало в русской поэзии. Лаборатория поэта — душа его. Его способ постижения закономерностей жизни неприемлем для ученого, но добытое ученым и поэтом может совпасть в главном. Речь не о том, что Владимир Башунов обнародовал прекрасную новость, и нужно немедленно довести ее до сведения пострадавшего в неведении человечества. Эта новость для иных не нова, другим она ровно ничего не говорит, а третьим еще предстоит самим открыть для себя то, что давно уже открыто... Поэтическая истина может войти только в душу, открытую для нее. Но этому можно помочь: сказать, что «ясные речи», «целые веры в жизнь», — итог «терпеливых трудов» и неторопливых размышлений человека, знающего цену словам; что в реальности этого стихотворения, как в старинном заклятии, четкий ритм утверждает правоту смысла, помогает ему утвердиться в душе человеческой, что стихотворение напоминает молитву — в человеческом, психологическом значении этого слова...

Уже в первой книге Башунов продемонстрировал незаурядный уровень поэтической техники. Видно было, что поэт очень заботится о форме и «отделке» стиха. Во второй своей книге Башунов так «обмолвился» о своих пристрастиях:

И в наши дни живут размеры
прекрасной пушкинской поры.
А в них гармония и мера —
две неразлучные сестры.

И пусть я сам пишу несладко,
пусть не умею так сказать,
они живут, и мне отраднo
об этом ежедневно знать.

Размеры пушкинской поры действительно живут. И живучесть их опреде-

ляется замечательным богатством выразительности, которым обладают традиционные ямбы и хорей. Недаром все лучшие достижения русской поэзии XX века, за исключением такого явления, как Маяковский, связаны с ними. Анализ поэтической техники Башунова не входит в задачу данной статьи. Скажем только, что «гармония и мера», на которые ориентируется поэт, говорят о высокой требовательности к себе. А еще недавно, в первой книжке, замороженный магией поэтической классики, Башунов, сам того не замечая, писал высокое, стилизованное:

Скоро снег упадет. И сойдет благодать
на притихшую душу мою.
И сойдет благодать на обеты мои...

В первой книге Башунова нет прямых обращений к теме России, попыток по-своему написать ее образ, хотя ощущением Родины проникнута буквально каждая строка юношеских стихотворений. Не станем гадать о причинах, но, может быть, до поры человеческого и гражданского возмужания и не стоит обращаться к столь высокой теме. «Мы запретим декретом Совнаркома писать о Родине бездарные стихи», — обещал Семен Гузенко. Чувство очень понятное, но запретить может одна только совесть пишущего. А слишком много стихотворений о России напоминают пересказ учебника истории для средней школы: половцы — псы-рыцари — Мамай — Наполеон... Для такого понимания души России ни ума, ни чувства не требуется. Вырывая из истории события, которые кажутся более значительными, поэт может добиться какого-то эффекта, тем большего, чем меньше он будет заботиться об исторической правде. Есть и другой хорошо натоптанный путь — переосмысление и перепевание стихотворений о России, созданных великими поэтами. (К слову сказать, первый наш поэт никогда не пытался создать в одном стихотворении образ России, а к истории обращался много раз и «Бориса Годунова» написал...) И Башунов отдал известную дань литературщине:

Рассыпается топот конниц,
Выгорает в лугах трава.
От пожаров ли,
от бессонниц
запрокидывается голова.
.....
Я поверил бы, что неправда,
просыпаясь,
но поутру
плачут лебеди за Непрядвой,
стяги плещутся на ветру...
(«Русь-славяночка»)

Не приходится долго искать поэтический первоисточник этого стихотворения. Не собственным видением мира, а литературой продиктовано это:

В распадке синяя трава, и
прохладная, густая.
В распадке плачет тетива

по лебединой стае.
И ропщут гневные леса,
когда неумолимо
стрела пронзает небеса,
а крылья так ранимы...

Нет никаких возражений против поэтической мысли стихотворения, но заемная образность уж очень сильно отдает красотой, столь чуждой лучшим стихотворениям Башунова. И если верно суждение о поэтическом даре поэта, как о естественном и органичном, то в цитированных строчках можно увидеть измену самому себе, попытку петь не своим голосом.

Есть поэты (и талантливые), творчество которых полностью ориентировано на культурную традицию. И они по-своему участвуют в общем движении литературы. Культура — понятие сложное, многомерное... Но как тут не сослаться на авторитет А. Т. Твардовского, который не принимал стихотворений о стихах. В самом деле, зачем писать стихи (или песни) о есенинских березах, не лучше ли написать о своей березе? Лучше-то лучше, а только труднее: нельзя выдумать свою березу, если ее нет, а есенинская береза — образ уже готовый, поэтический, признанный... Нет, к Башунову все это прямо не относится, но проявления литературщины многолики, и тем досаднее встречать их у поэта, который обычно говорит «от первого лица», вот так, например:

Не сумерки, а ворожба.
И как прозрачную икону,
со светом,
пущенным наклонно,
окно затеплила изба...

(«Сумерки»)

Тонут снега почернелые
в горьком осеннем дыму.
Морок да изморозь белая
гасят лазурь и сурьму.
Лес еще светится охрой.
Скоро и охра сойдет...

(«Тонут снега почернелые...»)

Чем естественней поэтический образ, тем труднее сказать, в чем его обаяние. Обманчивая простота, безыскусность строк создает впечатление, что этот образ существует уже в природе. Поэту только и нужно было облечь его в слова. Только!..

Лишь сравнивая такие стихи с другими, в которых поэтический образ не очищен от словесной шелухи, чужеродных влияний, поверхностных впечатлений, понимаешь, что стоит за словами о единстве формы и содержания. Однако пора вернуться к теме разговора. Строго говоря, все стихи Башунова — о России, о русской природе, русском характере, и когда поэт называет одно стихотворение «Русь-славяночка», а другое — «Россия», то значит ли это, что в них русского духа больше, чем в других? Точнее, это значит, что автор пытался сконцентрировать, спрессовать на небольшом пространстве стихотворения как можно больше образов-представлений и добился того, что сти-

хотворение, перегруженное ими, стало тяжелым, неуклюжим, и взволнованная интонация ничему не может помочь. Видимо, слова Твардовского о «дежурных одах» могут объяснить и неудачи Башунова. Дело не в том, что обращение его к столь высокой теме вызвано какими-то суетными обстоятельствами, а в том, что сама тема не терпит ни ложного глубокомыслия, ни душевной смуты. Случалось, что стихи о России, написанные в дни великих испытаний, рождали сильный отклик в русских сердцах, но происходило это, «когда серьезные причины для речи вызрели в груди». Творческими удачами поэта стихи о России не назывались, но на этом основании упрекать поэта в недостаточности гражданских чувств было бы неразумно. Выстраданная формула Бориса Пастернака «побед от поражений ты сам не должен отличать» не является отпущением поэтических грехов, но за ней — опыт творчества и понимание психологии художника. А окончательный приговор выносит, понятно, время.

Без неудачных книг не было бы удачных. И хотя у Башунова есть основания быть недовольным своей второй книгой, она — несомненное свидетельство движения поэта. Ни один, даже самый блестящий поэтический путь, невозможно представить в виде прямой, кругоходящей к сверкающим вершинам. Линейными аналогиями поэзию не объяснить. Изменение, рост — это отрицание достигнутого уровня во имя нового. И не всегда отрицается худшее, а то, что рождается, не сразу становится совершенным. Речь пойдет не о худших и лучших стихах, а о написанных раньше и «теперь». Тем и удобен избранный для статьи принцип разговора о книгах, что каждая новая книга поэта как бы подытоживает изменения, происшедшие в творческой манере поэта, в его понимании мира. А о том, что Башунов недоволен своей второй книгой, позволяет судить вышедший в 1979 году сборник «Три дождя». Это лучшая книга Башунова. Очень тщательно отбирая стихи для нее, едва ли десяток стихотворений автор включил из тех, что были напечатаны в «Васильковой воде». Вот одно из характерных для этого сборника стихотворений:

Заведи меня к заводи
по траве,
по росе.
Там смородина в завязи,
в заповедной красе.
Там ромашка до венчика
недоступно хрупка.
Там синица доверчива,
там трава глубока.
Заведи меня,
милая,
не томи,
не таи!
Или канули,
минули,
вышли сроки мои?
Хорошо, да напрасно?
Не по силам берешь?
Словно рвешься на праздник,

а его не найдешь.
Может, птица как птица
и трава как трава.
Может, не повторится
то, что было сперва.
Тонет солнце на западе,
холодеет в груди.
...Заведи меня к заводи,
заведи, заведи!

Это стихотворение имеет немало «родственников» в «Васильковой воде». Оно показывает известный уровень поэтической техники, оно не худшее у поэта, но места ему и многим другим в новой книге не нашлось.

Итак, книга «Три дождя», 1979 год.

По-прежнему ощущением и переживанием красоты и добра наполнены стихи Башунова. Без них поэзия просто не может жить. Даже когда поэты говорят о вещах отнюдь не прекрасных, когда горечь, ирония, злость звучат в их стихах, рождает их тоска по высокому и прекрасному и невозможность воплощения идеала в жизни. И здесь, очевидно, пора сказать еще об одной особенности лирики Башунова.

Перечитав все написанное им, не находишь положения или образа, который бы вызывал резкое осуждение или неприятие автора. Понятно, как всякий человек, он видит в жизни не одни умиляющие сердце картины, видит он и отталкивающее, и безобразное, но нет в его стихах гнева или сатирических обличений. В эту особенность этической позиции автора нужно взглянуть повнимательнее.

Десять лет назад, представляя читателям первую книгу Башунова, Г. Шленская писала о «самом пристальном внимании» его к жизни природы. Доказывать это положение не нужно тому, кто сколько-нибудь знаком со стихами Башунова. Можно было бы долго цитировать его стихи-настроения, сообщения природой. Выросший в поселке в предгорьях Алтая, «сыновней призванный любовью», он убежден в безмерной талантливости природы и не ищет в ней роскошных картин, находя скрытую теплоту и красоту в обычном, примелькавшемся:

Снег летит, и кружится, и тает,
заябку заполнив пустоту,
точно пролетает в небе стая
и роняет перья на лету.

(«Снег летит»)

Сначала окно голубеет,
лицо обдает холодком.
Сначала потянет,
повеет
росою и молоком.

(«Сначала окно голубеет...»)

В красные леса вечерние,
заглядывая, войду без слов,
в приглушенное свечение,
любящееся меж стволов.

(«В красные леса вечерние...»)

Впрочем, цитировать можно очень долго. Да и был ли на Руси поэт, возможен ли поэт, не любящий, не понимающий красоту родного, взрастившего края! Но целые десятки подобных стихотворений предшествовали стихотворению «В травах», одному из лучших в книге «Три дождя»:

Грациозные медоносы
клонят белые кивера.
Сенозарник-июль, покосы,
сенокоса свистит, пора!

Хорошо забрести по пояс,
погружаясь лицом в траву,
и затихнувши, успокоясь,
видеть детские сны наяву.

Сквозь дремотные колыбелья
плыть и плыть...
И услышать вдруг
затаенное состраданье,
излучаемое вокруг.

Еще раз напомним: истина поэтическая — не научно доказанная истина. Достоинства поэзии это утверждение не умаляют. Последние строчки заставляют читателя буквально обжечься о неожиданную, странную мысль. Долго же был путь человека от знаменитой фразы «Мы не можем ждать милостей от природы...» к пониманию того, что все человечество существует по великой и щедрой милости ее. Но поэт говорит не о милости, о сострадании. Поверить ему? Он действительно это услышал? Но способностью сострадать наделены не все разумные существа... Нет, нужно остановиться, это пока очень сумасшедшая мысль. Пока! Но мы стоим на пороге какого-то качественно нового понимания природы и своего места в ней, мы упорно ищем ответ на мучающие нас вопросы у Заболоцкого и Пришвина, Циолковского и Вернадского, многие мысли которых современникам тоже казались сумасшедшими.

О природа, твой вольный праздник
сыз малетства люблю я, но
сострадать человеку — разве
это право тебе дано?

Поэт тоже по-своему ищет, но кто бы сейчас мог ответить на его вопрос?

Заживи у меня — у вороны,
у сороки ли заболи...

Нынче не фантасты, а серьезные ученые говорят о существовании мыслительного поля планеты, а болевое поле существует? «Заживи у меня» — значит ли это «заболи у вороны»?

В топь — вали золотые кроны.
Под распахку — леса вали.
Мы такого еще настроим,
перекраивая пейзаж!
Реки выпрямим, горы сроем,
зверя, ягоду — все отдашь!

Именно так мы, люди, пока и поступаем. Но нелепо было бы видеть в этих

строчках гимн техническим возможностям человека, суть их близка к горькому смыслу народной поговорки: «Сила есть — ума не надо».

Что ж, в цветах или увядают,
то вблизи, то издалека,
наклоняясь к нам, страдают
земляника, сосна, река?

Что ж, как будто заболевая
в геометрии городской,
тайну сердца приоткрывая,
друг мой вдруг говорит с тоской:

«Хорошо б забрести по пояс,
погружаясь лицом в траву,
и, затихнувши, успокоясь,
видеть детские сны наяву».

Вот и все. Не так мало! Об этих стихах не скажешь, что они громыхают порожняком. Но разве все, что сказано о стихотворении, есть в его строках? Это содержание за строчками или в глубине их. Другой читатель волен дополнить или наполнить стихотворение близким ему содержанием — это будет еще одним доказательством того, что перед нами поэзия живая, доподлинная. Стихотворение цитировалось для того, чтобы пояснить этическую позицию автора. К этому и вернемся.

Говорят, мудрый взгляд на мир печален. Печаль стихотворения услышит каждый грамотный читатель поэзии, о мудрости делает вывод время. Мучительно отыскивая, нащупывая поэтический образ, поэт руководствуется не мудростью, а этической интуицией, возникающей уже в момент зарождения образа и неотделимой от него. Как работает она в данном стихотворении? Ни разящего сарказма, ни гневных укоров в неразумном отношении к природе в стихах нет: автор понимает, что необходимость и красота сегодня не союзники. Поэтому и пишет он не фельетон на горячую тему, а обращается в самую высокую инстанцию — человеческую душу, и если стихотворение родит в ней отзвук — цель поэзии достигнута. Настоящая поэзия всегда у цели.

В книге «Три дождя» проявилось и еще одно свойство поэтической личности. Острота восприятия красоты мира, переживание единственности, неповторимости прекрасного мгновенья составляют источник счастья и мучений художника. Болезненно переживаемое поэтом мгновение, которое хочется удержать, отложить в памяти, породило много прекрасного в русской лирике. В первых сборниках Башунова почти нет стихов, родившихся из соединения боли и счастья. Это понятно. Душевный труд неспешен. Зрелость придет и принесет первую горечь:

Книга, что не прочитал,
зорька, что проспал...
У себя я воровал,
а не горевал...
Пробил день. Куда еще
оставлять на после?

И хватаешься за все
сразу.
Что казалось бловством,
милым и отрадным,
обернулось воровством
самым беспощадным.

(«Книга, что не прочитал...»)

Мысли — понятные и знакомые каждому человеку, а стихи — средние, потому что индивидуального, башуновского в них не видно. Утверждать расхожие истины не дело поэзии. Сравним стихотворение с таким:

Санный путь в березы заворачивал.
Накреньясь, покачивался воз.
И слепил меня, и завораживал
иной, облетающий с берез.
Кони шли себе без покаяния.
Сено шебуршало у лица.
Было счастье, равное страданию,
раствориться в мире до конца.

(«Санный путь в березах»)

Это и есть чудное мгновенье, редкое душевное состояние, которое автор попытался передать, отбирая наиболее выразительные детали. Удалось ли ему это? Поэзия не может обойтись без упрощений, но, пожалуй, здесь поэт упростил, спрямил настолько, что последние строчки, ради которых и написано все стихотворение, не подготовлены ходом художественной мысли, и вместо счастья с той же долей обоснованности могли возникнуть острая тоска или неудовлетворенность. Две последние строчки очень хороши: они несут чуть ли не весь эмоциональный груз стихотворения, но, кажется, перед нами тот редкий случай, когда стихотворение более бы выиграло, будь оно чуть длинней...

Следить за движением поэтической мысли, нащупывающей истину, приближающейся к ней странными, непостижимыми ходами, — интереснейшее занятие:

Иногда повстречаешься с птицей,
так тоскливо она поглядит,
точно хочет с тобой поделиться
тем, что в маленьком сердце болит.

А еще, над цветком наклоняясь,
замечаешь порой, как он сам
так и тянется, приподнимаясь,
так и льнет, приникает к рукам.

Что ты им? Или все это верно:
человек умирает не весь,
очищаясь от всяческой скверны,
часть души остается здесь?

Странная мысль! Кажется, куда бы логичней было предположить, что все живое происходит от одного корня, и искать в прапамяти это родство с птицей, цветком и всем остальным, тем более, что и цветок, и птица хотят быть понятыми. Но у поэта своя логика:

О, когда это так, живите
в небе, в речке ли, на лугу!
Не нарушу я трепетной нити
связи с жизнью. Но так — не смогу.

Очевидно, поэт смешал «не могу» и «не хочу». Но от «трепетной нити связи с жизнью» до нити, связывающей все живое, уже не далеко, но поэт говорит о своем:

Что остаться цветком или птицей?
Разве сердце утетишь свое
тем, что сможешь хоть так повториться,
удержать и продлить бытие!

Я иду по лесам и по рекам,
я люблю, я детей ращу!
Что мне кем-то?
Я был человеком
и взамен ничего не ищу!

Если хочешь понять поэта, будь внимателен к тому, что говорит он, и не пытайся исправить и подменить его. Ведь стихи не о переселении душ и тому подобных метаморфозах, как могло показаться, а о страстном жизнелюбии, о стремлении воплотить в этой жизни все, что отпущено на краткий век. И о том, что человеческое сознание никогда не примирится с собственной конечностью, но будет бесконечно расширять положенные пределы. И, может быть, сильнее, острее других понимает, чувствует это поэт:

Завидная доля черемух —
завянуть и снова зацвести.
Во всем на земле очередность,
всему повторение есть.

А мне повторенья не будет.
За краем ослепшего дня
и ливень меня не разбудит,
и лес позабудет меня.

Земля станет темной, оплывшей...
Но каждую клеткой своей,
несдавшейся, неостывшей,
я все буду помнить о ней.

Зрелость — это прямой взгляд на мир, это ответственность перед людьми и временем, это стремление участвовать в общем труде в полную меру отпущенного таланта, это «родство со всем, что есть». Родство и любовь. Но клясться в любви к человечеству очень просто: это ровно ни к чему не обязывает. Башунов говорил вначале о любви к матери, к родному краю, потом — к женщине, друзьям, детям, птицам и травам — к жизни. Он всегда говорил только о том, что близко и дорого ему. После выхода первой книги его долго упрекали в узости поэтического диапазона, а он тем временем рос. Рос так, как это было естественно для него. И наконец, самые личные и сокровенные

чувства поэта стали близки и дороги самым разным людям:

Не пугайся, — входи — это рожь,
жизнь равнин и краса равнин.
Заглядишься — бросает в дрожь...
Да хранит тебя поле, сын!

А над полем ржаным
венцом
бело облако, синий клин.
Опрокинешься — и с концом...
Да хранит тебя небо, сын!

Будет враг у тебя и друг,
На земле ты не будешь один.
Люди в поле и в небе — вокруг...
Да хранят тебя люди, сын!

Всем, что Родина, облучу,
напитаю сердце твое.
Я любви тебя научу —
и в огонь пойдешь за нее.

Я судьбе твоей не судья,
а завет у меня один:
Кровь моя, жаль моя, жизнь моя,
да хранит эту землю сын!

(«Обращение к сыну»)

Вот любопытная задача для любителей раскладывать стихи по «гражданским», «камерным», «пейзажным» и прочим полочкам: а куда бы отнести это?.. К камерным? Пейзажным? У этих стихов глубокое дыхание, мощный голос и проникновенный тон. И глубоко гражданственное по сути, оно также глубоко лирическое по неподдельной взволнованности. И то, что это обращение реального отца к реальному сыну, ничуть не умаляет его общественного значения, потому что это мысли и мечты великого множества отцов. Когда голос поэта набирает такую силу, когда в его думах и чувствах люди узнают свои мысли и чувства, тогда поэзия выполняет свою главную задачу — соединяет людей в человечестве. Тогда не так уж важно, о чем пишет поэт. Большая и важная тема не в силах придать стихотворению ни одного достоинства. Только позиция поэта, выстраданность его слов придадут творчеству глубину и силу.

Размеры статьи не позволяют сказать еще о многих замечательных стихотворениях Башунова, проследить другие направления развития его творчества. Стихи Башунова последних лет написаны с той простотой, за которой для читателя открывается дыхание настоящей поэзии. Поэт в движении, в росте, и мы вправе еще многого от него ожидать.

Дмитрий ИВАНОВ,
кандидат филологических наук

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Кто же он, лирический герой этого сборника*, какой опыт вобрал в себя, в чем неповторимость пережитой им человеческой общности?

Чем глубже вчитываешься в строки стихов Виталия Шевченко, тем больше подкупают они богатством эмоциональной памяти, которая как бы заставляет ожить и заговорить прошлое. Ценность этого опыта преувеличить невозможно: герой, как и сам Виталий Шевченко, современник очень значительных событий в жизни нашей страны. К исходу шестого десятка лет он с высоты обретенного опыта осмысливает и переживает пройденный путь, свою судьбу, нерасторжимо связанную с судьбой Родины.

Оценка прошлого с позиций сегодняшнего дня человеком, вступившим в пору, когда каждый уходящий миг становится осязаемым, придает драматическую окраску многим стихам, ибо:

После приобщенья
к земному чуду бытия
приходит грустное прозреньё,
что на излете жизнь твоя.

И поэтому каждая частичка запечатленного памятью времени становится живой драгоценностью. «Живое не торопится в музей», оно трепещет в строках, воскрешающих казавшиеся бесконечными дни юности, но так резко оборвавшиеся войной, оно вырастает в облике павших на полях сражений однодневков, «не ставших отцами», оно в судьбе женщины, чья «жизнь одним мгновеньем показалось, взмахом перебитого крыла», в страницах далекого прошлого Родины, откуда идут начала нашей жизни, и в тех скупых мгновениях счастья, которые поларила герою предвоенная юность.

Не все стихи, посвященные прошлому, равноценны. Но память сердца в них осязательна. Этому в большой степени помогают удачно найденные, внешне кажущиеся незначительными детали. Например, как много значат эти строки:

Забить не могу,
как навзничь падали березы
и затихали на снегу.

* В. Шевченко. «Бессонница». — Алт. кн. изд., 1980.

А какое почти физическое ощущение жаркого полдня несет «щедрая, живая, ломкая вода» источника! Таких находок хочется еще и еще.

Но главное достигнуто: нам ясны истоки душевного мира лирического героя, мы принимаем его право оценивать сегодняшний день и самого себя с позиций заложенных опытом прошлого.

Виталий Шевченко проводит нас через все сложности душевной жизни своего героя, познавшего цену бытия.

И смелым бываю,
и в страхе дрожу,
и птицей взлетаю,
и еле хожу...

Это минуты слабости, навеянные размышлениями о возрасте, это соблазн покоя, когда герой готов признаться,

Что расслабеньё —
тоже страсть,
в которой главное —
не сдаться,
а удержаться —
не упасть...

Но цена мгновенья познана. И это знание дает память:

В том рукопашном напряженьё
он мог бы чудо совершить:
врага всего на полмгновенья,
на полштыка опередить.

Это знание дает окружающая жизнь:

Я счастлив, что живу в двадцатом
и тайну времени постиг:
мы не секундами богаты,
а весом,
полнотою их.

«Нет страшнее потери, чем загубленный миг». Бесценно все, из чего складывается жизнь. И в пристальном внимании ко всему, что окружает, в открытии его смысла видит свою цель поэт.

А она складывается из великого и малого, космоса и фотона, возвышенного подвига во имя будущего и повседневности. Виталий Шевченко сумел осязательно передать и беззащитную хрупкость зарождающейся жизни («И на клене почки, как цыплята, лезут из-под жесткой скорлупы...»), и холодное дыхание космоса, в которм пылинкой мчится наша Земля, жи-

вотворность летнего дождя, золотое по-
лоудье солнечного восхода. Очень удачны,
например, строки стихотворения «Журав-
ли», создающие почти зрительную картину
плавного движенья шумной птичьей стаи
над кипеньем просыпающейся природы:

В заоблачной выси,
где неба проталины синие,
караваны плывут
журавлиные длинные.
И курлычут,
и крыльями хлопают весело.
А под ними —
весеннее буйное месиво!

Природа в стихах Виталия Шевченко
многолика. Воплощение жизни, она дорога
ему и в облике добрых ладошек подорож-
ника, в «лебедицы пенье», в просторах «во
весь размах планеты». Даже «черная безд-
на мирозданья» неотделима от нее, овеена
дыханьем жизни: метеор — горстка «твер-
ди из царства Света и Тепла», «Марса
снежные папахи и долы знойные Венер», о
которых грезит Земля.

Но, пожалуй, главное, что влечет авто-
ра к природе, — это возможность через ее
образ выразить начала человеческого духа,
найти в ней параллель, антитезу, созвучие,
реминисценцию людскому побуждению, по-
ступку, устремлению. Так выкристаллизо-
вывается одна из граней связи человека с
природой, этого средоточия самых ценных
звеньев жизни. В сборнике немало стихов,
где удачно воплощена эта тема. Хотя есть
и такие, где связь усматривается Виталием
Шевченко несколько дидактично-назида-
тельно, рассудочно, например «Звезды»,
«Утренняя звезда», «Комета» и др. Но как
часто поэт позволяет ощутить живое тепло
своего отношения к миру, людям, событи-
ям. И в этих оценках, размышлениях, в не-
поддельном стремлении приобщить читате-
ля к своим тревогам, впечатлениям, боль-
шим и малым открытиям, сокровенным
чувствам и желаниям вырастает образ
нашего современника. У него много общего
с его сверстниками, и поэтому он говорит
о вещах, им интересных и близких, его
трудный опыт не может оставить равно-
душным юное сердце, которое поэт учит
ценить то, чье значение открывается лишь на
вершине жизни.

То почтительно восхищенным, то бурно
радующимся, то изумляющимся, то фило-
софски раздумчивым, но только не равно-
душным раскрывается он в многочислен-
ных связях, интересах и устремлениях,
которые так характерны для человека конца
XX столетия, гражданина советской стра-
ны.

Строки стихов воплощают то новое ка-
чество, которое обретает человек эпохи со-
циализма — слияние личных интересов с
устремлением всего общества, осознания
значения каждой личности, каждого посту-
пка. Лейтмотивом звучит в сборнике мысль
о действии, активном действии как смысле
существования:

Чуть рассвет небесный синью брызнет,
тороплюсь к отложенным делам.
Коль нельзя года прибавить к жизни,

прибавляю

жизнь

к своим годам...

Осознание деяния как главной меры зна-
чения человека на земле помогает лириче-
скому герою преодолеть мысли о бренности
бытия: жизнь велика числом и содержа-
нием сделанного.

И все-таки сборник несет на себе по-
чать драматизма. Драматизм пронизывает
многие стихи, его пафос оттеняет даже са-
мые радостные строчки. Он порожден глу-
бокой тревогой за жизнь, за судьбу Зем-
ли и всякой былинки на ней: злые силы
поставили под угрозу все, что есть лучше-
го во вселенной. Эти силы — силы войны
с ее страшными разрушительными средст-
вами. И поэт скорбит, негодует, призывает
сохранить жизнь, красоту. Шемящее
беспокойство сменяется верой в силу и пра-
воту жизни:

И верю:
не угаснет
род людской.
Не станет кобальт,
стронций,
водород
Сильней, чем Колос,
Жатва,
Обмолот,
Зов матерей,
плодов тугие гроздьа,
Глас разума и совести закон...

Вряд ли нужно пытаться передавать
всю полноту поэтического сборника. Это ни
в коем случае не может заменить непо-
средственного знакомства с ним. Но хочет-
ся подчеркнуть, что встреча с лирическим
гером Виталия Шевченко создает впечатле-
ние общения с доброй, открытой, беспокой-
ной, обаятельной личностью, в процессе ко-
торого открываешь множество звеньев, гово-
рящих о больших и малых, внешних и под-
спудных, сиюминутных и вечных связях
каждого со всеми. Но в то же время она
дает ощущение неповторимости облика ли-
рического героя в самые разные момен-
ты ее духовной жизни: в размышлении о
смысле человеческих поступков, в отцов-
ском любовании дочерью, душевной гру-
сти о быстротечности жизни, в приливе гор-
дости за свою Родину, за взлет человече-
ской мысли...

Таков поэтический мир Виталия Шев-
ченко. Сила его прежде всего заключена в
целостности того эстетического содержа-
ния, которое позволяет изнутри увидеть на-
шего современника. В сборнике немало хо-
роших стихов, от первой до последней
строчки берущих в полон читателя. Еще
больше таких, которые служат оправой
для настоящих художественных находок —
двух-четырёх строк. Порой автор переста-
ет доверять читателю — и тогда появляются
слабо зарифмованные назидания, кото-
рые можно было бы и вовсе не включать
в сборник: иногда даже изящные, они ос-
таются конструкцией, холодность которой
особенно ощутима рядом с теплом заду-
шевных строк. К счастью, таких стихов не-
много и не они определяют эмоциональный
настрой книги.

Владимир Борисович Свинцов родился в 1938 году в Сталинградской области. После службы в Советской Армии приехал на Алтай. Работал в органах МВД СССР. По образованию юрист-правовед. Участник Всесоюзного совещания писателей в г. Ташкенте. В 1978 г. в Алтайском книжном издательстве вышла первая книга «Олежкины каникулы». Работает заведующим Алтайским бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей РСФСР.

Владимир СВИНЦОВ

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ ОБЫКНОВЕННОЙ КОШКИ

РАССКАЗ

Однажды утром хозяин позвал:

— Кис-кис-кис!

И кошка поднялась на диване. Потянулась. Зевнула, Бесшумно спрыгнула на пол и поспешила на зов. Подошла, потерлась о ногу хозяина и сладко зажмурилась. Хозяин взял ее на руки, и она, довольная его вниманием, тихонько замурлыкала. А он опустил ее в старый мешок, вынес из дому и положил в кузов поджидающего грузовика. Машина взревела мотором и покатила вон из города, гремя железом и подпрыгивая на выбоинах.

А хозяин стал собираться на службу. Намылил щеки, шею, подбородок. Глянул в зеркало и твердой рукой повел бритвой по надутой щеке. Побрившись, он сполоснул лицо холодной водой из-под крана, промакнул полотенцем досуха, брызнул одеколоном. Плотно позавтракал. Вышел из дому и не спеша зашагал знакомым маршрутом, как ходил каждый день уже много лет...

!

Небо чернело, грозно надвигаясь на землю. Порывы ветра стали так резки, что чуть не сбивали с ног кошку. Она торопилась изо всех сил, чтобы успеть найти хоть какое-то укрытие. Но вокруг простиралось ровное поле, заросшее травой. И лишь далеко впереди, почти сливаясь с черными тучами, угадывались деревья. Ветер засвистел, завыл, пригибая к земле траву, с громким треском ломая сухие прошлогодние стебли, вдымая пыль. Молнии уже полосовали черное небо вкривь и вкось, ярко повторяясь в кошачьих глазах. Грохот грома перекатывался из конца в конец этого испуганного мира, и все живое спряталось и трепетало, выглядывая из укромных мест.

На пути кошке попала дорога. По ней бежать было легче, но дорога уходила в сторону от той невидимой линии, по которой стремилась кошка. Поэтому пришлось пересечь дорогу и продолжить свой путь теперь уже по колючей стерне, больно рая лапы.

Первая капля дождя упала на землю, за ней вторая, третья... Кошка уже видела впереди темную стену леса, где можно укрыться, но эта стена вдруг помутнела, расплылась и опрокинулась проливным дождем. Дождь больно хлестал по спине, бокам, бил в глаза. Кошка задыхалась, вертела головой, но продолжала бежать, теперь уже тяжело, мед-

ленно, и все равно прямо — к дому. Она не знала, далеко ли до пего или близко, но то, что нужно бежать именно в эту сторону, не отклоняясь никуда, было для нее ясным.

Силы уже покидали ее, когда послышался глухой шум сверху. Это струи дождя били в кроны деревьев. Дождь, словно сердясь на возникшую преграду, громко стучал о листья и ветки, разбиваясь в мелкую водяную пыль. Кошка сунулась под густые лапы раскидистой ели, но оттуда грозно хрюкнул барсук. В другое время кошка сразу бы бросилась наутек и не стала связываться с неизвестным ей зверем, но сейчас она была так измучена, что у нее просто не хватило бы сил для поисков другого убежища. Поэтому и притихла под широкой еловой лапой с самого краю. Здесь было тепло, сухо и можно передохнуть. Но барсук, недовольный соседством, захрюкал, запыхтел и опять двинулся к кошке. Тогда она тяжело вспрыгнула на ближайшую ветку и по ней перебралась к стволу, где тоже было сухо. Барсук, потеряв ее из вида, успокоился.

Кошка уселась поудобнее и стала поочередно облизывать свои израненные лапы. Делала она это очень тщательно, перебирая языком каждую подушечку, каждый коготок. Затем принялась приводить в порядок шерсть. Она языком сгоняла с нее холодную воду, выбирала колочки, отдираала налипшую грязь. Ей хотелось есть, но искать пищу было опасно, да и больно шевелиться. И она сжалась в комочек, затаилась. Уши ее непрестанно шевелились, улавливая малейший подзвонительный шорох, выделяя его из шума дождя. Кошка была вся в напряжении, готовая в любой момент броситься вверх по стволу или пустить в ход зубы и когти.

Наконец она задремала. Дремота была тяжелой, тревожной. Уж очень кошка устала за сегодняшний день. А может, ее мучили воспоминания? Ведь должны же кошки помнить хотя бы немного из того, что с ними было? Хотя бы немного...

Была она когда-то маленьким, слепым котенком. И вместе со своими двумя братьями тыкалась в материнский живот в поисках молока. Мать — не какая-то там ангорская или сиамская, а обыкновенная домашняя кошка, серая, с темными полосами по спине и хвосту, одинаково ласково облизывала всех троих котят. Ну, может, ее чуть поласковей, угадывая особу женского пола, а значит, и с более трудной судьбой.

Через двенадцать дней у котят прорезались глаза, пока еще мутные, неопределенного цвета и немного навывкате. Этими глазами маленькая кошка глянула на окружающий ее мир, который сразу же разделила на постоянный и временный.

Постоянный состоял из двух братьев, из небольшой картонной коробки с тряпичной подстилкой, а главное — из материнского тепла, запаха и молока. Мать впрыгивала в коробку всегда неожиданно, откуда-то сверху, и вместе с ней приходили сытость, а затем и сон под ласковое мурлыканье. Это был замечательный и очень понятный мир.

Временный мир всегда был разный. Это и шум за стенкой коробки — иногда громкий, пугающий, иногда еле слышный; а запахи, которые проникали сюда сами и которые приносила с собой мать-кошка. Временный мир оставался пока непонятным и необъяснимым.

Еще через две недели котята подросли и окрепли. Постоянный мир стал им уже тесен. Их начали интересовать другой мир, тот, куда уходила мать и откуда проникали неизвестные шум и запахи. Маленькая кошка первой вскарабкалась по стенке коробки, но то, что она увидела, так напугало ее, что она свалилась на спины своих братьев. Временный мир оказался огромный, во много раз больше этого — привычного. И маленькая кошка до самого вечера не пыталась больше выглянуть. Но к вечеру пришла мать, и страха не стало. Насосавшись вдоволь молока, маленькая кошка почувствовала вдруг необыкновен-

но сильное влечение в мир, который ее так напугал. Она заволновалась, затеребила мать, и та, понимая, что котят уже не удержать в коробке, призывно замыкала:

— Мря-у! Мррря-ууу!

Котята, цепляясь острыми коготками за стенки коробки, спустились на пол. Кошкализала каждого для смелости и неслышной тенью скользнула в другую комнату. Котята пугливо, припадая на лапы, последовали за ней. За ночь была обследована вся квартира, и котята, уставшие от увиденного, возвратились в коробку, где заснули, тесно прижавшись друг к другу.

В следующую ночь, уже без материнского зова, они вылезли из своего убежища и затеяли игру. Пока еще робко, постоянно оглядываясь и пугаясь любого громкого звука. Мать-кошка улеглась на краю дивана и ласковым мурлыканьем успокаивала котят. Постепенно они осмелели и то гонялись друг за дружкой, то таились в засаде, то карабкались на диван к матери, стараясь и ее вовлечь в игру.

Котята росли быстро. Они полностью освоились в квартире. Исследовали и обнюхали все укромные уголки. Хозяйку, которая кормила их, они полюбили и узнавали по запаху и рукам. А хозяина побаивались. Он не кормил их, не ласкал, а однажды даже больно сбросил с дивана. Поэтому, если хозяин был дома, котята прятались в коробке, но когда он уходил на работу, начиналась веселая игра. Маленькая кошка в игре была проворнее своих братьев. Она быстрее бегала, ловчее пряталась, стремительнее выскакивала из засады... Как-то раз, заигравшись, она залезла на подоконник и с изумлением увидела, что даже новый огромный мир не кончается этими стенами, что он продолжается дальше, еще более огромный, еще более привлекательный. Маленькая кошка ходила по подоконнику, стараясь найти хотя бы щелочку в невидимой стене, холодной и твердой, отгораживающей ее от мира, где зеленела трава, где бегали и весело кричали маленькие человечки. Тогда она жалобно замыкала. И мать-кошка, встревоженная поведением дочери, прыгнула на подоконник и, догадавшись о причине ее волнения, ласково замурлыкала какую-то древнюю-древнюю кошачью песню...

Однажды утром в квартиру вошел человек, запаха которого котята не знали. Хозяйка почему-то тяжело вздохнула и позвала:

— Кис-кис!

Котята бросились к блюду, и маленькая кошка, как всегда, оказалась впереди. Хозяйка попыталась схватить ее, но та, почувствовав неладное, залезла под диван и забила в дальний угол. Диван отодвинули. Хозяйка схватила маленькую кошку, но та так перепугалась, что стала царапаться, фыркать, потом жалобно закричала, призывая на помощь мать. Но незнакомец уже запихал ее под пиджак.

II

Дождь поутих и шумел где-то вверху, бессильный перед густыми лапами раскидистой ели. Кошка обсохла, пригрелась, но вдруг ей в ноздри ударил запах. Это был запах птицы, запах еды. От него сильнее напряглись мышцы, а кончик хвоста сделал несколько судорожных движений. Птица тихонечко пискнула во сне, заворочалась, и под этот шум кошка рывком поднялась на ветку и замерла. Дрожь ветки передалась птице. Птица встревоженно вытянула шею, завертела головой, готовясь взлететь. Но кошка опередила ее — прыгнула. И обе они, обдираясь о ветки, свалились вниз. Птица оказалась слишком большой. Кошка старалась перекусить ей горло, но не хватало сил. Птица хлопала крыльями, больно била клювом, стараясь освободиться. Кошка устала и чуть разжала зубы. В этот момент птица рванулась и взлетела.

Барсук выбежал на шум схватки и, рассерженный, бросился в атаку. Но кошка не приняла вызова. Она тяжело вспрыгнула на ветку и устроилась повыше, изредка облизываясь, вздрагивая всем телом.

А дождь все шумел и шумел, навевая дремоту. Кошка вновь сжалась в комочек, закрыла глаза. Вспоминала дом, куда ее, еще маленькой, принес новый хозяин. Дом был большой и старый. Здесь и запахи были другие. Пахло прелым деревом, плесенью и еще чем-то, от чего у кошки загорелись глаза и стал подергиваться кончик хвоста. В комнату вбежали дети — мальчик и девочка. Они схватили кошку, стали вырывать друг у друга, дули ей в нос, чесали за ушами, тянули за хвост и надоели так, что она не выдержала, цапнула кого-то своими тонкими, но острыми когтями. На кошку обиделись. Бросили на пол, и она, шмыгнув под кровать, затаилась.

Кошку несколько раз пытались выманить, называли разными именами, но ей понравилось только одно — «Муська». Так кошка получила имя и начала самостоятельную жизнь. Из-под кровати она вылезла только когда стемнело и сразу стала обходить свои новые владения. Растопырив усы, переходила из комнаты в комнату и жалобно мяукала — искала мать и братьев.

— Мяу? Мяу?

Но никто не отозвался. Лишь хозяин, разбуженный ее криком, запустил тапочком, который пролетел очень близко. Кошка перепугалась и бросилась в другую комнату. Там, под диваном, вдруг обнаружила небольшое отверстие в полу, откуда сильно пахло прелью и еще чем-то дразнящим. В комнате тикали часы на комоде, за дверью всхрапывал во сне хозяин. Но эти звуки кошку не интересовали. Она почувствовала, что кроме нее здесь, в комнате, да и под полом, есть еще кто-то. Это ей подсказало обоняние. Кошка выбрала место около стены, присела, чтобы видеть отверстие в полу, и замерла.

Долго она так сидела. Но вот в подполье что-то заскреблось, несмело пискнуло. Потом заскреблось уже в комнате, под шифоньером. Вскоре писк и шорох стали раздаваться по всему дому. Вдруг зашестело совсем рядом. Кошка скосила глаза и увидела, как мышонок с длинным, волочащимся по полу хвостом забегал неподалеку, настроженно поглядывая в ее сторону. Кошка рванулась вперед и острыми когтями схватила мышонка. Тот испуганно запищал, задергался и затих.

Кошка вытащила свою первую добычу на середину комнаты, где на полу лежало светлое пятно от заглядывающей в окно луны, а сама отошла в тень комода. Мышонок лежал и не шевелился, словно неживой. Кошка тоже сидела неподвижно.

Светлое пятно на полу передвинулось к стене, и мышонок теперь почти слился с темнотой. Кошка припала еще ближе к полу, готовясь к прыжку. Мышонок вдруг ожил и кинулся под диван. Прыжок! И кошка стала на пути мышонка. Тот отчаянно запищал и побежал быстро-быстро к комоду, но кошка и тут догнала его.

А утром кошку разбудили восторженные крики детей, к которым присоединился и довольный бас нового хозяина.

— Муська, Муська! Кис-кис-кис! — кричали они хором.

Кошка встала, потянулась, вонзая свои когти в матерчатую обивку дивана, и легко прыгнула на пол. К ней бросились, схватили, за тискали. Налили молока в блюдце, стали гладить, мешая есть, и оставили в покое лишь после сердитого окрика хозяина.

Сытно позавтракав, кошка понюхала место, где оставляла мышонка, и принялась за свой туалет. Затем спокойным шагом, уже как хозяйка прыгнула на понравившийся ей диван и задремала.

Дождь перестал. Небо посветлело. Высыпали звезды. Кошка готова была продолжить свой путь к дому. Правда, болели израненные лапы да голод подтягивал живот, но тут уж ничего не поделаешь. Пора! Барсук завозился внизу, тоже собираясь в дорогу. Но на соседнем дереве испуганно захлопала крыльями птица. И кошка остановилась. Взлет птицы насторожил ее. Сама по природе своей хищник, она знала, что ночью легче найти добычу, но ночью на охоту выходят не только кошки... Поэтому-то она так тщательно приюхивалась и прислушивалась, прежде чем покинуть гостеприимную ель, где была все-таки в относительной безопасности.

Чуть зашелестел знобкий ветерок, принес много запахов. Один из них кошка выделила особо. Это был опасный запах. Он мешал кошке спрыгнуть на землю. И кошка, усевшись поудобнее, решила выждать. Барсук, конечно, тоже учуял этот запах и затих.

Кошка сидела неслышно, стараясь не делать никаких движений. И вот послышались легкие шаги. Они ближе... Совсем рядом... Нижние ветки ели вдруг раздвинулись, и показалась острая морда, очень похожая на собачью. Это был волк. Кошка напряглась вся, готовая ринуться вверх по стволу. Но волк не обратил на нее внимания. Его интересовало что-то другое... Вот он продвинулся еще, и барсук, не выдержав, бросился вон из-под ели. На него прыгнула, вывернувшись из-за опущенных ветвей, волчица. Барсук дрался отчаянно. Длинными когтями он глубоко распорол волчице бок, но волк схватил его за горло, и барсук захрипел, задержался... Волк забросил его себе на спину... Шаги удалились. И снова стало тихо под елью.

Кошка подождала немного, осторожно спустилась с ветки и, брезгливо фыркая от волчьего запаха, стала слизывать с земли барсучью кровь. Кровь немного подкрепила кошку. Она вновь побежала в ту сторону, где был ее дом. Воздух, влажный после дождя, пугал запахи, скрадывал звуки, поэтому кошка была предельно осторожна. Она то бежала, то прижималась к земле, то пряталась от неведомых врагов, то вспрыгивала на дерево, чтобы переждать опасность.

Рассвет близился, когда кошка подошла к реке. Вся шерсть ее была мокрой от капель дождя, остававшихся на траве и листьях деревьев. Кошка пробежала по берегу в одну сторону, затем вернулась на старый след и пробежала в другую — переправы не было. Везде открытая водная гладь. Кошка заволновалась, заметалась... От реки поднимался туман. Он становился все гуще. Кошка вынуждена была спрятаться под большой корягой, дожидаясь, пока взойдет солнце и рассеет туман. Было холодно и сыро. Кошка сжалась, стараясь пересилить знобкую дрожь, и закрыла глаза.

Дома каждую ночь кошка выходила на охоту. Мышей было много. Они источили нижние бревна, и дом покосился. Прогрызли в полу множество дыр, свободно разгуливали по комнатам. Но кошка вскоре положила конец этому нахальству. Она загнала мышей в подполье и просиживала там ночи напролет. А к утру вытаскивала свою добычу наверх, аккуратно складывая у порога.

Дети хозяина очень полюбили кошку. Они клали ее к себе в постель, хотя отец и ругал их за это. Но кошка так приятно напевала свои ласковые песни, с нею так быстро засыпалось... Кошка дожидалась, когда дети заснут, спрыгивала с кровати, бесшумно проходила по комнатам и, удовлетворенная осмотром, спускалась в подполье.

С каждым днем охотиться становилось все труднее. Мыши затаились, они уже не бегали открыто, не скреблись, не пищали, а сидели в своих норах, которые кошке были недоступны. Ей пришлось пустить в ход всю хитрость, все терпение — часами высидывать неподвижно, чтобы обманутая тишиной мышь выглянула из своей крепости.

Наконец осталась последняя мышь. Другие были пойманы или бежали в соседние дома, где не было кошек. Эта последняя мышь была стара и хитра. Она прожила большую мышиную жизнь, видела много опасностей и научилась избегать их. Жила она в норе, в дальнем углу подвала, причем вход в нору был не у пола, как обычно, а несколько выше. Снизу кошка достать его не могла, а сверху над норкой нависал небольшой выступ, который тоже мешал прыжку. Карниз же, по которому добиралась до норы сама мышь, был настолько узок, что кошка не могла на нем поместиться. Караулить же вдали от норы бесполезно, так как мыши очень проворны и осторожны.

Целую неделю кошка охотилась безрезультатно. Какое бы она ни выбирала место, оно было неудобным: либо что-то мешало прыжку, либо мышь не подходила близко. Тогда кошка с трудом взобралась на выступ над самой норой. Выступ был таким крохотным, что она еле уместилась. Теперь оставалось только ждать. Но мышь заподозрила неладное и не показывалась. Кошка просидела на этом выступе ночь, потом день, потом еще полночи, пока, наконец, хитрая старая мышь не высунула свою острую морду из норы. И вот она положила у порога свой последний трофей.

До вечера кошка отсыпалась, набиралась сил, а как только стемнело, стала проситься во двор. Хозяин выпустил ее и тут же закрыл дверь. А кошка сразу же вздыбила шерсть и выгнула спину — в нос ей ударил резкий запах, который она впервые слышала, но инстинкт, заложенный ей далекими предками, подсказал: берегись! Огромная собака растерялась от неожиданности всего на мгновение, но этого мгновенья кошке хватило, чтобы взметнуться по лестнице на крышу. А вслед ей уже рвался злобный громкий лай. Совсем не желая того, кошка приобрела себе кровного врага, который с этого дня подстерегал ее всюду, следил за каждым шагом, мешал ночной охоте. Широко открытая свирепая пасть иногда бывала так близко, что если бы кошка не держалась постоянно настороже, огромные клыки разорвали давно бы ее на мелкие кусочки. Так долго продолжаться не могло. Кто-то должен был уступить.

Как-то утром, когда кошка, возвращаясь после ночной охоты, поднялась на крыльцо и, царапнув дверь, тихонечко позвала хозяина (мяу!), собака неожиданно вывернулась из-за угла. Как кошка допустила такое, трудно сказать. И все-таки это случилось. Раскрытая пасть была совсем рядом, и кошка бросилась на своего врага. Она вонзила острые когти в собачью морду и закричала:

— Мррря-ууу!

Собака взвыла от боли и испуга, бросилась наутек. Кошка не преследовала ее. Встопорщившись, она медленно прохаживалась по крыльцу, всем своим видом давая понять — здесь она хозяйка и не потерпит, чтобы ее преследовали.

Собака смирилась не сразу. Она еще несколько раз пыталась заставить кошку врасплох и каждый раз получала жестокую трепку. Теперь стоило только кошке встопорщить шерсть и выгнуть спину, как вся смелость у собаки пропадала. Она только издали лаяла, а близко подходить боялась. И кошка стала пользоваться уважением не только у хозяина, но и у всех домашних животных.

IV

Туман был густой и холодный. Он висел над рекой очень долго. И даже взошедшее солнце, которое только угадывалось по желтому пятну, не могло прогнать эту белую пелену. Но вот потянул ветерок. Подул с противоположного берега, оторвал туман от земли, поднял рябь на воде... Солнце проглянуло, пригрело своими лучами землю и, словно по знаку невидимого волшебника, защебетали птицы, забега-

ли бурундуки... Могучий лось, застигнутый туманом в неудобном месте, заторопился вдоль берега в поисках безопасной дневной лежки. Он прошел так близко, что кошка невольно вжалась в корягу, увидав прямо перед собой острое раздвоенное копыто. Но лосю не было никакого дела до усталой, продрогшей кошки. Проводив его испуганным взглядом, кошка выползла из своего укрытия и улеглась с подветренной стороны коряги, подставляя под солнечное тепло продрогшее тело. Она не могла пока продолжать путь. У нее просто не хватило бы сил переплыть реку.

Солнце поднялось выше, и кошка, пообсохнув и обогревшись, заторопилась. Она вновь пробежала вдоль берега в одну, затем в другую сторону в поисках переправы. Но тщетно. Тогда она вернулась к коряге и стала пристально вглядываться в противоположный берег.

Кошки не любят воду, пловцы из них никудышные. Да и плавают они только в исключительных случаях. Нашей кошке не приходилось плавать ни разу, но инстинкт гнал ее к дому, и это чувство было сильнее страха. Рябь была небольшая. Ветерок утихал. Кошка осторожно дотронулась лапой до воды и тут же отдернула ее. Потом таким же образом намочила и вторую. И опять остановилась в нерешительности, внимательно вглядываясь в противоположный берег, словно взглядом хотела приблизить его. Но он, увы, не приближался, и кошка ступила в воду, высоко поднимая лапы и вертикально задрал хвост. Волна, набегая, легонько ударила ей в живот, кошка вздрогнула, жалобно мяукнула и попятилась было назад, но эта же волна потащила ее с собой. И кошка заработала всеми четырьмя лапами. Подсохшая шерсть держала ее на плаву, но ветерок, хотя и небольшой, противился, гнал назад. Кошка отчаянно гребла, а силы слабели. Сказывался голод. Желанный берег приближался очень медленно. Хвост у кошки стал опускаться ниже, ниже, у нее уже не было сил удержать его вертикально. И вот хвост совсем упал на воду, быстро намок и теперь мешал плыть, добавив тяжести. Кошка делала отчаянные усилия и, наконец, еле выползла на песчаную отмель. От усталости она не могла даже встряхнуться. Но, отдохнув всего немного, поднялась и, шатаясь, поплелась вперед. Она торопилась к своему дому.

Тогда, давно, приближение своей первой весны кошка почуяла не по ослаблению морозов, а по удивительному превращению всех соседских кошек. Они уже не сворачивали в сторону при встрече, а подходили очень близко и подолгу сидели друг против друга, тщательно принюхиваясь. И если раньше кошка только изредка видела во время ночной охоты себе подобных, то сейчас встречала их чуть ли не на каждом шагу. И теперь она каждый вечер с нетерпением ждала темноты, чтобы выйти во двор. Но хозяин вдруг перестал выпускать ее, и однажды больно отпихнул от двери, когда кошка хотела пройти вместе с ним. Кошка очень обиделась, ведь она не заслужила такого обращения, и спустилась в подполье, где раньше охотилась на мышей. И вот, проходя там, она почувствовала свежую, пахнущую морозом, струю воздуха, который проходил через открытую отдушину. Отдушина оказалась достаточно широкой, и кошка свободно вылезла во двор.

Теперь каждый вечер она пользовалась своим тайным ходом. Подходила к сараю. Взбиралась на крышу. И внимательно вглядывалась в сгущающиеся сумерки. Вот из соседнего двора выскальзывала тень. Кошка вся подбиралась, старалась слиться с крышей, сделаться невидимой. Но делала это не очень искусно. Тень приближалась и выросла в большого красивого кота, черного, с белой грудью и белыми лапами. Он усаживался неподалеку и, не мигая, смотрел на кошку. Глаза его при свете восходящей луны зеленоваты, загадочно блестя.

Кошка ложилась на бок, терлась головой о крышу сарая, ласково мяукала, приглашая играть. И черно-белый, подняв хвост трубой, уже подступал к ней. Вдруг он весь напружинивался, взъерошивался, серди-

то шевелил усами и начинал бить себя по бокам пушистым хвостом. Кошка, даже не глядя, знала, что приближается еще один сосед — хромой серый кот. Еще котенком он попал лапой в капкан, поставленный на крыс, и с тех пор припадал на правую переднюю лапу. Кот был большой и старый. Он тоже безошибочно выбирал направление, но подходил медленно, злобно прижав уши к голове, готовясь к драке. Серый и черно-белый усаживались на самом коньке крыши и, уставившись глаза в глаза, начинали петь. Ах, как они пели! Кошка просиживала ночи напролет, наслаждаясь этим концертом. Да разве только она одна?! Все окрестные коты и кошки собирались здесь же, но не подходили близко.

— Мрррррря-ууууу! — запевал басом серый. Кошка знала, что он поет для нее и понимала это примерно так: — Я в честном бою победил восемнадцать котов! Мрррря-уууу!

— Рррря-ууу! — подхватывал черно-белый и выводил старательно свой куплет: — А я семь победил, и все они были сильные-пресильные. Яу-ууу-ррря-уууу!

Иногда, в особо волнующих местах, подхватывали хором и другие коты. Людям почему-то не нравится кошачье пение. Ну, что поделаешь, каждый поет, как умеет.

Эти замечательные концерты продолжались больше недели, а потом серый заметил, что кошке больше нравится пение черно-белого.

Он так рассердился, что бросился в драку. Драка была жестокой — коты царапали друг друга и кусали. Черно-белый победил. И кошка полюбила его. Но недолго длилось ее счастье. Коты — народ непостоянный... Однажды черно-белый ушел на другую крышу и не вернулся. Кошка так переживала, что перестала выходить во двор, а все время проводила дома. От страшного огорчения она много спала, сильно растолстела и начисто позабыла про непостоянного черно-белого кота. А потом... Потом у нее в укромном уголке под кроватью появились два котенка. И оба они были черно-белыми. Цвет их шерстки смутно напоминал кошке о чем-то, но она не могла вспомнить, да и не очень старалась. У нее теперь хватало забот. Она вылизывала своих котят по пять раз на день, кормила молоком, согревала своим телом... Ах, какое это было счастливое время! Но однажды кошку закрыли в другой комнате, а когда выпустили — котят не оказалось на месте. Кошка обошла все комнаты, слезила в подполье. Котят нигде не было. А ведь они не могли никуда уйти, они были еще слепые. Горе кошки трудно передать. Наполненные молоком соски мешали ей ходить, причиняли боль...

— Мяу! Мяу! — плакала кошка, звала детей, но их не было.

Хозяин кричал на кошку, потом схватил и понес к двери. И кошка вдруг учуяла, что от него пахнет котятами. Почему от него пахло котятами, она не могла понять. Хозяин открыл дверь и выбросил кошку во двор. Кошка обошла все уголки в сарае, слезила на крышу, обыскала весь двор — котят нигде не было. Правда, в углу двора под старой яблоней, где стояла свежая, разрыхленная земля, почему-то тоже пахло котятами. Оттаявшая земля исторгала столько запахов, что трудно было разобраться...

Кошке, наконец, повезло. Пробегая по недавно скошенному лугу, она наткнулась на подрезанную косилкой молодую перепелку. Кошка тут же съела ее. Но прошло совсем немного времени и вместо обычного ощущения спокойной сытости, в желудке вдруг возникла резкая боль. Судороги сгибали кошку. Она билась о землю, но боль не отступала. В короткие перерывы между приступами боли кошка поднималась и шла по лугу, приюхиваясь, пока не наткнулась на травку с

малоприятным запахом. Раньше она бы не обратила внимания на эту траву и прошла мимо, но сейчас стала с жадностью поедать ее стреловидные листья. От этой травы боль в желудке постепенно утихла. Кошка полежала немного и, почувствовав себя лучше, снова двинулась в путь.

Она очень изменилась. Даже хозяин с трудом бы узнал ее. Когда-то блестящая шерсть поблекла, висела грязными сосульками. Бок ввалились. Глаза воспалились и болели. Лапы распухли и кровоточили. Каждый шаг причинял кошке тяжкие страдания. Еще бы! Четыре дня тому назад ее выбросили в старом пыльном мешке на дорогу. Машина умчалась, а до смерти перепуганная кошка тщетно царапала жесткую мешковину, пока один любопытный шофер, пытаясь узнать содержимое мешка, не развязал его. С того времени у кошки не было никакой еды, не считая нескольких капель барсучьей крови. Отсюда и боли в желудке и слабость... Ей бы пару дней отдохнуть, откормиться. Но инстинкт, более сильный, чем все остальные, гнал к дому.

Кошка знала, что осталось совсем немного — день, ну от силы два, — и она будет дома, где хозяин накормит ее молоком, приласкает. Лапы и глаза заживут, шерсть снова заблестит, и она опять станет красивой и веселой домашней кошкой. Правда, отношения между хозяином и кошкой в последнее время очень изменились. Хотя кошка продолжала каждую ночь выходить на охоту, хозяин перестал ее ласкать, смотрел косо, детям строго-настрого запретил брать ее на руки, а вскоре перестал пускать в дом. Кошка не могла понять причины такого отношения. Она не знала, что, уничтожив всех мышей в доме, вызвала подозрения хозяина. Раз кошка не ловит мышей — значит, она или стара, или больна. Поэтому... хозяин принес домой новую кошку. Совсем маленькую — котенка. Котенок был сильно напуган.

VI

Кошка, наконец, подошла к городу. Лес кончился, а вместе с лесом исчезла опасность встретиться с дикими зверями. Начался пригород с маленькими деревянными и кирпичными домиками. И здесь-то появилась другая опасность — собаки. Задолго до того, как кошка подошла к крайнему огороду, она уже услышала разноголосый лай, а затем учуяла и запах. Лай и запах неслись со всех сторон. И кошка не решилась идти днем, а присела под забором, чтобы дождаться темноты. Ее дом находился на другом конце города.

От усталости кошка, очевидно, задремала, а когда очнулась, увидела прямо перед собой большую лохматую собаку. Кошка даже не успела принять боевую позу, она только жалобно мяукнула и сжалась в комочек. Собака, привыкшая к отчаянному сопротивлению, удивленно уставилась на кошку. Эта кошка была какая-то необыкновенная, и запахи от нее исходили совсем другие, не такие, как от обычных домашних кошек. Эта кошка пахла лесом, зверем, травами. Она была такая худая, грязная, что собака даже не тронула ее.

Дождавшись темноты, кошка двинулась дальше. Шла она медленно, осторожно, крадучись вдоль заборов, часто останавливаясь и припадая к земле. Она отвыкла от тех запахов, которые окружали ее теперь. Вот завоняло бензином, резиной, загремело железом. Кошка вжалась в землю, распласталась на обочине, затаила дыхание — автомашина промчалась мимо. Кошка вскочила, бросилась через дорогу, но чуть не попала под колеса мотоцикла. И все же она благополучно миновала вторую, третью, четвертую улицы... Маленькие дома кончились, впереди лежал пустырь, заваленный мусором, а уже за этим пустырем светились огнями высотные дома. Запахи, идущие с пустыря, были так разнообразны, так сильны, что уже сами по себе пугали. Здесь пахло железом и цементом, гниющими овощами и трупами жи-

вотных, прелым деревом и остывшим шлаком, горелой резиной и еще чем-то таким, чего кошка не знала. Здесь была какая-то своя жизнь — где-то что-то стучало, пищало, скрипело, хлопало: бродили неясные тени... Кошка очень боялась. Она как можно ниже пригнулась к земле, стараясь сделаться невидимой, и шагнула в этот страшный мир. И чем дальше она углублялась в него, тем осторожнее становились ее движения, тем стремительнее она перебегала от одной кучи мусора к другой.

Внезапно посветлело. Перед кошкой высились громады каменных домов с одинаковыми формами и одинаковыми запахами. Яркие фонари бросали вокруг много света. Теперь кошка могла издали заметить опасность, правда и сама она была видна издали... Но ничто уже не могло остановить кошку. Она даже забыла про боль в израненных лапах, про голод. Она чувствовала, что еще совсем немного — и начнутся знакомые места.

Вскоре дома стали ниже, чаще попадались деревянные, одноэтажные. Кошка бежала теперь, не остерегаясь. И вот, наконец, знакомый забор, лазейка в нем, крыльцо... Кошка уселась на верхней ступеньке крыльца и приюжилась. Здесь запахи были нестрашные, привычные. Вот запах собаки, которая долго враждовала с кошкой, а последнее время даже подружилась с ней. Вот запах хозяина. Он проступал везде и так ясно, что кошке даже почудилась его рука, поглаживающая ее по спине. А вот запах котенка, того самого, что недавно принес хозяин и которого кошка успела полюбить...

Да, наконец-то кошка была дома. Ей нечего было больше опасаться и некуда спешить. И она, почувствовав все это, успокоилась, закрыла глаза и задремала. Но сквозь дрему ей слышались быстрые шаги, и кошка по привычке напряглась, подбирая израненные лапы. Из-за угла дома выбежала собака и, узнав кошку, приветливо замахала хвостом. Но кошка пока не доверяла ей, слишком много врагов встретила она на своем пути за последнее время. Поэтому, сильно хромя, она подошла к лестнице, ведущей на чердак, тяжело взобралась на первую перекладину и уселась на ней, дожидаясь, когда собака уйдет. Затем слезла на землю, вновь направилась к крыльцу, где заметила маленькую, неясную тень. Но этой тени кошка не испугалась, наоборот, потянувшись к ней, ласково мурлыча. Это был тот самый котенок, которого хозяин принес недавно. Котенок долго обнюхивал кошку и, очевидно, запахи, шедшие от нее, рассказали о тяжелом пути. А может, он вспомнил, как недавно эта кошка ласково обошла с ним, когда он, напуганный незнакомым домом, забился под кровать и дрожал. И котенок принялся старательно вылизывать кошку, приводить в порядок ее шерсть.

Кошка не знала, да и не могла знать, что появление этого маленького котенка так отразится на ее судьбе. С первого же дня она взяла его под свое покровительство. Успокоила, приласкала, ночью обошла с ним все комнаты. Вывела через отдушину в подполье во двор, слезла на чердак и на крышу сарая. А к утру они оба, усталые, заснули на диване, тесно прижавшись друг к другу. Это было счастливое время, когда кошка чувствовала себя почти матерью. Ей было о ком заботиться, и котенок нежно на эту заботу отвечал. Но люди рассуждают иначе — зачем в одном доме две кошки? Поэтому однажды утром хозяин позвал:

— Кис-кис-кис!

И кошка тихонько поднялась с постоянного места на диване, стараясь не потревожить спавшего там котенка. Потянувшись. Зевнула. Бесшумно прыгнула на пол и поспешила на зов. Подошла, потерлась о ногу хозяина, изгибая от удовольствия хвост. Хозяин взял ее на руки, и она, довольная его вниманием, ласково замурлыкала. А он опустил ее в мешок, вынес из дому и положил в кузов поджидающего грузовика.

Утро застало кошку там же, на верхней ступеньке крыльца. Чисто вылизанная котенком, она спокойно отдыхала рядом с ним. Солнце осветило двор, заиграло на стеклах окон. И кошка услышала знакомые звуки — зазвенел будильник. Заскрипела кровать под тяжестью тела хозяина. Он закашлял спросонок, зашлепал тапочками к двери. Загромыхал засов. И кошка поспешно поднялась, чтобы приветствовать хозяина. Вот сейчас откроется дверь, и она, как бывало, подойдет, потрется о его ноги, и он погладит ее, приласкает...

Дверь открылась. На пороге появился хозяин.

— Ты смотри — пришла, — сказал он удивленно. И громко свистнул.

Собака выскочила из конуры.

— Взять ее! — крикнул хозяин, показывая рукой на кошку.

Собака растерянно заметалась по двору. Она не могла понять хозяина. Тогда он схватил метлу. Но кошка не стала дожидаться удара, убежала в сарай, забилась в дальний угол. Она поняла, что хозяину больше не нужна. Кошки это быстро понимают.

До вечера кошка просидела в сарае, а как только стемнело, в сопровождении котенка и собаки, сгорбившись, обошла двор и медленно пошла по улице. Она шла мимо заборов, подворотен, и собаки молчали, не лаяли на нее.

Кошка вышла к оврагу, остановилась на краю обрыва, присела под кустом и закрыла глаза. Нет, она не вспоминала прошлое. Она пришла сюда не за этим. Просто кошки никогда не умирают дома...

А хозяин? Он намылил щеки, шею, подбородок. Глянул в зеркало и твердой рукой повел бритвой по надутой щеке. Потом он сполоснул лицо холодной водой из-под крана, промакнул полотенцем досуха, брызнул одеколоном. Плотно позавтракал. Налил котенку молока, пощекотал ему за ушами. Вышел из дому и не спеша зашагал на службу знакомым марширутом, как ходил каждый день вот уже много лет...

го
де
о-
ью
ои.
во-
ет,

ст-

хо-
ра,
ину

о, в
мед-
баки

села
Она
а...
кало
снул
суха,
и, по-
ужбу
...

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

50 коп.

На переднем крае обложки:
А. Г. ГАБРИЕЛ. «После дождя».

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru